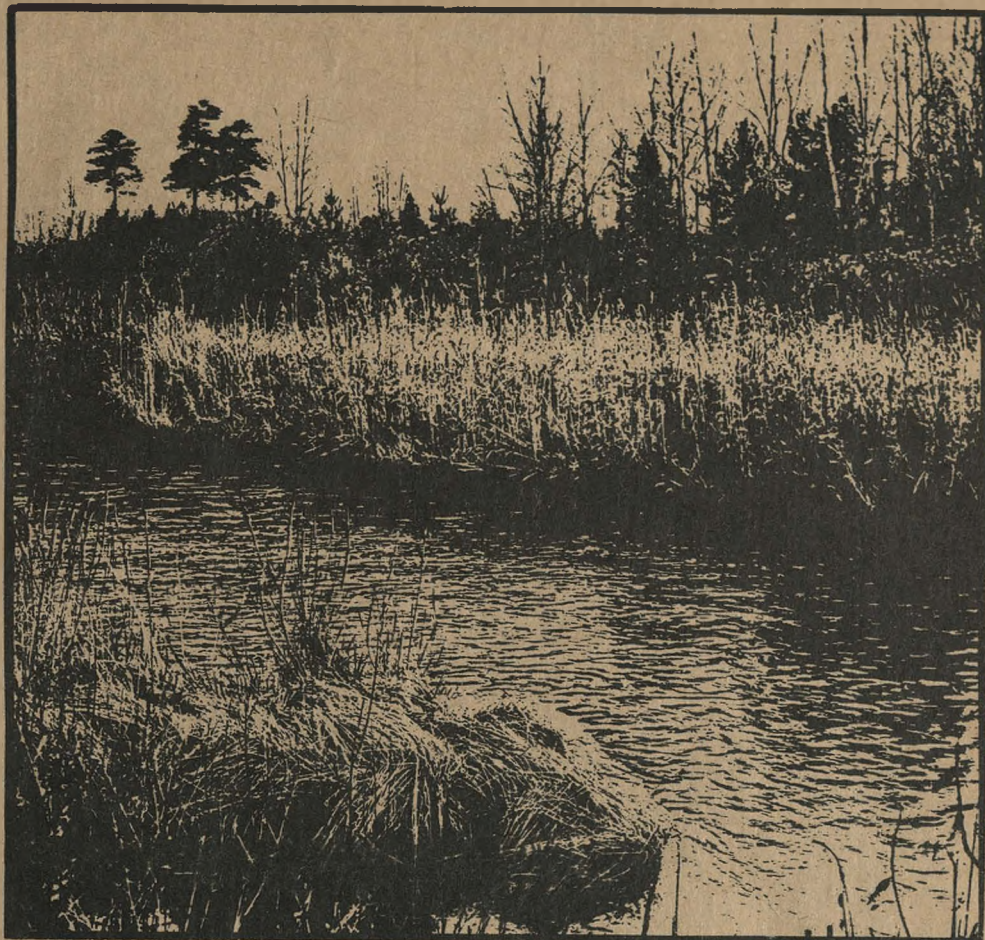


A521kp.  
Б 1250786

ISSN 0320—7417



# АЛТАЙ

2. 1986

Б 1250786



А521 кр.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

# АЛТАЙ

1986

2

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ  
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ  
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Издается с 1947 года

## СОДЕРЖАНИЕ

### ПРОЗА

Виктор ПОПОВ. Славка Залесов. Главы из романа «Отчий дом» . . . . . 35

### ПОЭЗИЯ

Николай ЧЕРКАСОВ. «Это время неторопких дум...» Стихи . . . . . 28  
Александр ОСТАПОВ. «Если боль чужая — не чужая...» Стихи . . . . . 32  
Владислав КОЗОДОВ. «И вновь о счастье размышляешь...» Стихи . . . . . 88  
Николай ЛАКТИОНОВ. «На то нам и память дана...» Стихи . . . . . 91

### ОТЕЧЕСТВО МОЕ

Марк ЮДАЛЕВИЧ. Барнаул . . . . . 94

### ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

Василий БЕЛОЗЕРЦЕВ. Главное дело на земле . . . . . 3  
Алексей ПРОЗОРОВ. В поисках синей птицы . . . . . 113

### КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Василий ГРИШАЕВ. Забытое имя . . . . . 117  
Нина КЛАДОВА. Страницы героической борьбы. Обзор литературы 1970—  
80-х гг. о рабочем классе Сибири в годы гражданской войны и иностранной интервенции . . . . . 122

### ДЛЯ ДЕТЕЙ

Валентина НОВИЧИХИНА. Дождь. Радуга. Дружок. Жеребенок. Считалка. Пробуждение. Умывание. Кузнечики. Утята. Сверчок. Стихи . . . . . 127

БАРНАУЛ. АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1986

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

л. 00

Главный редактор И. П. КУДИНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. БАШУНОВ, П. А. БОРОДКИН, В. Ф. ГОРН,  
Е. Г. ГУЩИН, Л. И. КВИН, Ю. Я. КОЗЛОВ,  
Я. Е. КРИВОНОСОВ, Н. И. МОРОЗОВ, Г. П. ПАНОВ,  
В. В. СУКАЧЕВ (зам. главного редактора)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

ЭБ1250786



АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» 1986 № 2

Художественный редактор В. Еранкин. Технический редактор М. Сафонова.  
Корректор Н. Тырышкина.

Рукописи не возвращаются

АГ 06059. Сдано в набор 4.02.1986 г. Подписано к печати 26.05.1986 г. Формат  
70x108/16. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 11,2. Усл. кр.-отг. 11,375. Уч.-изд. л. 13,503.  
Тираж 6000 экз. Заказ № 636. Цена 50 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам  
издательства, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 76.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательства, полиграфии  
и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, Г. Титова, 3.

Адрес редакции: 656099, Барнаул, пр. Строителей, 11-а. Тел. 2-14-53.

© «Алтай», № 2, 1986

Василий БЕЛОЗЕРЦЕВ

## ГЛАВНОЕ ДЕЛО НА ЗЕМЛЕ

*Принадлежность к партии не дает никаких привилегий, а означает лишь более высокую ответственность за все, что делается в стране, за судьбу коммунистического строительства, общественного прогресса.*

*Из Программы КПСС*

Осенью 1959 года мне пришлось побывать на целинных землях Алтая, оказывать помощь автомобилистам, прибывшим для перевозки зерна нового урожая.

Я сам родом с Алтая, знаю, как коротки осенние погожие дни сибирского бабьего лета и как продолжительны дни ненастья с холодными дождями, ветрами. С детства помню тревогу людей деревни в осеннее время: подходит пора уборки хлебов, овощей, а еще не закончен сенокос; надо пахать пары, готовить к зиме скотные дворы, а рабочих рук не хватает; лошади от летних работ едва ходят, а они главная тягловая сила, тракторов еще было мало, комбайны только-только появились в степной зоне в единичном количестве... И вот-вот полетят «белые мухи».

Военные годы, долгая послевоенная служба в армии отдалили меня от сельских забот, и оказалось по прошествии стольких лет, что изменилась в корне обстановка на селе, стало больше машин, ускорились темпы полевых работ...

Наша автоколонна размещалась недалеко от города Бийска в большом старинном районном селе Смоленском. Отсюда в хорошую погоду хорошо видны в голубой дымке горы — манящие и таинственные. Но крестьяне, совхозники и колхозники, и наши автомобилисты часто посматривают не на горы, а на западную часть степей — оттуда приходит непогода. Оттуда приходит беда, если запоздать с уборкой хлебов.

Мы с секретарем партийного комитета совхоза проехали по полям района. Пшеница всюду стоит ровной золотой стеной, чуть склонив колосья, словно просит скорее послать помощь полям, убрать их, пока хлеб сухой, пока еще колос не осыпался.

— Комбайнов совхозу подогнали, темпы уборки нарастают, — рассказывает партийный секретарь. — Беда в другом. В вывозке зерна, и даже не в вывозке, а в выгрузке на хлебоприемных пунктах в городе. Вроде бы там не ждали нас с урожаем. Некуда сгружать зерно. Мы завтра поедem в город, увидите, — продолжил рассказ секретарь. — Наши большегрузные машины, на которых мы рассчитывали помочь совхозникам, оказываются бесполезны, их нечем разгружать — нет такой техники, лопатой да плицами не много разгружаешься. Очереди на разгрузку — я таких давно не видел. Мы готовы работать в три смены. Тут, в совхозе, ребята наши работают геройски. Даже самые нерадивые становятся героями — работа увлекает, урожай отменный. Это здорово, когда такой хлеб уродился! Как-то надо раскатать городские власти, чтобы ускорить прием его.

И вот он, обширный двор Бийского мелькомбината. Три приемных площадки, и у каждой очереди в несколько километров. На помощь Алтаю прибыла техника с Кубани, из Южного Казахстана, Подмосковья. Есть техника. Есть зерно, чтобы возить и возить. На зерносушилках заторы у приемных ям.

Директор комбината, начальники цехов, уставшие, издерганные, ничего не могут сделать для уменьшения очередей автомашины. Горком партии и горисполком приняли решение занять под склады для зерна только что построенные площадки цехов промышленных предприятий, пустующие церкви, цех сахарного завода.

Основная задержка у приемных пунктов из-за зерносушилок. Их мало, и они маломощные. Как они работают, что это за сооружения, я тогда из-за недостатка времени не заинтересовался. Только запомнился высокий худющий старший сушильный мастер, который с нами ездил по городу в поиске мест разгрузки автомобилей. Чувствовалось, что человек этот беспокойный, заботливый. Он откровенно радовался, что нашлось место для тысяч тонн зерна.

— Понимаете, какая беда-то... Не успели строители. Мощную зерносушилку строим рядом с элеватором... Но вы все равно везите хлеб, теперь он под крышей, не дадим погибнуть... Было бы что сушить, — рассказывал мастер, вроде бы извиняясь за такую вот обстановку на элеваторе.

Да, было бы что. Это мы, военные люди, понимали. Мы вывезли хлеб с совхозных токов до наступления непогоды. Мы еще помогали соседнему району. И все-таки не везде успели. И по сей день стоят перед глазами огромные вороха дымящегося зерна под дождем и ветром и покалывает сердце от этого воспоминания, словно это мы виноваты, что такое налитое, такое ухоженное зерно осталось лежать беззащитным на току.

Не знаю, почему так получилось, но в сознании людей в понятие «битва за хлеб» входит только то, что относится к пахоте, посевной, прополке и уборке урожая. Ну и еще в какой-то мере — вывозка зерна на хлебоприемные пункты. Свезут хлеб хлебобобы, подсчитают себестоимость и стоимость центнера зерна, определяют среднюю урожайность, прибыли или убытки на каждый гектар — и на том дело кончилось.

Для них — да, кончилось. Но битва за хлеб продолжается. Она не менее упорная, чем на полях, не менее важная, а может быть, более важная, чем борьба за количество центнеров с гектара. И только потому, что выращенное и подсчитанное зерно — это еще не то зерно, которое нужно стране, государству. Зерно — это то, которое тщательно провентилировано, очищено от соломы и половы, просушено и засыпано в закрома. Только оно и может называться золотым фондом страны. «Все от хлеба» и «Хлеб всему голова» — это про тот хлеб, что в закромах.

Как он туда попадает, я и хочу рассказать в этом очерке. Но не о технологии хранения зерна пойдет разговор. О человеке, который преданно служит зерну с самых детских лет и до настоящего времени.

О том высоко и худощавом зерносушильщике, который мне запомнился при первой встрече на алтайской целине еще в годы моей военной службы. Служба давно закончена. Я стал журналистом и живу на Алтае. И, конечно же, не раз встречался с зерносушильщиком мелькомбината. Он узнать меня не мог — не до запоминания было в те горячие, напряженные дни и не оставил я никакого следа в его памяти.

На моих глазах рос этот зерносушильщик как специалист высокого класса. Мне не один раз приходилось писать о нем и его товарищах по работе, бывать на элеваторе и на зерносушилке, разговаривать с руководителями предприятия, хвалить, критиковать, восторгаться, сожалеть...

Всякое бывало в коллективе, но при всех непредвиденных и предвиденных поворотах жизни этот человек, старший сушильный мастер, остался верен зерну, своему коллективу, не жаловался в минуты трудностей, не паниковал в критические моменты, не задирал нос в дни успехов. Он оставался таким же, каким запомнился в первую встречу, — озабоченным, деятельным, беспокойным.

Это Николай Степанович Турченков, Герой Социалистического Труда, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, лауреат премии ВДНХ СССР, Почетный гражданин города Бийска. Его именем названы краевая премия и премия советских профсоюзов Министерства заготовок СССР за успехи в социалистическом соревновании среди работников элеваторной промышленности.

Мой рассказ о человеке, которого знают зерносушильщики всей страны. Рассказ о Коммунисте.

### ОТЦОВСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

На одном из совещаний в управлении хлебопродуктов Алтайского крайисполкома бывший начальник управления Степан Родионович Стреляев перед самым концом, когда все основные вопросы были решены и директора предприятий, начальники отделов начали было подниматься, нетерпеливо ожидая привычного: «Совещание окончено, все свободны», задержал присутствующих:

— Прошу внимания. Есть одно важное дело. — Степан Родионович чуть выждал, чтобы улеглось начавшееся было волнение, и озабоченно сказал:

— Нам предстоит решить весьма важный вопрос, товарищи. Есть у кого из вас на примете человек, которого можно представить на присвоение к званию Героя Социалистического Труда? Нужен человек с безукоризненным прошлым, с героическим настоящим и надежным на все будущие годы. Сами понимаете, что ошибки не должно быть.

В зале — директора элеваторов, мелькомбинатов, комбинатов хлебопродуктов, хлебоприемных пунктов, работники управления. Степан Родионович ожидал, что руководители предприятий надолго задумаются, перебирая в памяти, кому же из коллектива отдать предпочтение, но тут директор Бийского мелькомбината Михаил Кириллович Шугаев высоко вскинул руку и сам за ней поднялся. Коренастый, бровастый, с упрямым ежиком волос, он смело и громко выкрикнул:

— Есть такой человек! Николай Степанович Турченков. Бригадир зерносушильщиков на комбинате. Надежный во всех отношениях.

Начальник управления долго и задумчиво смотрел на Шугаева. Директор сравнительно молодой и по стажу и по годам. Горяч и напорист. Так ответить на вопрос — это ручаться на всю жизнь за другого человека. Не ошибаешься ли, директор? Верить ли тебе? Уверенность — это еще не аргумент в выборе человека на долгую проверку и делом, и славой. Не сразу скажешь, что труднее — работа на виду всего коллектива или слава, ношу которой не все выдерживают. Уже не раз на памяти Степана Родионовича было, когда поднятый на щит славы, заслуженно поднятый трудяга, умелец, мастер на все руки, разговорчивый и толковый, вдруг неузнаваемо менялся. Нет, ошибиться нельзя. Но не верить Шугаеву он, начальник управления, не мог. Он же сам выдвинул его кандидатуру на директорскую должность, зная его как человека, крепко корнями связанного с селом и сельскими заботами. Был и финансовым, и партийным работником. Сплав получился как раз пригодный на должность директора комбината, который вскоре будет строить и осваивать и мельзавод, и комбикормовый завод. Не ошибся в директоре. Почему директор может ошибиться в своем человеке?

Фамилия Турченкова ничего ему не говорила, хотя где-то слышал о нем. Кажется, в Бийске и слышал.

— Ну что ж, быть посему. Готовь документы. В отделе кадров и в парткоме скажут, что и как надо писать. Да не тяните резину. Дело, сам понимаешь, такое, что торопиться нельзя, а проволочить — тем более. Нам доверено исключительной важности дело, надо использовать этот случай для работы среди коллективов предприятий. Первый Герой среди работников системы хлебопродуктов. Я не хотел бы, чтоб первый блин был комом.

— Не тот человек Турченков, поверьте мне, Степан Родионович, — уверенно сказал Михаил Кириллович. Он знал, о ком говорил.

\* \* \*

Мог ли Степан Турченков, масленщик морозихинской мельницы, даже подумать о том, что его старший сын поднимется на такую высоту: он с министрами за руку здороваться будет, и Москва для него — дом родной. Не до мечтаний было Степану.

Богомольная хозяйка мельницы, наследница миллионов Елена Морозова, отмаливая грехи мужа, умела выжимать сок из рабочих. Но при ней все-таки еще можно было терпеть и молчать. Померла — наследники-прощельги со всей матушки-России слетелись, и каждый норовит урвать от большого морозовского пирога кусочки повкуснее да побольше. Все тянут, а с кого брать? С кожевников? Там много не возьмешь, там вредные людишки, злые да языкастые, лучше к ним не соваться. От пароходов, которые накупил сам Морозов\*, стало мало толку, как провели железную дорогу от Новониколаевска. Подорвала дорога весь морозовский барыш. Надеялись хозяева поправить дела за счет перевозки муки и зерна по Оби и Иртышу, а теперь какой дурак повезет хлеб водой? Только мельница пока и выручала. Тут было с кого брать. Она работала почти круглые сутки, вырабатывая муку-крупчатку. Ее упаковывали в белые пятифунтовые мешочки с рисунками, известными по всей Сибири. Такой мельницы не было еще ни в Барнауле, ни в Томске.

Степана пристроил в масленщики сосед, узнав, что некуда парню податься. И жениться пора подходит. Может быть, на крупчатника выучится. Первое время Степан пугался мельницы. Все там вертелось, громыхало, шлепало ременной передачей, в которую недолго и рукой попасть, зазевайся только. Про учебу и разговора никто не заводит. А потом пошли годы — до учебы ли! То мировая война, то революция, то гражданская война, разруха после всех этих передраг, безработица. Но Степан прикипел к мельнице, понял, что только она и поможет выжить. Созданный после гражданской войны уездный совет народного хозяйства национализировал все мельницы, в том числе и морозовскую. Постепенно налаживалась жизнь, оживала и мельница. В годы нэпа появилось акционерное общество «Хлебопродукт» с отделами Главмука и Заготзерно. Рядом с железной дорогой в конце двадцатых годов строятся большие приемные амбары для зерна. Сюда и перешел работать Степан Турченков как человек, кое-что понимающий в при-

\* А. Ф. Морозов — бийский купец из переселенцев Владимирской губернии. В середине сороковых годов, выкупившись из крепостной зависимости, появился в Бийске, имея значительный капитал, который умело пустил в оборот. Есть предположение, что он родственник известным текстильным фабрикантам, иначе откуда бы столь обширные связи в России и наличный капитал? За сравнительно короткое время он построил в Бийске торговые ряды, большой двухэтажный дом, гимназию, собор, купил несколько пароходов, таким образом, первый открыл судоходство по Бие; построил первую в уезде паровую мельницу в пять этажей, которая проработала до шестидесятых годов XX века; на левом берегу Бии построил крупный кожевенный завод. Умер в 1895 году. Его наследница жена Елена построила первую в городе электростанцию, здание тюрьмы. Умерла в 1908 году.



еме и хранении зерна. Сначала был грузчиком, а вскоре становится заведующим складов Заготзерно и в этой должности проработал почти всю оставшуюся жизнь. К этому времени обзавелся семьей, сын и дочери родились.

Склад не место для слабых. И дело не в физической силе или выносливости. Тут другое. Соблазнов много. Хлеб всегда дефицитный продукт, всегда возле него крутятся дельцы, ловкачи разные, прощелыги.

Привыкший всю жизнь добывать хлеб насущный собственными руками, Степан пуще огня, пуще всякой беды боялся, как бы ненароком не прилипло казенное зернышко к рукам. Высокий, худощавый, не очень разговорчивый, он внушал к себе уважение в первую очередь прямоотой в суждениях, честностью, доходившей порой до аскетизма, в доме своем не оставалось ни крошки хлеба, особенно в неурожайном тридцать четвертом году, а он даже думать запретил своим, что может принести зерна со склада. Грузчики и боялись его, и уважали за такое отношение к народному добру.

Сына Николая — он родился в двадцать втором году — рано стал приучать к работе на складе. То на погрузку приведет, то у весов поставит, потому и не вспомнит Николай Степанович свою первую встречу с зерном. Кажется, всегда так и было: когда ни появится сын у отца, тот занят погрузкой или отгрузкой, оставляя сынишку на входе зерна. Зерно везли на бричках со всех сторон. Очереди из подвод у ворот Заготзерна тянулись через многие улицы. Потом стали появляться автомашины. Но на складе легче не стало. Тут механизация еще долгое время не появлялась. Отец, кажется, ни сносу, ни усталости не знает. Он запомнился сыну всегда озабоченным, усталым, недоспавшим, не знающим ни выходных дней, ни праздников; готовым дни и ночи проводить на складах, недоверчиво относящийся к людям, иной раз и не всегда справедливо. Время такое было, что не просто доверить или поверить кому-то. А когда сил осталось мало и не хватало их, чтобы уследить за всем складским хозяйством, перешел на работу в охрану и, перешагнув через пенсионный рубеж, еще многие годы работал у зерна.

Умирая, в 1975 году, в последнюю минуту вспомнил про то, чем жил, для чего жил, сына позвал.

— Как там хлебушко-то идет? Не увижу боле, в руках не подержу... Помни, Коля, — говорил он сыну, — нету дороже золота, чем наше хлебное... Заботься о хлебе. Дорого он дается людям... Ты вон куда пошел... Высоко взлетел! Не достать рукой... Это хорошо, что ты Герой... Я шибко тебя за то уважаю, сын. С хлебом — Герой. А без хлеба мы кто? Помру, посыль на могилку пшенички... Сколько ее через мои руки протекло, пробежало... Не зря жил. И ты живи у хлеба, служи ему... Вот и все, сын...

Горестно, что уходит отец, что не услышишь теперь его тихого голоса, его умелых наставлений, его придирчивых допросов: что да почему; и в то же время приятно, что он, сын его, преемник его дела, мог сказать, что служит верой и правдой хлебу и нет для него ничего, важнее, чем эта служба.

### ИСПЫТАНИЕ НА ВЫДЕРЖКУ

Не искал Николай Степанович славы. Не думал о ней. Вот о хлебе думал. И не всегда так, как отец. Иногда злился на отцовскую упорную привязанность к хлебу, к зерну, как будто бы нет ничего иного кругом. И сейчас не скажет, был ли отец хоть раз в кино, в театре, в каких-то других местах, где люди веселятся, отдыхают. Отец или спал или был на складе. Там и детство прошло у Коли, в играх на кучах

зерна. Потом — школьные годы. И они были тоже возле хлеба. Так незаметно доучился до десятого класса.

Уже став известным зерносушильщиком страны, со стыдом вспоминал, что в юности, стеснялся профессии отца, не раз слыша, как отца называли люди кто жмотом, кто скупердяем, кто прислужником начальников. Только теперь понял, как не просто заслужить такие прозвища, какой крепости должна быть закалка характера у такого человека. А тогда хотелось убежать из дому. Подальше, чтоб никто ничего не знал ни про тебя, ни про отца. И случай вроде бы такой подвернулся. В 1939 году в военкомат вызвали, предлагали подать заявление в авиашколу. Мог бы и уехать, но забота об отце и матери, которым трудно будет без него, образумила, не отпустила. Вместо авиашколы поступил в автошколу и закончил ее. А стажировку проходил в Красноярске. Вернулся домой шофером. И тут что-то не по правилам стало твориться. Надо бы на действительную службу идти, его друзья уже служат, а ему нет и нет повестки. Не выдержал долгого ожидания, сам пошел в военкомат. Сказали, чтоб ждал, когда надо — вызовут.

Отец обрадовался отсрочке: на складе много работы. А когда ее не было? Даже гостей, изредка приезжавших из деревни, он готов был пристроить на свой склад, чтоб время зря не терять. Сейчас пройдешь по складам, удивляет безлюдие. А тогда около тысячи человек сновало по складам. А отцу все мало было.

— А что? И пойду, — неожиданно согласился Николай. Хотя и понимал, что это не та работа, на которую молодые зарятся, особенно девчонки. Годы такие подошли, что о девчонках не хочешь да задумаешься. А тут склад и работа, — вслух не похващаешь: весовщик, приемщик зерна.

Это было в мае 1941 года. По всей обстановке чувствовалось, что назревают в мире какие-то большие события, и какая разница, где до призыва в армию пристроиться? Здесь, на складах, все знакомо. Три механизированных амбара — довольно солидной емкости деревянные строения, ленточный транспортер, одна нория — транспортер для вертикального перемещения зерна — вот и вся механизация. Зерно принимали с телег, бричек, с автомашин. Из вагонов получали муку, крупу, зерно. Всем тут хватало работы. Еще в тридцатых годах построена была одна зерносушилка системы инженера Растригина. Ни любопытства, ни интереса она не вызывала у Николая. Посмотрел как-то — гудит вентилятор, гонит куда-то горячий воздух из топки, отапливаемой дровами. На том и кончилось знакомство. Нет, не возникло в то время ни мысли, что это сооружение когда-нибудь он изучит в совершенстве, познает все секреты зерносушения и станет учителем многих зерносушильщиков.

Вскоре не до зерносушилок стало. Война!

Снова Николай в военкомате. Снова резкий отказ: жди!

И только в октябре 1941 года военкомат наконец-то вспомнил про него. Мать и отец, сестры провожать пришли к станции. Мать плачет. Отец на прощание сказал всего несколько слов:

— Война, Коля, всякое может случиться... Совести не теряй. Она бывает дороже жизни... Возвращайся поскорей. Мы тут уж как-нибудь...

Стучат колеса под полом вагона, словно спрашивают:

— Куда едешь? Куда едешь? Куда едешь?

Кто ответит? Кто знает, куда их везут? Не на курорт — это точно. А вот на фронт ли — это еще подумать надо. От Новосибирска поезд повернул не на запад, а на восток. Сюрприз! И не знали призывники — радоваться такому повороту маршрута или огорчаться. Ведь война подошла уже к Москве, а их поезд мчится без остановок на восток. Красноярск, Иркутск, Чита, Хабаровск, Владивосток... Вот где завершился бег эшелона. У самого берега Тихого океана. Молодые, грамот-

ные, здоровые — и так далеко от войны... Сердцем почувствовали, что не от хорошей жизни такое пополнение оставлено в тылу. Здесь тоже в любую минуту может вспыхнуть огонь войны. Японцы, вон они, за сопками, в нескольких километрах от города Владивостока.

Два месяца службы в запасном полку, два месяца занятий строевой подготовкой, изучения военного дела, стрельбы из боевой винтовки сделали из Николая бойца. Не о том мечтал. Почему-то оказалась закрытой для него дорога в военное училище. Мог бы стать командиром. Вот же командуют молоденькие командиры взводов, видно, что недавно из училища, но получается у них неплохо, разве только неокрепшие голоса иногда «петуха» пускают, но это пройдет быстро.

Написал рапорт на имя командира роты с просьбой направить на фронт как комсомольца. И не рад был своей прыти. На комсомольском собрании прорабатывали свои же товарищи по роте. Понял: боец должен выполнять свои обязанности там, где он поставлен, и выполнять «на отлично». Позже Николай узнал, что все командиры взводов и рот побывали «на ковре» у командира полка за подобные же рапорты.

Урок понял Николай. Служить надо как следует — больше ничего от него не требуется.

Определен Николай Турченков во 2-й зенитный полк в бывшую 63-ю дивизию морской артиллерии. Связистом. Изучил радиосвязь, телеграфное и телефонное дело, морскую сигнализацию. Их полк охранял «Дальзавод» — самое крупное в то время предприятие Владивостока почти в центре города, на берегу морской бухты.

Поняли артиллеристы, что выпала им на долю война нудная и долгая. Вот уж точно: сиди у моря и жди... войны.

Но скучать командиры не давали. Учебные и боевые тревоги по несколько раз в сутки — днем и ночью. Отрабатывали до автоматизма действия расчетов у орудия и действия связистов в различных условиях боевых действий.

Хорошая была батарея, в которой служил рядовой Николай Турченков. Потому и была она направлена на южную оконечность Камчатки. Это была проверка на стойкость, на выдержку. Не на один год. Все годы войны прошли на этом далеком мысу. Долгая морозная, ветреная зима, короткое дождливое лето, на сотни километров ни одного человеческого жилья. И каждый день одно и то же: «К бою!», «Отбой!» — и все это ради боевой готовности прикрыть скорострельной скороговоркой 37-миллиметровых зенитных пушек и мощными залпами орудий крупного калибра небо над Камчаткой. Может быть, японцы потому и побоялись вступить в войну, что знали высокую степень готовности войск на востоке страны.

Письма — редкость. Один раз в лето приходит пароход с продовольствием и боеприпасами. Он же привозит и письма. Лишь по радио узнавали новости с Большой земли. Вот уже кончилась великой победой война на Западе, а они у Тихого океана все еще в боевой готовности. Там уже демобилизованные друзья вернулись домой, а они все еще в ожидании боевых действий. Наконец-то пришло и их время. Батарея прикрывала авиацию при высадке десантов на острова Курильской гряды.

И только в сорок седьмом получил рядовой Турченков долгожданные документы на демобилизацию. С первым летним пароходом пришла им замена.

## ВЫБОР

...От Новосибирска уже не спится Николаю. В вагонах духота, теснота. Выскочил бы из этой толчи и пешком бы чесанул — так хотелось поскорее попасть домой, увидеть родных — отца, мать, сестренку. Все чаще слышны в вагоне названия знакомых станций, городов.

Сердце откликается каждый раз при слове «Бийск». Каким он стал, родной город? И что же его ждет там? Уезжал — было двадцать лет. Приезжает почти тридцатилетним. У людей в такие годы уже куча ребятшек бегают, а он бобыль бобылем. Хотя и не поздно еще обзавестись семьей. Но ведь что-то делать надо, чем-то заниматься... Станция Буланиха... Чемровка — последний перегон перед Бийском.

Неужели на этом перроне провожали меня? — недоуменно оглядывался Николай, сойдя с подножки вагона возле низенького пропыленного и прокопченного вокзала. А вокруг суета, смех, слезы, радостные восклицания — это встречают фронтовиков. Кто только что демобилизован, как и он, кто из госпиталей прибыл — еще с повязками, с костылями и с тощими вещмешками.

Чемодан в руки, вещмешок за спину, и Николай, высокий, статный, в морской форме при погонах, — загляденье для девчат, зависть ребятшкам, — пошел через привокзальную площадь к дому. За годы войны понастроили тут разных ларьков, у садика полным-полно народу. Это война сорвала многих с насиженных мест.

Живут родители на старом месте — в пяти минутах от вокзала. Отец, конечно, на работе, а мать... Вот рада будет!

— Ох, Колюшка! — только и сказала мать, когда он, пригибая голову, переступил порог. И заплакала, уткнувшись в полу бушлата.

— Ты пока умывайся, я за отцом сбегаяю, — заторопилась вдруг она. — Вот радость так радость, прям не верится.

Не успел сын рта открыть, а мать уже выбежала за дверь.

— Ну, вот я и дома! — сказал Николай, рассматривая себя в небольшое зеркало возле умывальника. У радости была горчинка, она его тревожила всю дорогу. Почему-то было стыдно перед родными за долгое сидение на Востоке. Знал по письмам, что кое-кто из друзей вернулся с орденами, медалями, с офицерскими погонами... И не вернулись многие — тоже. А он вроде бы как обманул надежды отца... Семь лет где-то был, а вернулся с тем же, с чем и уезжал... Только и капиталу нажил, что хватало во Владивостоке купить себе гражданский костюм, выложив за него все, что копилось годами от мизерного солдатского денежного довольствия.

Вернулась мать. Постарела-то как, только теперь заметил Николай.

— У него все не как у людей, — возмущалась она. — Некого, говорит, оставить. Вот примет хлеб и прибежит... А когда примет-то? Прям извелась я с твоим отцом. Думала, надорвется на такой работе. Парнишек да девчонок насобирают ему, а состав надо загружать. Вот и нагружал... Едва за ночь отлежится, а утром опять же туда... Ой, сколь горя. Коля, народ-то наш перетерпел. А ты погляди, сколь понастроили за войну — город не узнаешь. Людей понаехало — видимо-невидимо. — Мать, рассказывая, суетилась возле печки, собирая на стол, и видно Николаю, что собирать-то и нечего. Выложил из чемодана военный паек.

— Ну чо, ждать будем отца или...

— Так как не ждать, мама?.. Постарел отец-то?

— Да кто его знает... Усох — это уж точно. Все разговоры про то, как ты вернешься. Он уж и место тебе присмотрел. Сам всю жизнь пропадал возле хлеба и тебя туда хочет затянуть. И разговаривать о другом не хочет.

Дверь распахнулась. Торопливо вошел отец. Обнял сына.

— Ну вот и встретились. Вот и хорошо, что живой и невредный.

Отойдет чуть, посмотрит, словно не может поверить в возвращение сына, посидит, снова со стороны посмотрит.

— Наша порода! Жилитый, крепкий вырос... Теперь знаешь, сколь работы для мужиков?.. Одне бабы повсюду... Куда думаешь?

— Ну вот! — возмутилась мать. — Не успел человек порог переступить, а он — куда? К тебе, как же, нету места краше...

— Ну понесла, понесла... Поговорить нельзя. На то и мужик, чтоб работал. Хорошая работа — и жизнь хорошая, а от плохой человек бегать начинает, портится человек от плохого дела. Так что помолчи уж лучше. Я рази против — пусть отдыхает. Отдых думе не помеха. Надо думать и присматриваться к жизни. Теперь не то, что до войны. Теперь с руками-ногами вырвут — каждый директор такого к себе возьмет. Ты видел, сколь новых заводов появилось: котельный, «Электропечь», «Продмаш», «Молмаш», спичечная фабрика, обувная фабрика... Все с запада прибыли и тут остались. А по мне, нет лучше места, чем у нас. У главного дела на земле стоим. Ты помни об этом, Коля, когда будешь присматриваться. Дело говорю.

Хитрый мужик, успел застолбить в памяти отметку. И в самом деле, не просто оказалось выбрать место для работы. Заборы пестрят объявлениями о приеме на работу. Присматривается Николай к этим объявлениям, и все тревожнее на душе: не очень-то нужны его руки связиста. Нужны строители, токари, слесари, шоферы... Нужны специалисты. А что он умеет делать? Шоферить? Давно забылась эта наука, да и не нравилась ему шоферская профессия. Пойти на учебу? Куда? На кого?

Вот когда и сказала хитрость отца. Заронил он искорку надежды. Понял Николай, что как ни крутись, как ни выбирай, а пока он знает кое-что нужное для жизни только по отцовской линии, и хлеб — не последнее место в жизни.

В отделе кадров Заготзерна миловидная женщина подбодрила:

— У нас, Коля, не заскучаешь. Сразу же пошлем учиться, мужиков-то нету, война выбила, а на самых главных работах женщинам очень трудно... Мастера по зерносушению позарез нужны. Так что не думай и не гадай, а собирайся к нам и никуда более. Да ты погляди, какие у нас девчата... Кровь с молоком...

Смутила девчатами, заинтересовала учебой. Сохранилась старая трудовая книжка. В ней одна запись: «Принят на должность весовщика». Так и осталась одна запись на все последующие годы. Менялись названия должностей, место работы одно и то же — у зерна.

Не обманула кадровичка — в марте 1948 года Николая направили в Томск учиться на мастера зерносушения. Всего три месяца учебы. А сколько узнал! Вот только когда в полной мере поверил в отцовские слова, что «стоим мы у главного дела на земле».

Ну кто бы мог подумать, что высушить зерно такое непростое дело! И он, чудак, ни разу как следует не поинтересовался зерносушкой — вон она, рядом с деревянным элеватором.

Оказывается, высушить зерно так, чтобы оно осталось живым на многие годы, — дело исключительной важности, и занимаются им ученые, инженеры, целые научно-исследовательские институты, машиноиспытательные станции, создана целая отрасль машиностроения. А он так мало знал про зерно, которое рекой шло через его руки! Когда-то еще в школе на уроках ботаники учительница заставляла рисовать схему устройства зерна пшеницы и тем помогла сохранить в памяти некоторые названия — эндосперма, зародыш, белок. Чем больше белка, тем ценнее зерно. Не велики знания... Даже перед собой стыдно за них.

Теперь узнал, что простенькое на вид, едва заметное на ладони зернышко — хранитель удивительных тайн природы, и многие века ученые всей земли пытаются проникнуть в эти тайны, и пока никто не скажет, когда зерно их раскроет в полной мере. Все так сложно, все так хитроумно в зернышке устроено, прилажено одно к другому, что нельзя ни разделить зерно на части, нельзя убавить или прибавить, не нарушив его жизнь.

— При нормальных условиях зерно может храниться годами, —

рассказывал увлеченно преподаватель курсов. — Несколько веков проходит, а зерно лежит, не подавая признаков жизни. А оно живое, оно дышит. Но вот попала капля воды, да чуть тепла ему — и зернышко ожило, пустило корешки, листочки... При одних условиях жизнь замирает, при других — возобновляется. Нам важно научиться сохранять жизнь в зерне на долгие годы. И сушка его — главное условие. Нельзя недосушить.

Соскучившийся за годы военной службы по умственному труду, Николай охотно занимался, вникая во все тонкости зерносушения, изучая до мелочей устройство зерносушилок разных систем и типов. Они разные бывают. От простейшего решета до многоэтажных громадин с лифтами для обслуживающего персонала. И все это во имя жизни крошечного зернышка.

В селе Турченковы не жили, и такие заботы для Николая, как посев, выращивание зерна, уборка урожая, были знакомы вообще, как и всем горожанам — одному больше, другому меньше, но, конечно же, не в полной подробности. И трудности сельские тоже были знакомы в такой же степени. То же и о хранении зерна. Когда немного, его сушат в снопах, скирдах, в ригах; при раннем обмолоте сушат на ветру, на солнце... Но когда зерна скапливается тысячи тонн, как на складах Заготзерна, тогда сушка его уже проблема из проблем. Выжать из зернышка каплю лишней влаги — очень дорогостоящее дело. Подсчет простой: в ста тоннах зерна при нормальной влажности содержится 12—15 тонн влаги. А если ее излишки на 10—12 процентов, то не сразу и сообразишь, как тут быть. Нагревать зерно можно лишь до определенной температуры, иначе сварится белок; ждать долго, пока испарится влага, тоже нельзя. Выбирай, сушильщик, золотую середину — в этом и смысл зерносушения. И энергоемкое оно, и трудоемкое, и техника нужна особая, и еще люди, умеющие этой техникой пользоваться.

Курсы только разожгли аппетит на учебу. Так мало пришлось учиться, и так много вопросов возникло за время учебы. К преподавателям обращался, разводил руками: это же целая наука, учиться вам надо, товарищ Турченков.

Вернулся Николай с курсов с большой пачкой книг и конспектов. Теперь мог перед отцом похвалиться, что стал настоящим мастером зерносушения. В первый же вечер по приезде отец вроде экзамена учинил сыну: рассказывай, чему научился.

И Николай рассказал и впервые за последние месяцы видел радость на лице всегда озабоченного отца.

— Ну что, мать, поняла? А ты: «Нету места краше», — передразнил он жену, вспомнив разговор с Николаем в день приезда его со службы.

Так в Заготзерне появился новый сушильный мастер, бригадир зерносушильщиков. В то время здесь было две зерносушилки — ВИСХОМ и ВТИ-8. Обе работали на угле.

Нельзя сказать, что растерялся новый мастер, получив в распоряжение зерносушилку ВИСХОМ с восемью зерносушильщиками, транспортерщиками, кочегарами, но уверенность приобрел не сразу, и не учеба в том виновата. Нет, учили как надо. Но учили — как будто кроме зерносушилки никаких забот у хлебоприемного предприятия нет, будто все тем только и заняты, как бы лучше загрузить работой зерносушильщиков. На практике встретил какое-то пренебрежение к правилам технологии сушки. Надо, как он понимал, не только вовремя принять зерно на сушку и просушить его, надо, чтоб лаборанты определили культуру, сорт зерна, продумали, как и где его хранить. Люди на полях выращивают какой-то особый сорт, а тут со всеми сортами обращаются небрежно, все валится валом, без разбора, без загляда вперед.

Николай Степанович, так теперь стали его звать и подчиненные и руководители, ходил расстроенный, недовольный собой, бригадой, кла-

довщиками мехамбаров. Он приставал к инженерам, техникам, к лаборантам, чтобы научили, как отличить по внешнему виду пшеницу озимую от яровой, сильную от слабой, твердую от мягкой. Вопросы задавал много, а ответов находил мало и чувствовал, что специалисты, более, чем он, образованные, не все знают о хранении зерна, или знали да забыли. И опять сидит по вечерам бригадир за книгами, ищет в них ответы на свои вопросы, пытается понять, как лучше организовать работу зерносушилки, как расставить членов бригады, в чем рациональная организация сушки зерна...

— Ну чего ты суетишься, больше всех тебе надо, что ли? Какое подвезут, то и высушим, тебе какая разница? — говорили сушильщики, не понимая тревоги бригадира, его метаний в поиске ответов на свои вопросы. Но он все-таки добился, что не стали гнать на просушку зерно огульно, все подряд, появились графики сушки, лаборанты стали подбирать партии зерна для сушки по сортам, по степени влажности. Николай Степанович часто останавливался на разгрузке автомашин. Разве это работа? — возмущался он медлительностью у разгрузочных ям, засоренностью зерна, россыпью зерна под ногами, под колесами автомашин. Как оградить зерно от растаптывания, как ускорить разгрузку?

Как-то однажды он обратил внимание на незнакомую девушку. Кто такая? — поинтересовался в конторе. Сказали, что это фронтовичка. Валя. Недавно демобилизованная. Им было о чем поговорить — оба связисты военных лет. Только Валя прошла по фронтовым дорогам через Белоруссию до Кенигсберга и Берлина, работая на телеграфных аппаратах разных систем. Техника связи везде одинакова, что на Западе, что на Востоке, как и язык двух влюбленных. С той поры и не разлучались, поддерживая друг друга, советуясь в трудную минуту. Валентина Ивановна оказалась хорошей женой — понятливой, доброй, отзывчивой, умеющей и поддержать, и показать, посоветовать и отсоветовать.

Одно ее часто тревожило и в молодые годы и теперь — не знает ее Коля меры времени на работе. Может сутками не появляться дома, так его увлекают дела.

— Ты же себя подорвешь, какой ты тогда работник? — укоряла Валентина Ивановна мужа.

Отмахнется, промолчит устало или скажет тихо:

— Так надо, Валя...

Особенно забеспокоилась Валентина Ивановна и даже испугалась, когда в 1953-м году как-то вечером Николай Степанович пришел домой поздно, какой-то взъерошенный, вроде чем-то напуганный.

— Что-нибудь случилось? — встревожилась она, вглядываясь в лицо мужа, когда он, умывшись, сел за стол. Натруженные руки положил на край стола, а сам задумчиво смотрит в клеенку.

— Случилось, Валя. Председателем рабочкома выбрали...

— Кого выбрали?

— Кого... Да меня, кого же.

Три года подряд выбирали Николая Степановича председателем профкома. Три года прошли словно на военной службе, суровой и требовательной.

Это были годы освоения алтайской целины. Ожидался невиданный хлеб. Страна выделяла большие силы, и технику, и людей. Из Москвы и Ленинграда, из Одессы и Ярославля ехали люди выращивать хлеб, не имея об этом даже элементарного понятия. 250 человек вот таких энтузиастов прибыло в Бийск на мелькомбинат, который был создан в эти же годы, объединив все склады и элеваторы Заготзерна, мельницы. Надо людей принять, разместить, накормить, научить профессии, поставить к машине и учесть, что каждый из них сделал за сутки, за месяц. Почти все эти заботы взял на себя профком.

1954-й год оказался исключительно урожайным в районах бийской зоны. Есть зерно. Но куда его сгружать? Как его просушить, если не построен еще элеватор, нет современных зерносушилок. При горисполкоме была создана комиссия по сохранности зерна. Вошел в нее и Николай Степанович. Члены комиссии взяли на учет все свободные площадки, в какой-то мере прикрытые с воздуха. Забота о зерне и забота о людях, прибывших со всех краев страны, слились для Николая Степановича воедино. Было трудно, но добрым словом вспоминает он те годы.

— Кругозор мой расширился на этой работе. А то бы так и не знал, какая она, шапка Мономаха, — говорит Николай Степанович. — С одной стороны заботы о выполнении плана. Но план-то делают люди, и о них забота еще главней — в профсоюзных делах. Как их объединить? Понял я, что значит работа с людьми, значение слова, роль вожака в коллективе. Пригодилась и армейская закалка, и учеба на курсах, и собственное сидение за книгами...

Нет, не сделала профсоюзная работа Николая Степановича администратором. Она осталась в памяти как школа, давшая много для работы с людьми, научившая сочетать интересы личные, бригадные с общекомбинатовскими, с государственными и показавшая широкую перспективу на будущее. Председательство еще больше укрепило желание работать у зерна, быть зерносушильщиком настоящим, понимающим и знающим все секреты зерносушения. По размаху строительства в Бийске, на Алтае, в стране чувствовал, что к проблеме сохранности хлеба начинается особое отношение, и сушка хлеба — на первом месте.

### НАДЕЖНОСТЬ

Характеры людские по-разному проявляются в житейских ситуациях. «Беспокойный человек» — говорим мы и вроде бы как хвалим за это беспокойство. Хотя оно ведь разное бывает, это беспокойство. Есть беспокойство, от которого всем нехорошо. Это когда человек ищет и находит разного рода большие и малые недостатки в нашей жизни. Находить их легко. Беда такого беспокойного человека в том, что он палец о палец не стукнет, чтобы их стало меньше.

Николай Степанович тоже беспокойный человек. Но это другое беспокойство. От его беспокойства другим спокойно. Он надежен в любом большом и малом деле. Надежен потому, что любит вникать в суть проблемы, умеет ее решить так, чтобы она не мешала жизни.

Это он особенно уяснил на профсоюзной работе, когда ежедневно приходилось встречаться с разного рода «мелочами жизни», за которыми иногда прятались большие проблемы быта, производства. В его устах самое большое ругательство и самая отрицательная оценка человеку — лодырь. Лодырю ничего нельзя доверить, даже самого простейшего дела. К лодырю надо приставлять еще человека для контроля. Потому в его бригаде зерносушильщики или работают десятилетиями, прославляя себя и бригаду трудовыми успехами, или уходят после первой же серьезной проверки на пригодность, на уважение коллектива, на надежность.

Мне пришлось быть на короткое время в качестве экскурсанта, когда Николай Степанович водил меня по высоченной зерносушилке, рассказывая и показывая, что к чему в ней, как она работает, ее возможности, слабые и сильные стороны конструкции. Среди вентиляторов, коробов, норий, транспортеров, электромоторов он хозяин, он тут бог и повелитель. Нажал кнопку, и где-то внизу загудел мотор, за ним — второй, наполнились шумом мощные улитки вентиляторов. Зерносушилка ожила.

— Я понял, что одной практики, как бы она ни была значительна, мне не хватит, чтобы чувствовать себя хозяином среди этих механиз-



мов, — говорил Николай Степанович, когда мы с ним спускались на лифте с шестого этажа зерносушилки. — Меня хоть и поставили старшим сушильным мастером, но звание это держалось на зыбком фундаменте краткосрочных курсов.

Вскоре Николай Степанович, поборов в себе неловкость и смущение, подал заявление в Бийский механико-технологический техникум зернового хозяйства на отделение механиков. Курс-то заочный. Не надо каждый день бегать на занятия. Но зато каждый день надо заставлять находить время для учебы. Пять лет подобного испытания на усидчивость, на терпение, на целеустремленность! Не каждый может выдерживать такую проверку. Пять лет засыпал и вставал он с одной мыслью: все ли задания выполнены, все чертежи отправлены? В учебе на механика без чертежей — ни шагу. Уже в ходе учебы ужаснулся, сколько же много надо знать, чтобы получить лишь среднее техническое образование.

Есть еще одна черта в его беспокойном характере. Он постоянно кого-то опекает, кому-то помогает, учит, наставляет. По официальным данным, по данным, взятым из документов, на его счету двадцать четыре ученика, начавших с ним работу «с нуля» и ставших настоящими специалистами в зерносушении.

Еще в первые годы, как вернулся со службы, заметил мальчишку в старой зерносушилке Заготзерна. Звали его Федя. Но говорил он с сильным акцентом. Познакомился Николай Степанович со старательным пареньком. Он кочегарил на зерносушилке, едва поднимая здоровенные поленья для топки. Выяснилось, что это не Федя, а Фердинанд Фердинандович, войной заброшенный на Алтай. Отец где-то на фронте погиб, а мать с кучей ребятишек приютил как эвакуированную семью в годы войны коллектив Заготзерна. Федя проникся уважением к этому высокому и, казалось, очень суровому человеку. А потом понял, что он не суров, а добр и отзывчив и в беде не оставит. Так и пошел за ним след в след. Зерносушильщиком стал отменным, и, когда Николая Степановича избрали в профком, он подменил его на должности старшего сушильного мастера, хотя образования почти никакого, но схватывал быстро, технику освоил в совершенстве. По примеру своего старшего друга пошел сначала в вечернюю школу, и, начав с первого класса, одолел ее, а потом вместе с Николаем Степановичем пошел учиться в техникум на механика. Здоровье, подорванное в тяжелые военные годы, не позволило завершить образование, но это не помешало Фердинанду Фердинандовичу Прибу стать одним из лучших механиков элеватора не только в городе. Недавно Ф. Ф. Прибу присвоено звание «Почетный ветеран предприятия», ему вручены Почетная грамота и именные часы за сорокалетний трудовой стаж, за умелые руки, за отличное состояние элеваторной техники.

А началось с того, что увидел перед собой пример, достойный подражания. Увидел человека, в надежность которого поверил, беспокойством которого заразился и шел за ним по жизни такой же, как учитель, надежный в любом деле.

### ДНИ СЛАВЫ — ДНИ ТРУДА

По многолетней привычке встает Николай Степанович утром рано, неторопливо бреется, завтракает. Он вообще не любит торопливых, и сам не торопится, делает все размеренно, продуманно, редко когда переделывает и потому успевает больше, чем торопливые, следуя житейской мудрости: торопливые дважды переделывают.

Автобусная остановка чуть ли не у самого подъезда дома. Вместе с Валентиной Ивановной выходили, вместе ехали на работу. Она на мелькомбинате работала в бухгалтерии, потом перешла на завод «Электропечь» — и тоже по пути с Николаем Степановичем. А теперь

он уходит один и один приходит — Валентина Ивановна пенсионер и «по совместительству» бабушка.

Каждый раз, не уставая, наказывает:

— Береги себя, Коля.

Каждый раз он отвечает:

— Как-нибудь.. Сама знаешь — ремонт начали, боюсь, как бы не напортачили ребята... Отдохну потом.— Это сейчас, в зимнее время, разговор. Летом чуть иначе, но тоже об этом же.

Как-то Николай Степанович на слова жены рассмеялся.

— Ты чего? — удивилась Валентина Ивановна.

— Да вспомнил маму. Она вот так же пилила отца, а не помогло.

Не перепилила.

— Вас перепилишь... Вон вы какие жилистые с отцом.

Это уж точно — жилистые. Годы стали чуть сутулить плечи, но как и в молодости меряет он своими циркулями площадки цехов, осматривает зерносушилки, прикидывает, что и когда надо отремонтировать, заменить, где подбелить, где подкрасить. Об этом и думает, вышагивая к конторе элеватора. В 1974 году мелькомбинат разделили на два самостоятельных предприятия — комбинат хлебопродуктов и элеватор. Михаила Кирилловича Шугаева назначили директором комбината, он строил мельзавод, комбикормовый завод, другие объекты, к элеватору отошли элеватор, склады и зерносушилки. Николай Степанович остался на своих зерносушилках, но каждый раз, подходя к элеватору, сожалеет, что разделили предприятия. Солидно звучало: «Бийский орден Трудового Красного Знамени мелькомбинат». Орден — за успехи в производстве муки и комбикормов, за досрочное выполнение планов семилетки.

Ладно, элеватор так элеватор. Один из крупнейших на Алтае. Сюда везут и везут зерно, крупы, муку и отсюда вывозят столько же. Круглый год не замирает ни на час работа в его цехах. Но при всем при этом есть особо горячая пора в работе всего коллектива — это когда начинается быстро расти поток зерна нового урожая. К его приему все должно быть готово — лаборатории, подъемники, автомашины, транспортеры, зерносушилки, нории; освобождены емкости под урожай, сделан запас горючего для топок зерносушилок. Проверочные комиссии, и свои, элеваторские, и из краевого управления, тщательно проверяют готовность всего элеваторного хозяйства.

Какой бы строгости ни была комиссия, Николай Степанович спокоен. Он всегда сам с бригадой зерносушильщиков готовит зерносушилку к сезону, и не было случая, чтобы комиссия нашла серьезные упущения в ремонте. Оценка «отлично» чаще, чем «хорошо», — других оценок не было.

И все-таки, пока не увидел утром клубы белого пара над зерносушилкой, не успокоился. Как ни предусматривай всякие неожиданности, они бывают: то камень проскочит в норию и затормозит ее движение, то здоровенная палка прошмыгнула через все контрольные пункты и заклинила затворное устройство, через которое выпускается нагретое зерно. Короткая, но остановка. А коль пар валит из-под жалюзей — порядок!

Наскоро переоделся в рабочую форму и спешит к зерносушильщикам. Время пересмены. Заступает дневная смена. На элеваторе в самом корпусе вмонтирована зерносушилка ДСП-12. Последняя цифра указывает, что за час этот агрегат может просушить 12 тонн зерна. Не очень высокая производительность, но так как зерносушилка в самом элеваторе, то ей всегда хватает работы и в разгар сезона хлебозаготовок, и в межсезонье. Когда-то отапливалась она углем. Теперь работает на жидком топливе. Вместо двух сушильщиков теперь управляется один человек — вот к чему привел перевод на жидкое топливо, внедрение автоматики для регулировки режима горения форсунки.

Сегодня на смене Валентина Васильевна Дурягина, надежный сушильщик, ученица Николая Степановича. Он помнит, как она была еще маляром на строительстве этого элеватора, как она в те годы интересовалась, что да почему на зерносушилке. Он знал, что девушка из целинников, из Ульяновской области. Мало ли любопытных среди них. Пройдет некоторое время, потухнет огонек любознательности, потянет домой, и прощай целинница. А эта не уходит, эта пристает к мастеру:

— Возьмите к себе, дяденька, я понятливая... Очень мне интересно у вас.

— А что ты можешь делать? Работа-то мужская, да и учиться надо.

Не отговорил. Настояла на своем. Первая женщина — сушильщица. Да еще какая! Побывала на курсах зерносушильщиков, но больше училась тут же, у бригадира. В горячие дни страды она ни в чем не уступала мужчинам, а кое в чем и превосходила их, например, в аккуратности. Опасался в первые дни, что в зимнее время, когда начнется ремонт оборудования, останется сушильщица без работы. А она и на слесарной работе оказалась толковым, умелым человеком, превосходя мужчин женской точностью, ловкостью умелых рук и особой, присущей женщинам любовью к порядку и чистоте. Теперь Валентина Васильевна кавалер ордена Трудовой Славы третьей степени, награждена Бронзовой медалью ВДНХ СССР, дважды лауреат краевой премии имени своего наставника, ветеран труда.

О том, как работала зерносушилка смену, записано в журнал учета. Там обо всем есть: дата, время работы, остановки, простои, какую культуру сушили, вес до сушки и после, температура прогоняемого горячего воздуха или, как его называют, теплоносителя, температура зерна в разных зонах... Короче, если зерносушильщики аккуратно заполняют все графы, старшему сушильному мастеру раз взглянуть на журнал и все станет понятно. И он просмотрел записи. Тревожит большая влажность зерна, до 30 процентов, — это лишний расход топлива, это лишняя работа всем агрегатам. Но такая уж осень.

Журнал журналом, но старшему мастеру не терпится самому увидеть зерносушилки в работе.

Валентина Васильевна как всегда встретила приветливо. Сменой довольна: ни одной остановки, зерно идет хоть и влажное, но чистое, вызревшее. Попросила пополнить баки горючим. Все нормально.

«Хорошо, когда в смене надежные люди», — думает Николай Степанович, направляясь к флагману зерносушения, мощной зерносушилке ДСП-24×2. Цифры указывает, что в одной зерносушилке спарено две, и дают они не менее 48 тонн просушенного зерна в час.

Как время летит! Давно ли он, завершая монтаж со строителями, радовался этой мощной машине, нетерпеливо ожидая, когда уйдут монтажники, наладчики и оставят их, зерносушильщиков, один на один с этим богатырем высотой с девятиэтажный дом. И вот уже прошло 25 лет! Смонтирована она была с топкой на каменном угле. О той топке и до сих пор Николай Степанович вспоминает с содроганием — так чужеродна была топка — пережиток давно минувших дней в новейшей по конструкции машине. До 500 тонн угля съедала она за месяц и чуть поменьше оставалось после сжигания шлака. А кочегаров не хватало. Идет, бывало, Николай Степанович на смену, а мысли не о том, как лучше просушить зерно, какие новые приемы применить, а есть ли кто в кочегарке, и если нет, то где и кого искать, кого уговаривать? Не раз случалось самому после смены на зерносушилке оставаться в кочегарке на вторую смену. Он же обязан, как старший сушильный мастер, обеспечить работу кочегарок. И если бы всегда уголь был хорошего качества. Часто пыль одна — дымно много, жару нет, зерно черное от копоти, лаборанты пишут докладные, сушильные мастера валят беду на старшего мастера, а он — на кочегаров, те клянут уголь и чуть что не

по ним — бросают работу. Вот что такое топка на твердом топливе. Перевод зерносушилки на жидкое топливо — настоящий праздник для сушильщиков. Но Николай Степанович еще долго не мог привыкнуть к тому, что утром не надо спешить в кочегарку, не надо искать на смену кочегаров. Один форсунщик и полнейшая чистота в топке — вот что значит жидкое топливо в зерносушилке. А потом не стало и форсунщика. И качество просушенного зерна иное. Не видно записей в журнале: «Зерно с запахом дыма».

И когда освоили зерносушильщики техническую новинку, когда поняли, какую она дает выгоду, как она облегчает труд зерносушильщиков, тогда и возникло желание испытать, на что способна эта зерносушилка, если ее загрузить в полную меру, если организовать труд как следует, чтобы ни минуты не было простоя. К тому же это были годы, когда зерно везли отовсюду, — еще мало было зерносушилок в глубинках зерносеющих районов. По 100 тысяч тонн просушивал зерна старший сушильный мастер мелькомбината Николай Степанович Турченков за сезон — такого результата не было ни у кого в стране. И особенно выдающимся был 1966 год — год рекорда в зерносушении.

Слышал Николай Степанович, что руководство мелькомбината послало документы на присвоение ему звания Героя Социалистического Труда, но мало в такую возможность верил. Страна большая, зерносушильщиков много всюду, не может быть, чтоб он всех обошел по всем статьям. Учитывались не только тонны просушенного зерна. Еще и затраты на одну тонну времени, горючего, и экономия, и организованность. В те годы еще не было в ходу таких выражений, как бригадный подряд, «конечный результат». Но сушильщики самостоятельно пришли к бригадной форме организации труда. Они сами пересмотрели возможности бригады, сократили форсунщика и еще одного сушильщика и вместо пятерых втроем обслуживали зерносушилку, и ничего плохого не случилось. Экономии фонд зарплаты, не прогадали и сами, подняв выработку. Сушильщики тогда подобрались в бригаду отменные, проверенные годами работы, все прошли школу Турченкова — Валерий Дорошенко, Яков Черданцев, Василий Клименко. Работящие, как и бригадир, увлеченные делом и, по мнению старшего мастера, главным делом на земле — службой зерну. Они показали, на что способна эта зерносушилка, если ею владеют настоящие зерносушильщики.

Услышал Николай Степанович Указ Президиума Верховного Совета СССР в утренней радиопередаче. Очень взволновался. Радость — само собой. Кого не обрадует такое сообщение! Но тут другое. Герой Труда! Это как же теперь надо работать, как жить, чтобы быть всегда достойным этого звания?

Золотую медаль «Серп и Молот» и орден Ленина вручали Николаю Степановичу в краевом центре. Первый Герой Социалистического Труда в стране среди работников системы хлебопродуктов!

Тогда и родной мелькомбинат стал орденоносным. На его знамени появился орден Трудового Красного Знамени. В числе награжденных был и директор мелькомбината М. К. Шугаев, зерносушильщики, мукомолы, работники комбикормовой промышленности.

Был беспокойным Николай Степанович, стал еще беспокойнее. Ему все время кажется, что мало он сделал для комбината, для элеватора, для страны. Это чувство неудовлетворенности осталось и по сей день. Он по годам давно уже на пенсии, на заслуженном отдыхе. Но это только по форме. Нет у него пока отдыха. Все так же идет каждый день к проходной, все так же смотрит на верхотуру зерносушилки в поиске примет ее работы.

Лифт поднимает его на высоту шестого этажа. Тут аппаратная. Аппаратная особая. Такой зерносушилки нет ни одной в стране. После того как сушильщики освоили новую зерносушилку, возникла мысль у ученых и инженеров попробовать полностью автоматизировать весь

процесс сушки зерна. Выбор на зерносушилку Турченкова пал не случайно. Во-первых, на этого человека, старшего мастера, можно положиться. Он наблюдателен, старателен, он заинтересован в эксперименте так же, как и ученые, он будет настоящим союзником в их деле. Во-вторых, на Алтае много зерна и есть возможность проверить техническое усовершенствование в полной мере, в разных погодных условиях.

Три научно-исследовательских института приложили свои силы, и получилась не зерносушилка, а сказка. Все приборы сосредоточены в аппаратной. От них идут датчики по узлам, агрегатам зерносушилки. Автоматика определяет влажность поступающего зерна, устанавливает режим сушки; дело сушильщиков — контроль за работой приборов, механизмов. Сделали ученые, что задумали, год монтировали, год наблюдали за результатами работы приборов и почему-то охладели к своему творению и с той поры по сей день не побывали на зерносушилке. А зря. Авторы проекта автоматизации сушки увидели бы много интересного для себя. Например, они бы узнали, что ряд приборов и датчиков потому быстро вышли из строя, что они ничего не давали зерносушильщику, кроме лишней заботы; зато те датчики, которые нужны, важны, они и по сей день служат. Это влагомеры, это автоматика на форсунках, это контроль за температурой теплоносителя. В новейших конструкциях зерносушилок именно эти участки автоматизированы.

И аппаратная осталась. В ней еще много действующих приборов. И зерносушильщики не обходятся без их показаний.

### СТИЛЬ НИКОЛАЯ ТУРЧЕНКОВА

Развитие зернового хозяйства, и не только зернового, — это в полной мере относится к производству, заготовке и хранению овощей — все больше заставляет работников заготавливающих органов обращать внимание на сохранность выращенного. Почему-то еще до сих пор нет ясного понимания у некоторых работников, что высокий урожай — только половина дела. Его еще надо сохранить на многие месяцы и даже годы.

Сохранность зерна — это гарантия высоких урожаев в будущем, это возможность внедрения интенсивной технологии в производстве, которая не мыслится без первосортного семенного фонда. В середине семидесятых годов еще не шел так широко, как сейчас, разговор об интенсивной технологии, но подготовка к коренному изменению выращивания зерна уже развертывалась. И надо было научиться сохранять зерно.

В конце мая 1974 года на Бийском элеваторе состоялся всесоюзный семинар мастеров зерносушения многих областей РСФСР, Белоруссии, Молдавии, Узбекистана, Казахстана. На семинаре выступали специалисты Министерства заготовок СССР, РСФСР, Алтайского краевого управления хлебопродуктов и другие.

Выступил и Николай Степанович Турченков.

Вспоминая тот семинар и свое выступление, Николай Степанович рассказывает:

— Попросили меня раскрыть свой секрет зерносушения. А какой он, секрет-то? Секрета и нет никакого. «Товарищи зерносушильщики, — говорю с трибуны, — вот они, мои секреты», — и показываю книжки-инструкции, справочники. «Не надо, — говорю, — открывать Америк, тут все расписано, строжайшее соблюдение инструкций и постоянное внимание работе оборудования — только и всего. Из своего многолетнего опыта знаю, как малейшее нарушение инструкций ведет к большой беде. На авось не надо рассчитывать. Подумайте только: за по-

следние двадцать лет заготовки зерна на Алтае возросли в 11 раз, наш край стал одним из главных поставщиков высококачественного зерна в Сибири. И разве можно принять до четырех тысяч тонн зерна в сутки, как это бывает у нас в осеннюю страду, без строжайшего соблюдения технологической дисциплины? Без высокой организованности в бригаде?» Рассказываю, а сам вижу скучные лица моих коллег. Они, видимо, ожидали, что я открою какие-то сокровенные тайны своих успехов. А услышали об инструкциях. А потом выступали мастер зерносушения Ключевского хлебоприемного предприятия А. И. Павлюченко и мастер из Усть-Катунска С. Г. Ищенко — это наши алтайские сушильщики; В. П. Драгунский с Липкайненского комбината хлебопродуктов Молдавской ССР. Слышу, и они говорят о том же, о строжайшем соблюдении технологии сушки, о тщательности подготовки всего сушильного оборудования к новому сезону. И я понимал этих мастеров, их заботы, их понимание значения инструкций в нашем деле. Тот, кто знает по-чем фунт лиха в нашем деле, тот не отнесется наплевательски к инструкциям.

Так все просто, подумал я, слушая рассказ Николая Степановича о его секретах. А ведь в этом и есть основа успеха в работе, основа того, что за все годы работы на зерносушилках не было у него ни одного «ЧП», ни одного возгорания, взрыва (а зерносушение — взрывоопасное дело), тяжелого увечья сушильщиков, — вот что значит секрет Турченкова в успешном зерносушении. Это стиль его работы.

На семинаре не только слушали выступления передовых зерносушильщиков страны, главное — участники семинара увидели автоматизированную зерносушилку, управляемую ЭВМ. Вот тут Николай Степанович, не скупясь, открывал большие и малые секреты — дело-то невиданное, первая в стране такая зерносушиллка, тут было на что посмотреть, было о чем рассказать.

Уезжали участники семинара с ясным пониманием того факта, что успех в зерносушении не в особой какой-то секретной технологии, не в особой конструкции зерносушиллки. Секрет в добросовестном отношении к порученному делу, в работоспособности и строгом отношении к инструкциям. А коль так, то значит, каждый может стать героем, достичь такого же высокого результата. Не случайно же проводили такой семинар в Бийске — опыт старшего зерносушильщика привлек сюда специалистов зерносушения со всей страны. А опыт оказался очень простым. Но не сразу все поняли, что в простоте его и вся сложность. И те сушильщики, кто смог выдержать рекомендованный Николаем Степановичем метод подготовки зерносушиллки к новому сезону, кто научился беречь минуты рабочего времени, килограммы зерна, граммы топлива, те добились за короткое время заметных сдвигов в своей работе и впоследствии стали обладателями почетных званий, кавалерами орденов и медалей за успехи в труде.

Через год, в 1975 году, в Барнауле созывается слет зерносушильщиков Алтая. На нем присутствовали директора, главные инженеры хлебоприемных предприятий, бригадиры, мастера зерносушения. Среди лучших зерносушильщиков-наставников называют Николая Степановича Турченкова, обучившего своему делу более двадцати человек, в том числе ставших известными на Алтае зерносушильщиками В. В. Дорошенко, В. И. Некрасова, В. В. Дурягину.

И опять выступал Николай Степанович перед коллегами, опять он всеми способами внушал главную мысль — роль точного соблюдения инструкций и правил в эксплуатации оборудования. И особо подчеркнул, как важно постоянно повышать свою квалификацию. Без технической учебы нельзя грамотно сушить хлеб.

— Я знаю, как некоторые товарищи в погоне за количеством просушенного зерна нарушают режим сушки, нагоняют температуру в зонах выше допустимого, — говорил Николай Степанович. — Просу-

шить-то можно таким способом очень быстро, но хлеба настоящего, крупчатого, каким славится алтайский каравай, уже не получить.

На слете выступили передовые сушильщики, рационализаторы, бригады других хлебоприемных предприятий Алтая. Николай Степанович взял на заметку предложение по автоматизации включения задвижек на сушилке, о котором рассказал сушильщик В. Ф. Гранкин с Топчихинского элеватора.

— Этот узел что-то не поддается переделке, и надо поговорить с Гранкиным, — решил Николай Степанович. Познакомились, поговорили, обменялись задумками. С каждого такого слета Николай Степанович что-нибудь да привозит на зерносушилку новое, полезное, а это всегда экономия или времени, или топлива, или создаются лучшие условия для работы сушильщиков.

И вот позади десять лет.

— Чем они памятны вам, Николай Степанович? — спрашивал я его, когда готовил к печати этот очерк.

— Работой, чем же еще, — ответил он с улыбкой. — У нее ведь как? Год на год не приходится. Каждый со своим сюрпризом. Очень мы от погоды зависимы. Несколько раз бывал в Москве. Я же член Президиума центрального совета НТО. Что там делаю? Например, информирую, как медленно внедряется новая техника в производство. Ну разве это дело: на полях выращивают труженики полей большие урожаи зерна, овощей... В зерновом хозяйстве куда еще ни шло: плохо ли, хорошо, а высушиваем хлеб, под открытым небом не оставляем и в закромах не портим. А посмотрите, что делается в заготовке овощей, фруктов... Еще наши прабабки научились хранить овощи в погребах и подвалах, и этот опыт наши заготовители пытаются применять сейчас, заготавливая тысячи тонн овощей. А через месяц уже нет в магазинах моркови, картофеля, капусты... Нужно применять новую технологию, новый способ хранения, а кто его изучает? Кто им заинтересовался? А если заинтересовался, то есть ли результат? Вопросов много, ответов, увы, мало. Или вот такой вопрос. Не так давно пригласили меня в одну группу учащихся техникума, в котором я когда-то учился. Будущие специалисты по переработке зерна — механики, технологи, экономисты. Интересные ребята и девочки, грамотные, веселые, активные. Разговор шел о работе зерносушилок. Я рассказал им то, о чем в учебниках не написано, о своей бригаде, о перспективах в зерносушении. Одна девчушка в конце нашей беседы задала вопрос: «Что можно почитать из художественной литературы о зерносушильщиках или мукомолах?» Таким простым вопросом меня в угол загнала. Чешу затылок, а вспомнить ничего не могу. Пришлось сказать, что не читал, не слышал даже, есть ли что-нибудь в библиотеках города на эту тему. Узнаю, скажу, пообещал я. И что узнал? А то, что никто еще ничего не написал. Про трактористов — сколько угодно, и песни есть, про комбайнеров — тоже немало написано, про агрономов, ученых-селекционеров есть и книги, и кинофильмы. Про нас — ни слова. Разве это справедливо? Вы посмотрите, какие люди работают в нашей отрасли. В 1979 году на совещании передовых зерносушильщиков РСФСР я познакомился с лауреатом Государственной премии СССР В. Л. Грязновым, он со Славянского элеватора Краснодарского края; лауреатом Ленинского комсомола с Алейского комбината хлебопродуктов Алтайского края Н. Н. Катуниним; кавалером ордена Ленина с Борисоглебского комбината хлебопродуктов Воронежской области Л. Г. Поповым; кавалером ордена Трудовой Славы II и III степени из Михайловского комбината хлебопродуктов Рязанской области А. Н. Солнцевым... Разве писателям нечего сказать об этих замечательных тружениках?

На этом совещании мы впятером выступили с призывом ко всем зерносушильщикам республики развернуть социалистическое соревнование за высокое качество сушки зерна нового урожая, за выполнение и

перевыполнение плановых заданий пятилетки. Нашу инициативу одобрила коллегия Министерства заготовок РСФСР и Президиум республиканского комитета профсоюзов работников сельского хозяйства...

Такие вот события за эти годы... Стали чаще встречаться сушильщики, обмениваться опытом, стало видно, что министерства — союзное и республиканское — стали более внимательны к нашим запросам, интересуются, кто и как сушит хлеб, изучают опыт передовиков и распространяют его по всей стране. Но тут должен сказать, что много, на мой взгляд, парадности, разговоров и не очень много толку. Мой опыт не применишь на Кубани или в Поволжье. У нас осень дождливая, хлеб влажный, сроки жатвы сокращены до предела, значит, и у нас на зерносушилке должны быть темпы, соответствующие погодным условиям. А кубанский хлеб уже на корню почти нужной влажности, его сушить надо иначе, чем сушим мы. Другая технология сушения риса, кукурузы или гороха... Мне больше нравятся слеты сушильщиков одного региона, одного края или области. Тут у всех одинаковы заботы, и есть о чем поговорить конкретно, по-деловому...

Чем еще памятно это десятилетие? Стал лауреатом премии ВДНХ СССР, вручили мне «Москвича», и до сих пор на нем езжу, хотя и ездить-то особенно некуда — в сад да обратно... Но не в премии дело. Важно, что труд мой замечен, хотя я ничего особенного и не делал, а выполнял только то, что диктовалось обстановкой на полях, требовал от сушильщиков точного соблюдения взятых нами социалистических обязательств на пятилетку, на каждый год.

В 1983 году, отмечая выдающиеся заслуги ветеранов труда — Героя Социалистического Труда старшего мастера зерносушения Бийского элеватора Алтайского края Николая Степановича Турченкова и бывшей вальцевой Алма-Атинского комбината хлебопродуктов имени XXIV съезда КПСС Героя Социалистического Труда Анны Ивановны Солженицыной, коллегия Министерства заготовок СССР и ЦК профсоюзов работников плодовоовощного хозяйства постановили учредить две премии советских профсоюзов: имени Н. С. Турченкова — для работников зерносушения и имени А. И. Солженицыной — для работников мукомольно-крупяной промышленности. Премии эти присуждаются ежегодно к Дню работника сельского хозяйства.

Это еще одно свидетельство повышения внимания к важному участку в заготовке и сохранности всего того, что выращено на полях страны. Первыми лауреатами профсоюзной премии имени Героя Социалистического Труда Н. С. Турченкова стали слесарь-ремонтник Великолпетихского элеватора Херсонской области И. А. Губа, бригадир слесарей Балтабаевского хлебоприемного предприятия Алма-Атинской области Ж. Б. Кагзабаев, бригадир слесарей-ремонтников Рижского элеватора А. И. Фалевич, зерносушильщик Каушанского элеватора Молдавской ССР Г. П. Тимошенко, зерносушильщик Усть-Калманского элеватора с Алтая С. И. Тынянов.

А теперь уже около двух десятков передовых работников зерносушения носят это звание.

Все это не может не радовать Николая Степановича: вот когда начинается по-настоящему счет собранному урожаю — не на полосе, не у комбайна, а в закромах. Как бы ни были велики урожаи, конечный результат труда огромной армии трактористов, комбайнеров, агрономов, ученых-селекционеров сосредотачивается в силосах элеваторов. Просушенное, очищенное, провентилированное, если надо — замороженное, оно готово в любое время превратиться или в семенной фонд, или в муку, или в комбикорм для скота, птицы, рыбы, пушных зверей. Значит — в мясо, в яйца, в меха, в рыбу, короче в то, что составляет главную задачу в решении Продовольственной программы страны. И как не радоваться, как не гордиться зерносушильщикам, что в этой большой работе есть и их доля труда, их заботливости, умения.



## И НЕ ТОЛЬКО СУШИЛЬЩИК

Среди многочисленных Почетных грамот, свидетельств, приветственных адресов, поздравлений, есть особо важные, особо памятные для Николая Степановича документы. Это грамоты, полученные за активную рационализаторскую работу и от краевого, и от Республиканского советов НТО, членом которых он состоял многие годы. Памятны они тем, что в каждую из них вложен труд, который нельзя учесть обычным методом, зарплатой, рублями, часами. Вдумчивый техник-механик по образованию, инженер-изобретатель по призванию, организатор по должности, он постоянно в поиске рационального использования оборудования, экономного расходования топлива, электроэнергии, сырья, времени, труда. Рассказывает Николай Степанович:

— В первые годы я почему-то не обращал внимания на документальное оформление своих предложений. Мне главное, чтоб рационализация была видна. Позже понял, как важно документы оформлять. А все равно и до сих пор тяготит бумажная волокита, хотя без нее не обойдешься. А почему тяготит? Тут, видимо, сказывается мое знакомство с порядком прохождения всякого дельного рацпредложения. Чем оно ценнее, тем больше различных инстанций задействовано, тем труднее оно проходит через всякие преграды. Вот возьмем мою зерносушилку. Проста, надежна, долговечна, куда еще долговечнее — больше двадцати пяти лет на ней работаем. Я с закрытыми глазами пройду по ней и не споткнусь. Это хорошо, что все знакомо. Но все больше берет сомнения: не отстали ли мы в технологии и технике зерносушения? Ведь есть уже топки иначе оборудованные, чем у нас, есть и зерносушилки более производительные, чем наша, и более экономичные. Нужна зерносушилка автоматизированная, управляемая ЭВМ. Ученые попробовали автоматизировать нашу. Получилось. Но не такую автоматику нам надо. Очень дорого обошлась она в первый раз. Простой подсчет говорит, что окупятся все расходы лет за пятнадцать-двадцать... Зачем такую автоматику внедрять? И институты отказались от автоматики. А жаль. Но нам нужна не всякая автоматика, а такая, что была бы надежна, недорога, проста в эксплуатации. А то ведь можно такие автоматы напридумывать, что для их обслуживания нужны будут пять-семь человек с высшим образованием. Мы тогда, в период оборудования автоматики на зерносушилке, предполагали, что инженеры и ученые пойдут дальше и автоматизируют комплекс зерносушилок. Ничего не получилось. Захало дело. Потонуло в разного рода переписках. И как не потонуть? Я удивляюсь, каким образом в министерстве нашем разбираются в том потоке бумаг от научных организаций, если их у нас несколько, и занимаются почти одним и тем же делом, зато хозяина одного не найдешь. Промзернопроект создает свои зерносушилки и проводит испытания. ВНИЭТИ «Продмаш» тоже занимается зерносушилками, вернее занимался до последнего времени, ВНИИЗерно — тоже родственная им научно-исследовательская организация...

Рядом с нами поднялись корпуса испытательных стендов машиноиспытательной станции Министерства хлебопродуктов СССР. Это единственная в стране испытательная станция по проведению испытаний зерносушилок всех систем, типов, марок. Наших и закупленных за рубежом. Здесь же должны испытывать новые транспортные средства (нории, транспортеры, погрузчики) и прочую технику.

За двадцать пять лет машиноиспытательная станция провела испытания 85 зерносушилок, 81 зерноочистительной машины, 122 единицы транспортных и аспирационных устройств, 110 единиц лабораторного оборудования. Из всего испытанного 124 единицы внедрены в производство. Но далось это сотрудникам станции большим напряжением, при неудобствах, и все потому, что на каждое испытание сотрудники станции, инженеры и техники-испытатели вынуждены ехать за триде-

вять земель и на месте проводить порой очень сложные, долгие всевозможные проверки, испытания в различных условиях времени, погоды, температуры — одним словом, при всех мыслимых параметрах. А почему? Да потому, что своих площадей для испытаний нет. Лет восемь назад начали строительство корпуса испытательных стендов — огромной высоты, как элеватор, здания и административного корпуса, и до сих пор этот комплекс не построен, он возвышается во дворе нашего элеватора — белый, внушительный и пока бесполезный, хотя на его строительство затрачено уже несколько миллионов рублей. А тем временем предприятия выпускают новую технику для зерносушения. Приблизительные испытания на местах эксплуатации очень трудоемкие и не обеспечивают нужного, современного уровня качества проверки, а значит, и выпуска высококачественных машин. Главный инженер станции Владимир Павлович Кузнецов недавно рассказывал мне, что один завод изготовил новый транспортер мощностью в 500 тонн зерна в час — крайне необходимый транспортер для элеваторов морских и речных портов. А испытать негде, и лежит дорогостоящее оборудование мертвым капиталом. Подготовлен проект новой газовой топки для зерносушилок. Опять же приходится испытывать приблизительно на месте строительства зерносушилки. Топка обещает быть очень экономичной — до 0,95—0,98 КПД — это понимать надо! И очень бы хотелось инженерам проверить теоретические расчеты в условиях, которые будут когда-нибудь на машиноиспытательной станции.

Но тут еще одна загвоздка у машиноиспытателей. Никто пока — ни администрация, ни союзное министерство — не могут сказать, как же будет работать этот комплекс. Где станция будет брать зерно для испытаний? Не тонну надо, а десятки тысяч тонн. Каков будет штат у станции? А его уже сейчас надо учить. Дело-то идет к испытанию всего того, что уже создано и что создается на заводах, в проектных учреждениях, в институтах...

А хлебоперерабатывающие предприятия ждут новую технику. Ждем и мы, сушильщики.

В Программе КПСС как сказано на этот счет? Очень ясно: «Коренной вопрос экономической стратегии партии — кардинальное ускорение научно-технического прогресса. Предстоит осуществить новую техническую реконструкцию народного хозяйства и на этой основе преобразить материально-техническую базу общества». Коротко и ясно. И опять же сравниваешь программные требования с нашей жизнью, видишь, что не всегда делается то, что надо. Недавно рядом с главным корпусом поднялся так называемый силосный корпус, то есть еще один элеватор. Растем, да еще как! Возле этого корпуса монтируется зерносушилка ДСП-32-ОТ. Последние две буквы означают, что она открытого типа. Неплохая зерносушилка, если сравнивать с теми, что есть. А если с теми, что завтра будут? Не верю, что нет лучшего проекта, нет лучшей зерносушилки. Так, мы сами, начиная новое строительство, опираемся на старую, уже отжившую технику. А там, где применили новую технику, затягиваем строительство так, что новое морально устаревает и его надо сразу же после окончания стройки менять.

Без оперативной реконструкции элеваторного хозяйства нам не обойтись, если мы думаем стать на уровень мировых стандартов. Нужна всюду автоматика. Не мне придется работать на таких зерносушилках, но очень бы хотелось, чтобы наша смена получила в свое распоряжение отличную новую технику — удобную в эксплуатации, производительную, где бы человек с пульта управления контролировал бы работу всех зерносушилок элеватора, а они бы гнали по транспортерам в закрома просушенное, очищенное, пригодное на любые нужды народного хозяйства зерно.

В этом я вижу кардинальное ускорение прогресса в нашем, зерносушильном, деле, как о том говорится в Программе КПСС.

Из всего вышесказанного у читателя может сложиться впечатление, что Николай Степанович человек замкнутый на интересах зерна, на проблемах его сохранения, имн живет, в них находит радости и смысл жизни. В какой-то степени так оно и есть.

За более чем сорокалетний стаж трудовой деятельности у Николая Степановича накопилось буквально несколько чемоданов Почетных грамот, благодарностей, приветственных адресов, свидетельств о награждении, орденских книжек и прочих документов, основа которым заложена трудом Николая Степановича там, у зерносушилки. В преданности зерну — и слава и почет.

Но не только. В характере Николая Степановича ясно просматривается еще и интерес ко всему окружающему, к людям, к общественным делам. Допустим, что рационализаторская работа — это как обязательный придаток к должности старшего мастера, без которой нельзя называться высоким именем — мастер. Он не по должности мастер, а по призванию, по отношению к делу, по степени знания своей профессии и умению передавать эти знания подчиненным, молодым зерносушильщикам. И вполне могло быть, что этим все бы и кончилось: Герой Социалистического Труда, старший мастер — на долю одного человека хватит подобных почестей и должностей. Но ведь Николай Степанович еще и шеф-наставник молодежи, и не красоты ради ему это звание присвоено, его ученики поднялись на такой же уровень мастерства, как и сам учитель, войдя в число передовых зерносушильщиков края и страны.

Труднее было сочетать дела производственные с общественными, не связанными с производством. Он пять созывов избирался депутатом краевого Совета народных депутатов, был там членом комиссии по сельскому хозяйству. Потому он так близко принимает к сердцу все, что связано с решением Продовольственной программы на Алтае, радуется успехам и огорчается неполадками, какие возникают в таком трудном и всем нужном деле, как животноводство, и понимает свое зерносушильное дело как важную часть в быстрейшем подъеме животноводства. «Без комбикормов мы не поставим животноводство на промышленную основу, а комбикорм начинается с зерносушилки» — это его слова. Активный был член комиссии, этот депутат из Бийска.

В городе многие годы не было автовокзала. Не было автодороги до Барнаула. Конечно, строительство их — это дело горисполкома, но Николай Степанович не один раз выступал в комиссии крайсовета в поддержку предложений бийчан, доказывая, как важно для сельских районов иметь и дорогу, и автовокзал. И в том, что эти объекты появились, что вокзал построен в Бийске раньше, чем в Барнауле, есть и доля заботы депутата краевого Совета Николая Степановича Турченкова. А сколько избирателей к нему обращалось за помощью по большим и малым житейским вопросам! Иной раз малый-то вопрос отнимал времени больше, чем все вместе взятые большие, например, квартирный. Вмешивался, доказывал, портил кое-кому настроение и все-таки добивался своего...

С той поры как разделили Бийск на два городских района, Николая Степановича избирают в бюро Восточного райкома КПСС.

Заседания бюро — это школа партийной жизни, это академия — так много приходится узнавать, за многое братья, за многое отвечать. Коммунист в ответе за все — так просто сказать и как не просто держать ответ. Спрос одинаков с рядового коммуниста и с руководителя. И как порой становилось обидно, что иной руководитель, потеряв ориентир в жизни, превращался в хапугу, делягу, спутавшего свой карман с государственным... Как не просто бывает понять причину падения человека...

Но это, в конечном итоге, исключения. Радовали дела товарищей, приходивших на бюро с рапортами о выполнении плановых заданий,

своих обязательств. Три года подряд Бийск занимал первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании, и трижды переходящее Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ вручалось торжественно бийчанам. Разве нет в том доли забот труда и участия члена бюро районной партийной организации Николая Степановича Турченкова? Есть, конечно.

А ведь был в жизни Николая Степановича период, который его тревожил, хотя он никому о том не говорил. Присвоено самое высокое в стране звание — Героя Социалистического Труда, и словно о нем забыли: ни поручений особых, ни в какие органы не выбирают. Потом понял: это проверка, на что ты годен. А он работал как раньше, нет, лучше работал, понимал, что звание надо оправдать, и оправдание это только в труде, только там, у своей зерносушилки.

Как-то вызвали в краевое управление хлебопродуктов. Его начальник Степан Родионович Стреляев, тот самый, что подписывал ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о присвоении звания, был по-военному краток:

— В Волгоградской области созрел урожай, не хватает сушильщиков. Мы собрали со всего края лучших мастеров зерносушения. Вы едете старшим группы. Просушить хлеб быстро, по-ударному и вернуться к началу сезона уборки у нас. Вернуться с победой.

— Есть с победой! — также по-военному ответил Николай Степанович.

По многим районам Волгоградской области разъехались командированные зерносушильщики с Алтая. На всех точках побывал Николай Степанович, помогая товарищам советом, делом, предупреждая, что здешнему хлебу нужен особый режим сушки: хлеб имеет очень малый процент влаги и легко можно пересушить, сжечь. Поняли сушильщики, что они под контролем, что они не одиноки и что их труд будет замечен и отмечен.

Вернулись зерносушильщики почти все с Почетными грамотами за оказанную помощь хлеборобам Приволжья.

И очень был доволен Николай Степанович, что выполнил серьезное поручение краевого управления хлебопродуктов. Затем последовало новое — снова командировка, но уже в Курганскую область. И так же возвратились все зерносушильщики с почестями и благодарностями.

В декабре 1982 года общественность города Бийска отметила шестидесятилетие Николая Степановича Турченкова. Приветственные адреса прислали администрация и партийная организация родного элеватора, райком КПСС, горком и горисполком, крайком КПСС и крайисполком. Было сказано много торжественных слов, высказано много пожеланий на будущее, и главное из них, как он считает, это пожелание многих лет труда на благо Родины, труда во имя служения зерну, хлебу.

— Пока есть сила в руках и ногах, буду зерносушильщиком, — так ответил Николай Степанович на многочисленные пожелания. И трудится.

Как всегда рано уходит из дома и поздно приходит. Зимой — заботы о подготовке к новому сезону: составление дефектных ведомостей на ремонт зерносушилок, обеспечение запасными частями, создание запасов топлива, учеба кадров, политическая учеба, а он ко всем общественным нагрузкам еще и политинформатор, и если день прошел в хлопотах, если день что-то добавил и ускорил время ремонта — приходит Николай Степанович домой веселым и разговорчивым. Дома часто застает внучку Иришу — ласковую веселую девочку, радость и украшение старости, с ней есть о чем поговорить... Бывают и дни неудач. Бывает и неразговорчивым Николай Степанович, но знает Валентина Ивановна своего мужа, знает, как отвлечь его от тягостных дум. Все

образуется, надо только не терять головы, проявить настойчивость. И он проявляет и на следующий день приходит к вечеру уже с веселым взглядом.

Осенью особые заботы. Общественной работы становится все меньше — приходят на смену более молодые, более работоспособные товарищи. Им не отказывают в совете, в помощи.

— А когда же на заслуженный отдых? — спрашиваю я Николая Степановича.

Пожимает неопределенно плечами...

— Привык... Недавно приболел, за все сорок лет стажа первый раз к врачам обратился... Бюллетенил... Совсем расхворался, пока жена не отправила на элеватор. Тут походил, посмотрел, в заботы втянулся и забыл про болезнь свою... Так что постараюсь без врачей... Тут вот и лекарство, — показал Николай Степанович на башни элеватора. Тучи голубей вьются над ними.

— В войну голубей не было... Они — примета мира. Вот ради чего наш труд. В хлебе мощь нашей страны.



*ЧЕРКАСОВ Николай Михайлович родился в 1938 году в селе Панфилово на Алтае. Автор поэтических книг «Отава», «Ковыли», «Грани», «Милая родина», «Простор полей» и двух книжек для детей. Член СП СССР. Живет в Барнауле.*

**Николай ЧЕРКАСОВ**

## „ЭТО ВРЕМЯ НЕТОРОПКИХ ДУМ...“

\* \* \*

Вечерами, когда  
приходила из стада корова,  
мать доила ее,  
и звенело в ведре молоко,  
а комолая, стоя  
под ветхим соломенным кровом,  
все вздыхала о чем-то своем  
глубоко-глубоко.

Рядом я обретался  
с дюралеевой кружкой помятой,  
с той, что дядя у нас  
в свой последний приезд позабыл.  
Источало ведро  
теплый запах пырея и мяты,  
и, казалось, весь мир,  
как и я, очарованным был.

Мать, закончив доить,  
наливала мне полную кружку  
так, что облаком легким  
клубилось мое молоко,  
я его выпивал,  
а потом отправлялся в избушку,  
где на русской печи  
засыпал постоянно легко.

Снились мне почему-то  
буханки подового хлеба,  
огородные грядки,  
поющий на крыше скворец,  
одноногий сосед,  
самолеты с крестами в полнеба  
да на Пулковских где-то  
войною сожженный отец.

Я легко засыпал,  
просыпался умытый слезами.  
Беззаботно петух  
на плетневой баззлал городьбе.

Мать пророчила мне,  
шевелия, как в молитве, губами:  
«Знать, судьбой суждено  
наыву веселиться тебе».

Но увы! Не сбылись  
в моей жизни святые прогнозы,  
и судьба не всегда  
равнодушной бывала ко мне.  
Часто я веселился,  
глотаю украдкой слезы,  
может быть, потому  
и теперь плачу только во сне.

Лишь порою, когда  
попадаю в родную деревню  
и парное из кружки,  
случается, пью молоко —  
отдыхает душа,  
обновленная запахом древним,  
и восходит звезда  
надо мной высоко-высоко.

\* \* \*

Опустели берега Оби,  
бор глядит сердитым нелюдимом,  
вновь пора прощения обид  
подошла для тех, кто был любимым.

Это время неторопких дум  
долгими холодными ночами,  
отчего бывает ясен ум,  
и покой душевный изначален.

Мы тогда становимся добрей,  
забываем прежние печали,  
и намного видится острей  
то, что мы весной не замечали.

Скажут мне: какая ерунда!  
Напустил лирического дыма.  
Но увы! Порою холода  
так же, как тепло, необходимы.

## ЗАПОЗДАЛЫЙ ОТВЕТ

Поедем на родину, Коля,  
она нас давно заждалась.

Л. Мерзликин

Ты долго звал меня на родину,  
в те незабвенные места,  
где в каждом доме огорожина,  
буквально — с грядки и куста.

Где у полей березы радуют,  
а если в полдень хлынет дождь —  
такие в небе ходят радуги,  
каких и в сказках не найдешь.

И вот я здесь. Иду по улице,  
смотрю вокруг во все глаза:  
в пыли дорожной млеют курицы,  
надсадно мекает коза.

Подворья прибраны, ухожены,  
кой-где пристройки-гаражи,  
водоколонки как положено,  
короче, здравствуй, не тужи.

Все хорошо. Но что волнуется  
моя душа (твоей сродни)?  
Ах да, понятно, я на улице  
так мало вижу ребятни.

У палисадов на скамеечках  
старухи все да старики,  
лениво сплевывая семечки,  
глядят мне вслед из-под руки.

Я эту встречу сердцем выстрадал  
и под кленовый шум листья  
все ждал в упор желанным выстрелом  
зазывный голос. Но увы!

\* \* \*

Только я город уставший покину,  
выйду к покосным лугам напрямик —  
в памяти снова всплывает картина:  
лошадь, собака, телега, мужик.

Снова встречают без тени печали  
старые вербы, укромный родник,

где меня часто в жару привечали  
лошадь, собака, телега, мужик.

Может, в эстетике я простофиля,  
но не настолько, чтоб прятать язык,  
твердо скажу, что в гармонии жили  
лошадь, собака, телега, мужик.

Я говорю о прошедшем, поскольку  
нынче в почете лихой грузовик.  
Если не прав я, простят меня только  
лошадь, собака, телега, мужик.

## КУБИК РУБИКА

Кубик Рубика, аэробика,  
тени роботов в витраже.  
Часто слышу я голос бобика  
на двенадцатом этаже.

Превращаются в грядки лоджки,  
цены падают на стихи.  
Отношения очень сложные  
у свекровки и у снохи.

В арендованном храме Тихона  
гастролирует варьете.  
У товарища дочка тихая  
ходит в секцию каратэ.

В «приложениях» объявления  
на предмет семьи без возни,  
соискатели — только гении,  
где же смертные, черт возьми!!

Я и так, и сяк, головой в косяк —  
ни душой жить, ни умом.  
А сосед-шофер говорит, босьяк:  
«Что ты мечешься! Все пометим».

Оптимизм его, что под сердце нож,  
он рожден еще в шалаше.  
Я надеждой жив, добротой, но все ж  
что-то муторно на душе.

\* \* \*

Пробился сквозь снежную толщу родник  
и легким испаром себя обозначил.  
Как только он в старом овраге возник,  
то стало в овраге намного иначе.

Тотчас же покрылся тальник куржаком,  
и ветки стеклянную песню запели,  
как будто не жег их мороз наждаком,  
как будто ни разу не гули метели.

А ночью, почти что у самой струи,  
что тихо звенела про знойное лето,  
оставили зайцы орехи свои  
и несколько наспех погрызенных веток.

Да с неба забытая всеми звезда,  
случайно почти, в тот родник заглянула —  
и ярко во тьме засветилась вода,  
как будто звезда в роднике утонула.

Ничто не смущает в овраге покой  
ни в теплые дни, ни при жестком морозе,  
вот разве что рядом, за ближней горой,  
вгрызается в землю упрямый бульдозер.

\* \* \*

И. П.

Какой покой! Какая тишина!  
Земля отстрадалась — и заснула.  
И снятся ей былые времена  
короткого весеннего разгула.

Когда любой заштатный воробей  
казался птицей райской, не иначе.  
А безымянный высохший ручей  
речным авторитетом был захвачен.

Но это было. Нынче снег вокруг.  
Не слышно птиц весеннего разлада.  
Уютней дом. Надежней старый друг.  
Короче, все в природе так, как надо.

## МЕТЕЛЬ

Метель, как добрая хозяйка,  
побелкой снова занялась  
и где открыто, где утайкой  
свою выказывает власть.

Подряд, что надо и не надо —  
все нарядила в цвет один:  
коровник, баню, крышу склада  
и даже синий магазин.

И никакого с нею сладу,  
не признает побочных дел.  
Едва теленок за ограду,  
был красным, глядь — а он уж бел.

Вовсю работает, на совесть,  
одна за целую артель.  
На том закончим нашу повесть,  
но не кончается метель.

\* \* \*

Луна обличем — кержак,  
мороз за сорок.  
С деревьев сыплется куржак  
сухой, как порох.

А речь моя о камельке,  
в избе горящем  
и ненадсадно, налегке  
тепло творящем.

Оно исходит от него  
каким-то чудом,  
как будто он хранил его  
весь год под спудом.

А было время — что тать —  
в июле, вроде,  
его хотел я развалить  
в угоду моде.

Поставить электрокамины,  
но в стиле ретро,  
чтоб перед Байроном самим  
казаться метром.

Но что-то дрогнуло в груди  
в защиту друга,  
и вот он весело гудит,  
и мне не туго.

Сижу, задумчиво курю,  
в душе опратно,  
я ничего не говорю,  
все так понятно.

\* \* \*

По Сибири, как прежде, гуляет пурга  
и неделями дуют слепые метели.  
Почему же Сибирь нам всегда дорога,  
если даже метель и пурга надоели!

В этот край ледяной, в эту лунную  
стынь  
профсоюз не вручает престижных путевок,  
но простим профсоюзу, по-свойски  
простим,  
безо всяких «хотя» и других недомолвок.

Уж такая судьба у Сибири моей:  
быть на самом ветру, быть на самом  
морозе.

Отчего же тогда столько спето о ней  
и немало рассказано в истинной прозе!



Говорят, что на юге — я верю вполне —  
 вдвое больше тепла и другого соблазна,  
 только это тепло очень хочется мне  
 сопоставить с душевным теплом  
 сообразно.

И тогда — я не знаю, что тут победит  
 в этом слишком неравном турнире  
 курьезном.  
 Как и мы профсоюзу, пусть юг нам  
 простит,  
 потому что за сорок морозы серьезные.

Тут становится сахарно-ломким металл,  
 и миграция вверх поднимается круто.  
 Только кто мне признается, что  
 представлял  
 Без Сибири Россию хотя б на минуту!

### КАК ПРИГОТОВИТЬ СУП ГРИБНОЙ

Как приготовить суп грибной?  
 Коль вы его едите,  
 тогда внимательно за мной  
 во все глаза следите.

Беру сушеные грибы  
 и опускаю в воду,  
 я собирал их у Гоньбы  
 в ненастную погоду.

Под шум дождя и шум листвы  
 они [грибы, понятно],  
 в делах и помыслах чисты,  
 вели себя занято.

Нет чтоб укрыться с головой,  
 они, почти с нахрапа,  
 на дождик утренний парной  
 высывали шляпы.

Я тут как тут: в корзину их  
 без суеты, конечно.  
 Таких ядреных, молодых  
 не стоит брать поспешно.

Еще одно неплохо знать:  
 сбор требует вниманья,  
 и [упаси!] пренебрегать  
 грибом любого звания.

Ну вот и все. Теперь сушить.  
 Тут надо выбрать место...

Ах, вы про то, как суп варить!  
 Так это всем известно.

### РЫБАК, СТУЖА, СУДАК И ЖЕНА

Опять над лункою рыбак  
 с темна и до темна,  
 а рыба — окунь да чебак —  
 умна.

Сидит рыбак, не дует в ус,  
 как муха на стекле.

В такую стужу только трус  
 в тепле.

Мечтою греется рыбак,  
 его мечта светла:  
 вдруг сдуру схватится судак.  
 Дела...

Он судака жене на стол:  
 смотри, стервец какой!  
 А ты все время: балабол.  
 На кой!

И втайне думает рыбак:  
 хотя жена строга,  
 отпустит снова, если так.  
 Ага.

Сама наживку принесет  
 без страха и стыда  
 и даже чарку припасет.  
 Ну да!

### СТАРЫЙ СОН

Встану утром рано,  
 весел и здоров,  
 выйду до бурана,  
 наколю я дров.  
 Растоплю я печку  
 жаркою щепой  
 и уставлюсь в нечто,  
 будто бы слепой.

Будет мир ворочать  
 жизни колесо.

Я же, между прочим,  
 вспомню старый сон.

В этом сне нелепом,  
 не припомнив зла,  
 не зимой, а летом  
 ты ко мне пришла.

В свадебном наряде —  
 не наряд, а шик —  
 и с тоской во взгляде,  
 как застывший крик.

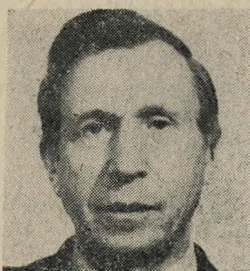
Почему! Не знаю.

В ту глухую ночь  
 я тебе, желая,

не сумел помочь.

Ты ушла. Крутилось  
 жизни колесо.

Больше ты не снилась.  
 Вот, пожалуй, все.



*ОСТАПОВ Александр Данилович родился в 1926 году в Курской области. С 1954 года (после окончания Курского государственного медицинского института) живет и работает в г. Белокурихе на Алтае. А. Д. Остапов — врач высшей категории, кандидат медицинских наук, депутат городского Совета народных депутатов. Стихи его печатались в газетах «Сельская жизнь», «Алтайская правда», «Молодежь Алтая» и др. В альманахе «Алтай» публикуется впервые.*

**Александр ОСТАПОВ**

## „ЕСЛИ БОЛЬ ЧУЖАЯ—НЕ ЧУЖАЯ...“

### ЧЕРНАЯ РАБОТА

Профессия врача — подвиг,  
Она требует самоотвержения,  
Чистоты души, чистоты помыслов.

А. П. Чехов

Я своей работе знаю цену,  
что за дерзость мысли Авиценну  
и его великого собрата —  
бога медицины Гиппократы.  
Знаю: Кох, и Мечников, и Чехов  
жили не для праздного успеха  
и в трудах великих врачевали,  
и на лаврах — нет,  
не почивали.

Эскулапам нелегко и ныне,  
тем, кто честно служит медицине.  
Если боль чужая — не чужая,  
счастье жить, недуги отражая.  
Пусть подчас слова звучат не веско,  
и чужая, но гнетет вина:  
медицина далека от блеска  
и вчера, и в наши времена...

Белизна палаты,  
капли пота,  
в вашу боль вникаю не дыша...  
Медицина —  
черная работа,  
а нужна ей  
светлая душа!

\* \* \*

И детства  
солнечные дали,  
и тень зловещая войны —  
как нетускнеющей медали  
две двуединых стороны.

И свет и боль...  
И надо ж стать —  
та боль лилась через края.  
А вот попробуй  
с ней расстаться! —  
Она — твоя.  
Она — твоя...

\* \* \*

...Мне бы  
только на мгновение  
заглянуть за горизонт.  
Вон к нему  
ведет дорога,  
чуть приметная пока.  
Я хочу рукой потрогать  
грозовые облака.

Мне бы всю обнять планету,  
чтобы сгнула беда...  
Оттого покоя нету.  
И не будет.  
Никогда.

### СКАЗ О ТОМ, КАК УМИРАЛ МОЙ ДЕД

...А в церкви был воскресный день —  
за упокой кадили.  
А слухи лезли сквозь плетень  
и к деду доходили.

А дед лежал,  
а дед молчал,  
не подавая вида.

В глазах же — каждый замечал —  
досада и обида.

И дед не вытерпел и встал,  
прошелся до порога.  
Иконам кланяться не стал,  
подумал: «Чести много!»

— Эй, баба!  
плакать не спеши,  
я знаю, ходят слухи —  
и на помин моей души  
раскаркались старухи.

А я ведь, знаешь, не такой!  
С покоем я не дружен.  
И здесь не нужен был покой,  
и там он мне — не нужен.

И было так, как дед сказал,  
перекроить непросто.  
Сказал — как узел завязал.  
И прожил... девяносто!

Он слег внезапно. И не встал.  
На нет сошла дорога.  
Просить всевышнего не стал,  
подумал: «Чести много!»

## ВСТРЕЧА В ТАЙГЕ

В глухой тайге,  
где мрак и снег,  
когда и сил почти не стало,  
искал дорогу человек,  
дыша надсадно и устало.

Он понял,  
что попал в беду.  
Он шел,  
и веря, и не веря,  
и мысль мелькнула:  
«Пропаду!»,  
когда вблизи почуял зверя.

Наверно,  
мир о нем забыл.  
Исход был лишь один возможен.  
Но человек разумен был.  
А зверь — хитер и осторожен.

Была ли, не было беды —  
об этом знают лишь сороки...  
Как неразгаданные строки,  
в тайге запутались следы...

\* \* \*

Пахнет лето земляникою.  
Пахнут небом васильки.  
И кузнечики пиликают  
на пригорке у реки.

Пахнет поле  
хлебом скошенным,  
как и в прежние века.  
Голубую лентой брошена  
на земную грудь река.

Реактивный тянет линию.  
Круто выгнулся зенит.  
Небо синее-пресинее,  
будто колокол звенит...

## НЕ УХОДИ

Роса упала — и луна  
плывет над горными  
вершинами,  
и не шуршат машины шинами,  
и наступает тишина.

Луна плывет над головой  
и прячется за облаками.  
И пахнет полночь васильками,  
укропом, скошенной травой.

Вдруг сердце замерло  
в груди:  
звучит раздольно песня  
где-то...  
Просторное, земное лето,  
остановись!  
Не уходи!

## ВЕЧЕР НА ОЗЕРЕ

Успокоилась природа.  
Гладь воды огнем зажглась.  
Прямо в воду с небосвода  
тихо зорька пролилась.

Разлилась вишневым соком.  
И погасла.  
А пока  
в небе, звонком и высоком,  
догорают облака.

Темнота сгущаться стала,  
тихих шорохов полна...  
Со скалы, как с пьедестала,  
смотрит в озеро луна.

\* \* \*

Стала роща  
                   бело-розовой,  
 серебристо-золотой.  
 Дышит свежестью березовой  
 листопадовый настой.

Рыжик спрятался  
                                   у пенышка,  
 мир улыбкой озаря.  
 Сколько солнышка —  
                                   на донышке  
 в кузовке у сентября!

\* \* \*

Недолго лето погостило —  
 и вот поля  
 туманит мгла.  
 Природа людям отпустила  
 все то,  
 что в тайне берегла:

и соловьиные рассветы,  
 и ливни, падавшие ниц,  
 сиянье солнечного света,  
 дыханье спеющих пшениц.

Здесь, за околицей, взгляни-ка,  
 где тропка прячется в лесок,  
 в глаза глядела земляника,  
 сама просилась в туюсок...

И словно песня недопета —  
 еще звучит прощальный слог —  
 за рощей скрылось  
 бабье лето,  
 и белый березняк продрог.

И не пылит уже дорога,  
 и не горит зари восток.  
 ...Подбитой птицей  
 у порога  
 кружит

                  рябиновый  
                                   листок.

\* \* \*

Как расставания приметы  
 с неповторимым,  
                                   дорогим,  
 светлеет даль  
                                   осенним светом,  
 и мир становится другим.

На рощу глядя с удивленьем,  
 свистит синица невпопад.  
 Он — как начало обновленья,  
 осенний, тихий листопад.  
 как жизни будущей начало,  
 как новых песен голоса...  
 Озябли лодки у причала.  
 Потухла речки полоса.  
 И грусть крадется  
                                   осторожно,  
 неощутима и остра.  
 И на душе  
                                   чуть-чуть тревожно  
 у догоревшего костра.

### ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег!  
 Первый снег!..  
 Он, как добрый человек,  
 он летит, не улетаю,  
 он, как друг,  
                                   спешит ко мне.

Хорошо идти, мечтая,  
 в этот час наедине.  
 Снег кружится,  
 снег мелькает  
 белым кружевом во мгле.  
 Красота вокруг такая  
 над землей

                                  и на земле!

Снег, на кружево похожий,  
 в ком слипается в горсти...  
 Что ты хмуришься,  
                                   прохожий! —  
 полюбуйся, не грусти...  
 Снег кружится и искрится,  
 чист и светел без прикрас,  
 будто новая страница  
 в жизни каждого из нас.

\* \* \*

Погода выдалась плохая,  
 осенний день внезапно сник:  
 снежинки первые, порхая,  
 упали мне на воротник.  
 Они слетают тихо, тихо  
 из ниоткуда в никуда.  
 В дрожащем кружеве Крутиха,  
 мосты, столбы и провода.  
 И мир задумался немного,  
 остановившись на бегу.  
 Едва-едва видна дорога  
 и свет в окне, на берегу...



*ПОПОВ Виктор Николаевич родился в 1922 году в г. Туле. После окончания вечерней школы в 1939 году поступил работать на Тульский оружейный завод. Затем был воспитателем в рабочем общежитии, газетчиком, редактором издательства.*

*Автор книг «Начало биографии», «Закон-тайга», «Непогода», «Пожар в Назаровском», «Дальний рейс» и др. Член Союза писателей СССР. Живет в Барнауле.*

**Виктор ПОПОВ**

## СЛАВКА ЗАЛЕСОВ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА «ОТЧИЙ ДОМ»

До революции оба дома — и 97 и 97-а по улице Центральной — принадлежали купцу Судновскому и имели общий двор и сад. Во время революции дом, что хозяин сдавал жильцам, конфисковали, и он стал жактовским. Другой же дом владели, прежде чем исчезнуть в неизвестном направлении, продал семье совслужащего Лобанова, и тот распорядился угодьями по-своему. Двор, как и прежде, остался общим, а вот от сада жактовцы получили пустырек, на котором, тесно обнявшись, произрастали кустики малины и крыжовника, две перестарки яблони-антоновки, пара грушенок, плодоносивших года в три раз, и еще одна яблонька под названием мирончик, которая вообще никогда не плодоносила.

У Георгия Владимировича Лобанова и его жены Федосьи Николаевны было двое детей — погодки Митька, по прозвищу Сизяк, и Женька. В момент, как въехать грузовику во двор, братья вели очередную тяжбу. Оба они имели голубятни — каждый свою. Голубятня Митьки располагалась с одного торца длинного приземистого сарая-хлева. Женькина голубятня занимала противоположный торец и отличалась большей фундаментальностью. Если про Митькино сооружение можно было сказать, что оно лепилось к сараю, то Женькин птичий дом плотно прилегал к родительским владениям и был как бы их полноправным продолжением. Объяснялось это не тем, что Женька был человеком обстоятельным и хозяйственным. Просто-напросто он души не чаял в голубях, а Митька рассматривал птиц как предмет купли-продажи с возможностью нажиться. Ради этой возможности он не брезговал никакими средствами, и это приводило к частым конфликтам, которые иногда кончались дракой. Хотя Митьке было одиннадцать, а Женьке десять, младший бился отчаянно, и победителя установить было невозможно. Георгий Владимирович и Федосья Николаевна к сыновьям потасовкам относились как к должному и в какой-то мере даже их поощряли. «Мужик должен быть мужиком, — объяснял Георгий Владимирович. — За себя всегда надо уметь постоять. Жизнь такие комки подкидывает». Лишь однажды он вмешался решительно и жестко, это когда Митька взялся за нож.

С тех пор Митька ножом не размахивал, а пятак, который зажимал при драке в кулаке, на Женьку впечатления не производил. Младший был ловчее старшего, и пока тот молотил воздух, успевал несколько раз достать до Митькиного уха, а то и до носа. Но так бывало иногда. В основном же братья выясняли отношения на словах.

Сегодняшняя тяжба шла из-за черно-рябой голубки, которая вчера была в Женькиной голубятне, а сегодня оказалась в Митькиной.

- Ты что, не видел, как она на мой круг ушла? — шумел Митька.  
 — Она и на крыло не поднималась, — орал Женька. — Как же она ушла?  
 — Поднималась на крыло. Ее мой желтоплекай сманил.  
 — Дура ты. Как же поднималась, когда я ей махи оборвал. Гони черно-рябую.  
 — Хруст давай и разговору нет.  
 — А два не хочешь? Ворюга!  
 — Я ворюга?

Митька полез в карман за пятакон, но в это время отворилась калитка и во дворе появились два незнакомых маломерка. Не обращая внимания на Митьку и Женьку, они дружно вытянули засов и стали растаскивать створки ворот. При этом оба что-то наперебой стрекотали, а когда в петлях заело, стали командовать сами себе: «Раз-два, взяли! Раз, два...» Этого Митька стерпеть не смог. Он, конечно, сразу понял, что приехали новые жильцы в квартиру номер три дома девяносто семь «а», но чтобы они вели себя вот так, без всякого уважения к жильцам старым...

Засунув руки в карманы штанов, легкой развалочкой Митька подошел к трудовичкам.

— Кто такие, по какому праву?

Славка и Шурка недоуменно переглянулись и даже самую крошечку стушевались. Ну, Шурка — понятно. Славка же имел все права! Об этом после секундной растерянности и заявил:

— Мы здесь будем жить. В третьей квартире.

— Ничего не знаю. Бумагу представь.

— Иди ты... — Славка вновь взялся за створку искомандовал: — Раз-два... Дядя Сережа, чего он!

Вопль последовал после того, как Митька отвесил Славке пинка, а когда Славка качнулся, съездил его по затылку. Дядя Сережа быстро установил, что к чему, и навел порядок. Но совсем не так, как ожидал Славка. Славка думал, что дядя Сережа даст обидчику по шее и скажет, что если тот еще раз тронет Славку, то... Но дядя просто сказал:

— Во-первых, как тебя зовут, а во-вторых, сколько тебе лет?

— Митька... По отцу Георгиевич. В августе двенадцать будет.

— Так вот, Митька Георгиевич, этих ребят зовут Слава и Шура. Им по девять лет. Слава Залесов мой племянник, а Шура — его друг. Думаю, что ты, как старший, должен взять над ними шефство. И не обижать, а заступаться. Как-никак, теперь вы с одного двора...

— А меня Женька зовут. Я Митькин брат. — Женька подбежал и протянул дяде руку дощечкой. — Я вас знаю. Вы — Сергей Андреевич Строков с улицы Луговой. Ваш сад прямо за нашим...

— Правильно, Женя, — сказал дядя Сережа, пожимая протянутую руку. — Вот видишь, Дмитрий Георгиевич, как порядочные люди себя при знакомстве держат. Не пинаются, а имя называют. В общем, так: вы нам ради знакомства вещи поможете стаскать. Договорились?

— Обязательно... Давайте я ворота открою. — Женька легонько отстранил Шурку и потянул за створку.

Митька цыкнул сквозь зубы, слюна потекла по подбородку, закапала на грудь. Митька стер ее ладонью и насмешливо сказал:

— Слуги с семнадцатого года отменены.

— А я не про службу, — дядя Сережа улыбнулся. — Я про дружбу. Слышал такую просьбу: не в службу, а в дружбу?

— А как разгрузим, на легковушке покатаешь?

— Если заработаешь.

— Чур, я на переднем сиденьи.

— Я на переднем, — твердо отрезал Славка.

— Несolidно, Вячеслав, — сказал дядя Сережа. — Старших надо уважать. Ты, по-моему, человек воспитанный.

— Воспитанный, — со вздохом сказал Славка. — Давай, Шурка, помогать.

А потом катались на автомобиле. Митька сидел рядом с шофером и непрерывно командовал: «Полный вперед!», «Направо», «Налево», «Обогнать извозчика!» Хотя шофер его не слушал и ехал совсем не туда, куда указывал Митька, тот все же распоряжался, пока шофер не сказал сердито: «Да помолчи ты чуток, пигалица!» Митька замолчал и, только когда подъехали к дому и вылезли, пнув колесо, сказал: «Курбюратор-индюкатор, искра в баллон ушла».

— Это вместо спасибо-то? — удивилась Маргарита Андреевна.

— Я за спасибо с узлами умучился, — сварливо сказал Митька, еще раз пнул колесо и пошел домой. У крыльца обернулся и крикнул Женьке: — Если за черно-рябую хруст не дашь, Камолону продам.

Цыкнул слюной сквозь зубы, вытер тыльной стороной ладони подбородок и неизвестно кому погрози́л кулаком.

\* \* \*

Со дня переезда на новую квартиру минуло четыре года. За это время в жизни Славки Залесова свершилось несколько значительных событий. Ну, то, что переходил из класса в класс и дошагал до шестого — понятно. Стал пионером, тоже само собой разумеется. Что произошло, пожалуй, неожиданно, так это то, что раздружи́лся Славка со своим неразлучным приятелем Шуркой Винокуровым. Не ругались они, не вздорили, словечка плохого не сказали друг другу. А вот поди ты... Все, наверное, объясняется тем, что Славка из четвертой школы перевелся в восьмую. Уроки им задавали разные и учить было удобнее поодиночке. Стали друзья встречаться не каждый день. К тому же появились у Славки привязанности — Борька Кочеток, по метрике — Борис Петрович Макаров, и Верка Коробейникова. А еще: купаться Шурке ближе на водную станцию «Динамо», Славке — на Чекмаревский пруд или на Плотниковский... Короче, разошлись друзья, как в море корабли.

Что еще важное случилось в Славкиной жизни? То, что он, по его словам, «определился». Это значит, что выбрал себе будущую профессию. Очень серьезную профессию выбрал Славка — водолаза-эпроновца. О работе ЭПРОНа (Экспедиция подводных работ особого назначения) в то время слишком не распространялись. Особое назначение есть особое назначение. А вот о водолазах писали много. Особенно в любимых Славкиных журналах «Всемирный следопыт» и «Вокруг света». Меньше, понятно, чем о летчиках, но все равно много. У бесстрашных подводников вся жизнь была из приключений. Они бились с осьминогами, акулами, кальмарами, добывали сокровища с затонувших лет триста назад, а то и больше, испанских каравелл и галлонов.

Писали о водолазах много, но профессия все равно была самой таинственной. Кого Славка ни спрашивал, никто ничего определенного не сказал. Даже самый уважаемый в школе человек, учитель физики, бывший чапаевец Леонид Федорович Тарутин.

— Профессия серьезная. С кондачка в водолазы не попадешь. Там сильные люди лужны. И грамотные, конечно. Стало быть, надо знаний набираться. Учиться хорошо надо.

— Я и так неплохо учусь, — сказал Славка.

— Знаю. Ударником учебы станешь — совсем хорошо.

Хотя ничего путного про испытания для будущих подводников Славка не узнал, но главное понимал сам: слабаков на морское дно не пустят. Поэтому закалялся и набирал силы. Утренние обливания холодной водой — непременно. Каждый день восемь километров бегом:

в школу и из школы. А летом купаться — тоже бегом. Там не восемь, все пятнадцать верст набирались. Вода, дрова — об этом мать уже не напоминала. Мало себя — бабушку и дядю обеспечивал. Дядя хоть и делал вид, что такое в порядке вещей, однажды все-таки похвалил:

— Значит, самую малость соображаешь, что к чему. Хлюпикам не жизнь, а морока.

— Ты бы мне с велосекцией помог.

— Ноги короткие у тебя для велосипеда. Да и воля не та. Бокс не успел начать, как кончил... В спорте характер нужен.

— Я виноват, что тренера в Москву взяли?.. У меня бы уж разряд был. А ноги... Дядя Костя Поленов меня на свой велик сажал, в самый раз достаю.

— Видел я, как достаешь... вперевадку, утя утей.

— Ну да. Велосипед — расти, ружье — подрастай... Гайдар в шестнадцать лет...

— А тебе тринадцать только. Ты в шестнадцать, может, дивизией командовать будешь.

Славка нахмурился. С дядей всегда так — начнешь серьезно разговаривать, а он просмеет.

— Тогда хоть гантели купи. Трехфунтовые.

— Гантели — другое дело.

Из событий менее значительных что отметить? Славка, например, считал достижением, что научился свистеть без пальцев. Это, кстати, очень одобрила и мать, которая всегда болезненно воспринимала зрелище, где ее сын по поводу и без повода сует в рот грязные персты. Овладел Славка нелегкой наукой цыкать через зубы. Причем, овладел настолько основательно, что однажды перецыкнул самого Митьку Сизяка. Обернулось это для Славки неприятностями, из которых он сделал справедливый вывод, что переплевывать старших и сильных — занятие небезопасное.

\* \* \*

Во дворе гуляет лобановский петух. Этакое пестрое страшилище килограммов на пять весом. Куры расположились под забором. Вырыли в прохладце уютные ямки и обосновались каждая в своей. Блаженствуют, прикрыв пленочками-веками глуповатые глаза, и даже на призывное петушиное «ко-ко» не откликаются ни одним движением. Да и призывает петя своих подружек реденько — в сухой почве откуда возьмется червячку или зернышку? Ходит петух степенно, лапы утвердятся на земле основательно, будто впечатывает. Раздолье ему нынче. Митька на него не посягает, не норовит загнать в коридорчик между Женькиной голубятней и садовым забором. Донимает Митька петуха не из озорства, а в интересах дохода. На шее своей петух носит целое богатство. Перышки зеленоватые, сероватые с проседью. Особенно ярко-рыжие в ребячьей менке-торговле идут на ура. В самую безнадежную полуденную пору, когда снасти, наживленные червяками, тестом, кусками крутой манной каши и иными самыми лакомыми рыбными лакомствами, безнадежно караулят хоть крошечную поклевку, искусственные мушки, сотворенные из комбинированных петушиных перышек, действуют наверняка. Лови на них уклеюку в проводку и будешь с добычей.

Потому частенько носился Митька за петухом, угнетая двор разбойным посвистом, норовя затиснуть страдальца в узкую щель, где тому не развернуться. За пару перышек пацаны платили Митьке по гривеннику. С безденежных он брал натуроплату — конфеты, пирожки и разное другое, что ему глянулось. Но хотя и велик петух, шея-то у него одна и перьев на ней не пруд пруди. Потому, наверное, и vyšло мужичку куриного племени послабленне. А может, и по другой причине Митька предоставил кочету передышку. Даже скорей всего именно



по другой. По причине «катаклизмы». Это слово у Георгия Владимировича Лобанова означало обучение старшего сына уму-разуму. Случалось сие, правда, нечасто, хотя Федосья Николаевна чуть не каждый день Митьку предупреждала: «Вот скажу отцу, он те клизьму-то начешет». Произносила она так по незнанию, как по незнанию же вместо поликлиника говорила полуклиника, вместо велосипед — лисапет и тому подобное. Сам же Георгий Владимирович процесс решительного воздействия на старшего продолжателя фамилии называл строго и многозначительно: «катаклизма».

Так вот вчера событие произошло.

По вторникам и четвергам, когда Федосья Николаевна приторговывала на базаре, лобановский двор становился местом присутственным. Заглядывали сюда голубятники со всех концов Засечного. Кто-то выкупал своих голубей, кто-то подбирал экземпляры на племя, потому что Женька являлся в городе голубятником известным, имел редкие породы и к тому же был человеком общительным. Его монахи, турманы, почтари среди любителей ценились очень высоко. Будь Женька порасчетливей и попржимистей, рубли сами бы текли в его карманы. Но он любил голубей верно, цельно, бескорыстно лишь за то, что они — голуби, за доверчивость их, за преданность. Любил за то, что дарили они ему самозабвение, волнение и радость, которые могут дарить только голуби, существа умные, гордые и независимые. К Женьке в гости жаловали голубятники со стажем, люди солидные, знавшие толк в голубеводстве, истинные ревнители своего пристрастия. Разговоры здесь велись также солидные, и Женька, несмотря на разницу в возрасте, воспринимался собеседниками как равный, потому что в голубиных вопросах он и на самом деле был ровня любому знатоку.

Гости Митьки были иного пошиба. Исключительно пацаны, только-только начинавшие свой путь на голубегонном поприще. Одни приходили сюда приобрести по дешевке что-то из неходового пернатого товара, другие — неудачники — торговались из-за своего еще не воспитанного и небогнанного молодняка, который по неопытности прибился к Митькиной стае. Частенько посещали Митьку и молодые рыболовы, наслышанные о необыкновенных петушиных перышках. В общем, Митькину компанию составляли люди несамостоятельные, горластые и вороватые. Нет, не то чтобы кто-то из них покусился хотя бы на то же белье, что развешивали на садовом заборе жактовские жилыцы или Федосья Николаевна. Это ни-ни. Лямзили они по мелочи: копейку, двушку из расшибалочного кона, горсть зерна из голубиной кормушки, конфетные фантики, которые шли у них как разменная монета. Уличенные, божились в невинности, при купле-продаже не торговались, а жилились нудно, крикливо и пустячно. Митька здесь был не собратом, а хозяином, авторитетом утвержденным и единовластным. И несправедливым.

Славку удивляло отношение дружков к Митьке. Вот уж действительно компашка, где кулак являлся незыблемым доводом во всех спорах. «Давай вдаримся» было самым ходовым призывом в этом обществе. «Вдарялись» по поводу и без повода. Особенно часто по Митькиной прихоти. «Косой, ты чего, Жирный у тебя трешник зажилил, а ты дрейфишь. Пустяк ему юшку. А ты, Корзубый, намени сулил Козла причесать. Что, жила слаба?» И вот, глядишь, Гришка и Сенька, только что приятели — водой не разольешь, уже сучат кулаками, норовя пустить юшку, а Федька и Ленька хватаются за грудки.

Сам Митька в этой компании дерется редко, а если и ввязывается, то с условием: «на одну левую» или «на одну правую». Обычно жертвами его бывают непокорные новички, которые не то чтобы посягают на Митькино верховодство, а просто не слишком спешают признать его атаманство. Георгий Владимирович в драках сына, как уже говорилось, не окорачивает, пожалуй, даже поощряет. Славка это объясняет,

как и многие другие непонятные ему поступки взрослых, старорежимностью. Человек родился при царизме, вся молодость его прошла до революции. Что с него возьмешь?

В общем дворе имеется общий же погреб. Добротное, выложенное кирпичом подземное сооружение на две половины. В одной хозяйничают Лобановы. Зимой хранят там картошку, капусту и иную солонину. Летом спускают молоко, сметану, малину, смородину, крыжовник. Лобановская половина поэтому всегда на запоре. Владения жактовцев запираются только зимой, когда крохотные клетушки-кладовки заполнены сезонной снедью. Летом жактовцам хранить в погребе нечего, и их половина открыта настежь. Этим воспользовался Митька и объявил на летнее время жактовскую половину погреба «долговой ямой». В нее он отправляет своих должников, которые просрочивают платежи. Неплательщик должен провести в закрытом темном погребе определенное время. Если не отдал пятачок — два часа, гривенник — четыре. Славка кусал губы, когда очередная жертва отправлялась на отсидку. Отправлялась безропотно и обреченно. Порой даже казалось, что совершает она свой путь с тайным внутренним облегчением. Этого Славка уже никак не мог понять. Как-то он попытался вмешаться и, подойдя к Сизяку, объявил, что тот царский жандарм и палач. Сизяк тут же предложил «на одну правую», и неизвестно, чем бы кончилось дело, не встрянь Федька Калашников: именно он, задолжав Митьке восемь копеек, отправлялся в погреб на три часа. Федька надвинулся на Славку грудью и злобно выкрикнул:

— Иди отсюда, гнида!

Славка опешил. Думая, что Федька его неправильно понял, он стал объяснять:

— Ты, Федя, что? Я — за тебя. Человеческое достоинство... Это жандармы людей в ямах гноили...

— За жандармов можно и зубы посчитать... Тилигент...

— Не ты жандарм, Федя, а вот, — Славка ткнул пальцем в Митьку. — Он царский палач и живодер!

Сизяк наотмашь хлестанул Славку по уху. Славка качнулся, но на ногах устоял. Тогда кто-то из Митькиного окружения его толкнул, другой подставил ногу, третий налег сверху. Из кучи-малы Славка выбрался изрядно потрепанным. Он не плакал, потому что понимал: слезы его на радость окружающим. Он только пошмыгал носом и покачал шатающийся зуб.

— Чеши отсюда, тилигент!

Федька сказал уже без злобы, и от этого Славке стало особенно горько. А Митька повернул Славку к себе спиной и отвесил солидный пинок.

Случилось это два года назад. С того дня Славка уже никогда не встревал и, хотя это, конечно, было не по-пионерски, даже испытывал некоторое злорадство, когда жертва шагала к погребу. Славка понимал, что злорадство — пережиток, но как ни старался, ничего с собой поделывать не мог. Георгий Владимирович, которому Федосья Николаевна рассказала о том, как Митька использует погреб, устроил тому «катаклизму». Но так как никто не жаловался и все обходилось тихо-мирно, то события шли как шли. Какое-то время Митька «долговой ямой» не пользовался, потом все вернулось к старым порядкам.

Вчера порядок был нарушен. Неизвестно, какими уж путями, кто его привел, кто познакомил с Митькой, но в числе его должников оказался Пончик. Генька Маллини, Славкин соклассник. Расправу с новым-явленным неплательщиком Славка наблюдал из окна. Вначале говорил Митька. Он не кричал, не угрожал, говорил слишком тихо — Славка из-за стекла даже не слышал, что он говорил. Пончик отвечал громко. Он давал честное слово, что денег у него нет, а как появятся, он непре-

менно отдаст. Здесь вмешались Митькины приятели. Долго горлопанили, затем схватили Пончика и поволокли к погребу.

Как Пончика выпускали из «долговой ямы», Славка не видел, но предполагал, что на этом дело не кончится. Если уж Генька в школе ябедничал по поводу самого невинного щелчка...

Как в воду Славка смотрел. Вечером к Лобановым явилась Генькина мама. О чем и как она говорила с Георгием Владимировичем, можно было догадаться по серьезности «катаклизмы». Во-первых, в дело был пущен не брючный ремень, а коровья привязка, во-вторых, Георгий Владимирович, доселе совершавший экзекуции молча, на этот раз был многоречив. А Федосья Николаевна, обычно на наставлениях не присутствовавшая, нынче сидела на крылечке, всплескивала руками и переживала за Георгия Владимировича, которого из-за этого разбойника как пить дать — в тюрьму упрячут.

Это было вчера. А сегодня петух вышагивал по двору основательно и независимо.

Славка сидел у окна и читал роман Кузьмы Горбунова «Ледолом». Книжка ему нравилась, читал он увлеченно, почти не отрываясь. Поэтому и не заметил, как подошел Митька. Поднял глаза только тогда, когда Сизяк потянул книгу из рук.

— Все читаешь?

— Читаю.

— Интересная книжка?

— Очень. Хочешь, вслух почитаю?

— Не. Не хочу. Я, что в школе задают, и то не люблю. Этот мордастый в вашей школе учится?

— Пончик? В нашей. Мы с ним в одном классе.

— Встретишься, скажи: я ему, задрыге, ноги повыдергаю. Он у меня кровавыми слезьми умоется. Неделю утираться будет.

Сизяк цыкнул через зубы.

— А чего ты грозишься-то? Не хочет Генька, чтобы над ним издевались, и правильно делает, что не хочет. Считаешь, дал десятник и можешь что угодно над человеком вытворять?

— Взял — отдай. Ты вот обзываешься: жандарм я. Думаешь, почему огольцы сами в погреб лезут? Потому что совесть у них. Отдать — денег нету, а не отдать совесть не позволяет. Вот они и лезут. Отсидят, сколь положено, — и хляй себе. Скажешь, не так?

Славка посмотрел на Сизяка с любопытством, но тут же возразил:

— А ты не давай тому, кто отдать не может.

— У него что, на лбу написано? Если так, никто бы никому должен не был.

— Деньги у тех, кто работает. А у Тольки Зудина откуда? Ему мать в школу на завтрак и то не дает, его за школьный счет кормят. И валенки ему за школьный счет, и одежду...

— Чего ты в деньгах понимаешь. Деньги навоз: сегодня нет, завтра — воз.

— Это не те деньги, не честные.

— В моем кармане — значит честные. На них метки нет. Кто при хрустах, тот всегда человек. Скажешь, не так?

\* \* \*

Дядя Сережа... Что о нем сказать? Если верить Славке, то он «на ять с присыпкой». Характеризуя так своего родственника, Славка отставляет кулак левой руки с оттопыренным большим пальцем, а правой шепотью этот палец вроде бы подсаливает. Очень, значит, замечательный человек, по его мнению, дядя. Можно бы заподозрить Славку в семейном пристрастии, но если понаблюдать, как относятся к Сергею Андреевичу соседи, то поймешь, что Славка коли и преувеличивает, то

только на самую капелюшечку. Уважают дядю соседи. Прежде всего, конечно, за то, что Строков — ведущий конструктор на одном из оружейных заводов. У дяди, одного на всю ближайшую округу, есть телефон, и за дядей Сережей, когда он потребуется в неурочное время начальству, присылают легковушку. Телефоном соседи не пользуются, ибо в нем у них нет никакой надобности, а вот за советами обращаются сплошь и рядом. И за помощью — тоже. Заявление написать, или ходатайство, или просьбу на имя серьезного руководства изложить понятным языком — кто сможет лучше Андренча.

Характер у Сергея Андреевича очень спокойный. Славка, например, никогда не слышал, чтобы дядя кому плохое слово сказал, а тем более нашумел на кого. Иные, когда заспорят, столько друг на друга богов и всяких ихних апостолов насобирают, что хоть уши затыкай. А дядя, если даже кому что объясняет, а тот десять раз переспрашивает, дураком его и то не назовет. Так подойдет и эдак, а когда станет совсем уж неумогу, вздохнет и посоветует: «Ты, когда придешь домой, малую малость обо всем подумай, с родными посоветуйся». Может, человек и не примет совета, а за душевность дядю непременно поблагодарит. «Спасибо, — скажет, — Андреич, ты уж не обессуди, если я к тебе еще разок наведаюсь». И навевываются. Кто разок, а кто и много разков.

Славка так не умеет. Объяснит раз, объяснит второй, а потом обзлится и махнет рукой: «Тебе хоть кол на голове теши». И начинаются обиды. Кочеток переживает молча. Пошмыгает носом и пойдет себе. А Верка, та может и в засычку полезть. Если на словах, еще терпимо. Чаше же после нескольких общих фраз в дело идут коготки. Настолько длинные и грязные, что под ними, как уверяет Славкина мать, можно разводить огород. Поэтому с Веркой Славка срывается только когда дело дойдет до белого каления. А вот дядя и с Веркой находит общий язык. Верка уже несколько раз говорила Славке, что дядя у него «на большой с присыпкой». При этом она, точь-в-точь как сам Славка, отставляла палец и шевелила над ним шепотью.

Однако при всей своей хорошестьи дядя, в общем-то, большой хитрец. Когда он, например, не хочет замечать того, что Славка изо всех сил подчеркивает, то ни за что не заметит. Уж как нынче Славка старался, чтобы дядя обратил внимание на то, что его племянник прилежно трудится, приводя в порядок сад, — тот хоть бы глазом повел. А чего ему стоило — ведь он тут же, рядышком, за низеньким штакетником в своем огороде полел картошку. Славка подтаскивал к забору такие охапки лопухов, что впору на телеге везти, весь истрекался, лазя по крапиве, иззанолил в малиннике руки, а дядя знай себе кланяется картофельным грядкам, будто и нет рядом родной души, которая того гляди надорвется. Тетя Шура Мартыненко, которой Славка помогал, и та обратила внимание на Славкино трудолюбие. Подошла к забору, сказала: «Не налюбуюсь я, Сергей Андреевич, на Славика. Такой-то уж он работающий, такой помощничек». А дядя поздоровался с ней и усмехнулся.

— Что-то я за ним особой прыти не замечал.

— Ой, не говорите. Так работает, так работает. Вон какую прорву перетаскал.

Дядя покосился на кучу сорняков и дернул бровями:

— Нормальная тяга к труду. Соскучился человек по делу, вот и тешится.

— А сильный-то какой. Я лопух подрыхлю, окопаю кружочком и то насилу выдерну, а Славик шир-шир лопатой, потянет разок и пожалуйста — был репыще и нету.

Дядя хмыкнул, а Славка покраснел непонятно отчего и зачастил лопатой. Со стороны могло показаться, что он старается по-прежнему: так же сильно жмет ногой на железку, так же легко расправляется с

репейником и крапивой. Но нет. Вроде как раскрутилась в Славке заводная пружинка, а обратно закрутиться не захотела. Никак не мог разобраться Славка: то ли дядя в самом деле сказал о нем с уважением, то ли походя насмеялся. Поэтому потерял Славка уверенность в нужности своих действий и старался скорей из-за тети Шуры, не для дела. А когда человек творит не от души, а по обязанности, это все равно, что рыбий жир пить: польза есть, а удовольствия никакого.

После обеда, когда солнышко вползло на самую небесную вершину и работать стало совсем невмочь, тетя Шура воткнула лопату в землю, расслабленно потрясла кистями рук и сказала, вроде бы размышляя вслух:

— Да что ж мы как проклятые надсажаемся. Столько лет было в неухоженности, уж до завтра ничего, достоин. А с утрачка мы и управимся. С добрым помощничком часика за три все прикончим. А то ведь в такую жару запалиться — раз плюнуть. Ты, Славик, небось купаться наладишься... Вот бы сейчас окупнуться...

Славку похвала растрогала, и он торопливо сказал:

— Вместе пойдемте, тетя Шура! До Плотниковского пруда — версты три и того не будет, а до Чекмаревского чуть дальше. На Чекмаревском знаете какой трамплин! Метра на два подкидывает.

— Страсть-то какая... А если сломается?

— Доска? Что вы, она березовая. Толщиной в вершок, самое малое. Кочет как прыгает... У-ух.

— Ты-то небось еще лучше?

— Не-а, — честно признался Славка. — Я учусь только.

— Ну вот, ступай, милый, покупайся, еще маленько подучишься, а мне куда...

Но как-то так случилось, что Славка купаться не пошел. Сунулся к Макаровым, поинтересовался, когда Кочеток приедет от тетки, оказалось, не скоро еще, недели через полторы. Верка Коробейникова идти не захотела; вчера она просила, чтобы Славка за яблочками в дяди-Сенин сад слазил, а он сказал: «Хочешь — сама лезь». Вот и он, хочет купаться — купайся до синюхи, а у нее дома дел по горло. В другой раз Славка бы сразу нашелся, что ответить, а нынче и отругиваться было лень, так его разморило солнышко. Плюнул на все, пошел домой, налил в таз воды, намочил полотенце, наобтирался вдоволь. Прилег на кровать с книжкой и задремал. Да что говорить — задремал, так заснул — не слышал, как мать с работы пришла. Только на голос откликнулся:

— Сейчас встану, мам, глаза что-то не открываются.

— Может, вообще ужинать отказываешься?

— Сейчас, мам, сейчас.

— Во что ж ты ночью спать будешь? Не влезет ведь.

— Ты знаешь, как мы с тетей Шурой уработались. Тебя бы и на половину не хватило.

— Меня чего хватать, у меня сын есть. Слава богу, вон какой вымахал.

— Я и работаю.

— Знаю, знаю. Тетя Шура тебя чуть не в Геркулесы произвела. Тринадцатый подвиг — сад прополот.

Ну, мать. Что она, с дядей сговорилась, что ли? Вспомнив о дяде, Славка живенько открыл глаза и покосился на часы. Ничего себе он придавил. Лег — четырех не было, а сейчас восьмой. А он сегодня бедчик. У дяди вечерняя работа.

\* \* \*

Так на Луговой было заведено: вечерами, когда люди приходили с работы, дядя читал им вслух газеты «Правду», «Известия» и обязательно местную. Не потому, что на него кто-то такую нагрузку возло-

жил, а потому, что с подпиской было плохо. На всей верхней половине улицы Луговой газеты получали двое: Сергей Андреевич Строков и Михаил Сергеевич Копылов. А радио вообще ни у кого не было. Потому и сходились вечерами люди, одни — к строковскому дому, другие — к копыловскому. Кто и о чем говорил у Михаила Сергеевича, Славка не знал, да и не интересовался, а вот любому садившемуся вечерами на дядину завалинку или располагавшемуся в палисаднике Гуряя Ионовича Поленова мог написать характеристику. Не служебную, разумеется, а о политической подкованности.

Самым общественно сознательным был, конечно, Гурей Ионович Поленов. Он еще до революции постиг грамоту и, как сам говорил, «любил почитать». Правда, читал совсем не то, что надо, а вернее то, что совсем не надо — Библию и Евангелие. Однако все же читал. Только года два назад он взялся за серьезные вещи: освоил книгу И. В. Сталина «Вопросы ленинизма», по несколько раз одолевал важные доклады, напечатанные в газетах. Для этой цели он брал у Сергея Андреевича пужные номера и складывал в картонную папку «скоросшиватель». В случае нужды он даже наравне со Славкой заменял дядю Сережу в роли чтеца. Честно говоря, получалось у него не очень. Особенно, когда в тексте попадались заковыристые словечки типа «электрификация», «реконструкция», «популяризация» и разные похожие. Доходя до таких толкований, он, прежде чем выговорить их вслух, соединял слоги, морщил лоб, шевелил губами и обреченно хмыкал. В такие моменты дядя Евстигней Коробейников кивал головой в такт шевелящимся губам Гуряя Ионовича и говорил сочувственно: «Да хрен с ним, с этим лектричеством, давай, Ионыч, дальше». Однако Гурей Ионович непременно дочитывал до конца и только после этого начиналось неторопливо-основательное обсуждение событий. Никто не шумел, никто не перебивал говорившего. Слушали друг друга внимательно и, за исключением дяди Евстигнея, каждый с каждым был согласен. Славку, пытавшегося вставить свои соображения, тоже выслушивали терпеливо, а иногда даже одобрительно.

Только дядя Евстигней относился к Славке без должного понимания. Когда Славка, войдя в раж, сопровождал слова жестами, чаще всего резкими взмахами кулака, дядя Евстигней небрежно дергал носом и осаживал вещателя: «Ты, парень, рабочему классу ничего кулаками не докажешь. Таких махателей мы насмотрелись». При этих словах некоторые улыбались, а Славка, которому собственное громогласие очень нравилось, сразу сникал, и мысли у него комкались.

Про себя он звал дядю Евстигнея «поперечным». Не потому, что тот был несправедлив именно к нему, Славке, а потому что по любому поводу высказывал мнение, противоречащее общему. Очень, конечно, хорошо, когда человек старается самостоятельно понять, как и почему что-то происходит. Славка, например, тоже не всегда солидарен хотя бы и с дядей Сережей. Случается и так, что с дядей он не согласен, а с Гуреем Ионовичем согласен на все сто. Бывает, не согласен ни с тем, ни с другим, ни с третьим. Но у него есть на это основания: он что-то по обсуждаемому делу читал, вывел какое-то мнение. И возражает из убеждения, а не из упрямства, не из-за того, чтобы просто не соглашаться. Дядя Евстигней же что ни что, только бы не в лад со всеми. И точка зрения у него тут весьма определенная: «Это в стаде один баран побегал и все за ним наперегонки. То, что ты, Андреич, грамотен, слов нет. А все-таки интеллигент. Нет у тебя нашего классового чутья. И мозги у тебя поэтому чутьек набекрень». — «Хорошо, — соглашался дядя Сережа. — Допустим, моя сознательность твоей не достигла. А Гурей Ионович, а Александр Петрович?.. Рядом с тобой работают. Но ведь и с ними ты не согласен». — «Значит, у них чутье послабже моего будет». При этом дядя Евстигней подмигивал Сергею Андреевичу с таким видом, словно знал что-то секретное, о чем остальные не догадываются.

Славка привык, что если на лавочке у дядиных ворот сидят только дядя Сережа и Евстигней Петрович, то ему туда лучше не соваться. Дядя Евстигней обязательно к чему-нибудь придерется и к месту, не к месту вставит: «Что, защитничек, явился? Я тебе так назащищаю, ешкин корень...» «Защитничком» он стал звать Славку после того, как тот вслух попенял дяде Сереже: «Чего ты только терпишь. Он тебя со всех сторон поливает, а с тебя как с гуся вода». Поэтому нынче, выснувшись из калитки и увидав, что на лавочке только двое, Славка нырнул обратно, но его остановил добродушный голос Евстигнея Петровича:

— Эй, парень, ты чего от меня бегаешь? Иди-ка сюда.

Приглашение было столь неожиданным, что Славке подумалось: ослышался. Тем не менее он приостановился и, показав из калитки голову, на всякий случай спросил:

— Это вы мне?

— Тебе, тебе, — уверил его дядя Сережа. — Шагай сюда, Пупензон.

Нынче Евстигней Петрович не ругался. Он жаловался. Обидело Евстигнея Петровича цеховое начальство. Ему запретили работать сверхурочно. И с этой своей обидой он пришел к дяде Сереже. До Славкиного прихода он по этому поводу уже высказался и от несправедливости насущной перешел было к выяснению причин невезения и везения вообще. Появление нового слушателя вызвало в нем прилив не выплеснутой еще до конца горечи.

— Гурей оставили, Саньку попросили, а меня... На тебе, мать честная. По здоровью мне сверхурочно нельзя. И черт меня дернул с этой справкой соваться.

— С какой справкой?

Уловив в Славкином голосе искренний интерес, незаслуженно обиженный Евстигней Петрович совершенно расчувствовался и все дальнейшее произнес страстно, чуть ли не на одном дыхании:

— Из лазарета справка, что в голову раненный. Я на прошлой неделе с мастером пособачился, он к председателю цехкома — старые дружки. Меня на цехком. Туда, сюда, а я им справку из лазарета. Повертелись они, повертелись, а куда против бумажки пойдешь? Мастеру сказали: ты с ним по-культурному, ага... Он и накультурил. Нынче всем в цехе сверхурочку объявили, а мне — шиш. Говорит: «По той бумажке тебе лаяться только разрешено, а сверхурочные для тебя вредные». Мне что, из-за денег, что ли, сверхурочить надо? Я из-за того, чтобы доказать. Насчет денег — я все могу в МОПР перевести, пожалуйста. Что я, хуже работаю, чем кто? А он, паразит, говорит: «Жалуйся на лазарет с его бумажками и на того, кто тебе голову покалечил. Загнешься на сверхурочке, мне тогда небо в клетку сделают. На кой мне это нужно?» Смотри, какая плешь стервовая. Слушай, Андреич, ты этого мастера на заметку возьми. Я ведь что, я и в газету пойду. Кто в газете по рабочим делам спец?

— Есть, наверное, отдел какой-нибудь или бюро, не знаю, как там это называется.

— Чтобы ты не знал? Ты мне арапа-то не заправляй. Я тебя попростому, по-рабочему прошу. Иначе я не умею, понял? Вот она, интеллигенция. Вся порода инохода, один дедушка рысак.

— Зря не веришь, — спокойно сказал дядя Сережа. — Ты сам малую малость прикинь: мастера твоего я в глаза не видел, о ваших отношениях только от тебя и узнал. Это — раз. А второе — вероятно, он прав. Ранение в голову не шутка. Может, тебе лечиться надо, а ты нервничаешь. Сам себе вредишь и работе тоже. Завтра, смотришь, не только сверхурочно, но и урочно работать не сможешь. А ведь сам же говорил, что человек ты государственный. Вот и помысли по-государственному.

Евстигней Петрович немножко подумал, сердито нахмутив брови, и вдруг прямо-таки на глазах преобразился. Из голоса ушла подозрительная насмешливость, и зазвучал он вроде бы даже чуточку печально.

— Может, ты это и правильно советуешь, но обидно все-таки. Я ведь не на курорт прошусь, работать. Для всех, выходит, революция не кончилась, а меня на помойку можно? Все, значит, насчет коммунизма понимают, один Евстигней Коробейников в стороне? Кабы я из-за рубля, а то бесплатно, как на субботнике. Ты меня, Андреич, тоже понять должен. Теперь меня и к субботникам не допускать? Так, что ли?

— Субботник — другое дело. Его тебе никто запретить не может, потому что субботник — это свидетельство твоей гражданской сознательности, если хочешь — патриотизма твоего.

— Во-во: великий почин. — Евстигней Петрович поднял палец на уровень глаз.

— Допустим, теперь уже не почин, а сознательный энтузиазм. Субботники тебе запретить не могут. Кстати, Пупензон, вы в этот выходной никаких походов не планируйте. Будем на Поляне субботничать. Как, Петрович, думаешь, пора? И земля подсохла, и мурава закурчавилась.

— А что, можно. Если на заводе не назначат, можно у нас, — дядя Евстигней ни с того ни с сего потрепал Славку по коленке. — Орелик, ничего не скажешь. А наш Володька что за мужик, на нем только дым возить...

Это верно, Володька Коробейников был хлипковат. Даже не то, что хлипковат, а какой-то болезненный, весь как будто восковой и уж очень большеголовый. Двигался он медленно, с видимой неохотой. Оживлялся только тогда, когда, залучив каким-либо путем несколько монет, играл в расшибалочку. Здесь его было не узнать. Он шумел, жилился и вообще проявлял бурную активность. Проигравшись, он затухал, и все его устремления были к получению новой порции монеток. На Поляне в расшибалочку играли очень редко, и поэтому Володька в основном обретался в «проходняке» — на проходном дворе, что находился за богадельнинским садом. Тем не менее он был в какой-то мере приятелем, и Славка уже собирался поднять голос в его защиту, но не успел. Окошко заскрипело, и из-за створки высунулась бабушка.

— Сережа, ты кормиться будешь? — увидела Славку: — А ты, внучек?

Сергей Андреевич сказал, что поест немного погоды, Славка же согласился не раздумывая. Его не столько соблазняла еда, сколько сопутствующая ей традиционная сценка, в итоге которой он становился обладателем, как правило, тридцати, а иногда и пятидесяти копеек.

Усадив внука за стол и водрузив перед ним тарелку с макаронами, бабушка, как всегда, начала издалека:

— Ты сегодня купаться-то бегал?

— Конечно. Утром на Плотниковский, а днем — на Чекмари.

— Чего это тебя к водяному потянуло? Не боишься — потонешь?

— Я потону? — Славка от смеха подавился макарониной. Откашлялся, вытер слезы и разъяснил Елизавете Ивановне: — Я Плотниковский хоть десять раз туда-обратно переплыву. А ныряю... метров на двадцать пять ныряю наверняка. Мне знаешь как плавать надо. Лучше, чем рыба.

— Вот и практикуйся. И плавать надо, и бегать, и гирьки поднимать. Здоровеньким будешь.

— Мне не для здоровья, мне для дела надо.

— Здоровье, внучек, самое первое дело, — ласково сказала бабушка. — Даст бог здоровьица, больше ничего и не нужно.

— Я водолазом буду, бабушка. Только ты никому не говори.

Свой секрет, который, по расчетам, должен был ошеломить Елиза-



вету Ивановну, Славка выложил безбоязненно. Он уже не раз убеждался, что бабушке можно доверить любую тайну. Это мать может сокрушаться по всякому поводу, бабушка ей не чета. Если хочешь что-то сделать, с чем мать может не согласиться, иди к бабушке — не ошибешься. А когда разрешение есть, не все ли равно, кто его дал? Однако сообщение о предстоящем увеличении подводных кадров на одну человеко-единицу не ввергло бабушку в состояние, из которого Славка рассчитывал извлечь лишней двугривенный. Во-первых, за саму тайну, во-вторых — за обещание отказаться от опасной профессии. Больше того: Елизавета Ивановна перекрестила внука широким крестом и пожелала:

— Дай-то бог, может, в настоящие люди выйдешь.

Полагая, что она не поняла всей необычности Славкиного выбора, внук сделал последнюю попытку получить от своего решения осязаемую материальную выгоду.

— Ты знаешь, водолаз по опасности почти как летчик. Ходишь по дну, а там осьминоги, акулы, крабы всякие.

— Э, внучек, береженого бог бережет. Поосторожней только. Ты рыбок не пугай, они и не тронут.

— Осьминог — это не рыба, — уныло сказал Славка. — Это головоногий моллюск.

— Я знаю, знаю, — радостно закивала бабушка. — Я в кинематографе видела. Симпатичное животное. Глаза большие, а кругом одни ноги.

— Щупальца, — машинально поправил Славка. — У осьминога не ноги, а щупальца. С присосками. Как присосется, не оторвешь, рубить только надо.

— Правильно, щупальцы. Помню, помню...

\* \* \*

Когда Славка утверждал: «Я никому не завидовал и не завидую», это он рисовался. Он только не показывал зависти, на самом же деле завидовал — да еще как. Например, Кочету, когда тот прыгал в воду с трамплина. Пончику, у которого была своя библиотека. Кольке Зубу, который любого мог провести на стадион. И всем, всем без исключения, кто имел братьев. Как же он им завидовал. Если умение Кочета, богатство Пончика, возможности Кольки Зуба вызывали в нем зависть соревновательную: всем, чем располагали они, мог располагать и он, нужны только настойчивость и время, — то зависть к людям, имевшим братьев, была трудной и безнадежной до холодной ломоты в зубах.

Кочет, Верка, Володька — друзья. Они за Славку, Славка за них — в огонь и в воду. Но все равно до братства с ними далеко. Хотя и говорят: друг, брат, братская дружба и всякие другие слова, которые как бы стирают разницу между дружбой и братством, Славка к этим словам относится недоверчиво. Он-то уж знает, что дружба — это дружба, а братство — статья совсем особая. С другом поругаешься и помиришься, можно даже пятидневку не разговаривать, а вот будь у Славки братишка, он бы, наверное, без него и дня не обошелся.

Так думал Славка, и потом его очень поражали отношения Митьки и Женьки Лобановых. До чего ж они разные люди и до чего недружно живут. А может, потому они ссорятся, что уж очень разные? Митька — что-то близко к шпаненку. Он и одевается по воровской моде. Если у него на ногах сапоги, то непременно собраны в гармошку, поясок — с мельхиоровым набором, рубашка — косоворотка, брюки напущены чуть не на половину сапог. Хоть вблизи на него смотри, хоть издали, сразу поймешь, что из уличных. И разговор у него под стать одежде: все вещи называются не поймешь как и почему. Часы — бочата, сапоги — колеса, пиджак — клифт. Славка не понимает, для чего Митька

так все коверкает, но, наверное, что-то в этом есть. Не зря, видно, Женька иногда осаживает брата: «Думаешь, раз в авторитете, и выламываться можно? Я тебе с твоим авторитетом бульником (камень имеется в виду) между глаз зафиндилю, сразу копыта отброшишь». Тоже, конечно, не гладко сказано, зато все понятно, все по-человечески.

Года два, может, три назад Митька с Женькой хоть и цапались из-за голубей раз десять на дню, все-таки иногда и общались. То, глядишь, в серсо перебрасываются, то в кегли, то крокетные шары от кола до кола прогоняют. А нынче совсем разошлись. Голубей своих Митька распродал, голубятню его Георгий Владимирович приспособил под какие-то хозяйственные нужды, прежние Митькины дружки как-то незаметно приспособились к Женьке. Около Митьки отирался только Федька Корзубый. Славка, наблюдая, как Сизяк и Корзубый тешатся над недавними дружками, презрительно шурился и крепил сердце. То, что Митька близко сошелся именно с Федькой, было, пожалуй, закономер-но. Они почти ровесники, школьную науку осваивают одинаково успешно — год за два, уважает Корзубый Сизяка беспрекословно. Сизяк тает под его лестью, а Корзубый под сенью Сизяка творит над сирым его окружением кустарные бесчинства. Симбиоз в общем-то достаточно частый...

Ходили Митька и Федька всегда вместе. Нельзя сказать, что были они сильно ловки или лихо отчаянны. Просто они были вызывающе наглы и дружны. Даже если им приходилось бить заведомо слабого, они делали это вдвоем. Славка, который, как мы знаем, однажды попытался провести среди Митькиных корешков воспитательную работу и за это поплатился боками, к двоим относился хотя и без почтения, но с определенной робостью. Когда случалось встречаться, он сжимался в ожидании чего-то нехорошего, очень недостойного и очень уни-зительного. Однако то ли из-за его незначительности, то ли по какой дру-гой причине, шавры на него внимания не обращали. Иногда, правда, из самого что ни на есть пренебрежительного снисхождения, отвесят лег-кого леща и наблюдают, появится ли на Славкиной физиономии плак-сивое выражение. Славка сопел, но держался — не дай бог выжмет-ся слеза, тогда уж ему жизни не видать. Это он знал по опыту Мишки Демьянова, который однажды разрыдался. Теперь при появлении Си-зяка и Корзубого Мишку со двора как ветром сдувало. Если же он, увлекшись игрой, не замечал приближения грозы, то получал пару-тройку «лещей» и только после этого отпускался на все четыре стороны. Славка не мог понять, почему при этом смеются Колька, Васька, Генька, смеются все, кто только что играл с Мишкой. Ведь они же его друзья! Как только Митька с Федькой уйдут, они снова, как ни в чем не бы-вало, станут Мишкиной компанией. Согласно закивают головами, когда тот начнет уверять, что ему ни чуточки не больно, и хвастаться, какой он молодец — другой бы орал, а он даже не ойкнул. И все ему поддаки-вают, хотя отлично знают, почему Мишка молчал.

Сегодня случилось то, чего Славка давно ожидал. Из-за погоды все произошло. Была она сегодня какая-то уж очень неустойчивая. То на-летит шквальный ветер и несколько минут стелет по земле траву, скри-пит деревьями, свистит в ветвях, то тут же успокоится и возвращается томительная, пьянящая жара, наливает неподвижной тяжестью и тело и округу.

Живет природа подступающей грозой, ждет хлесткого, освежаю-щего ливня, расслабляется перед торжеством стихии, предчувствуя очи-щение. И некуда человеку в это время деться: ни гулять, ни играть, ни купаться. Поэтому Славка устроился в затишке, за приподнятой крыш-кой погреба. Снизу из черноты тянет прохладой подземелья, застаив-шимися запахами квашеной капусты, соленых огурцов, тянет погреб-ной затхлостью, вперемешку с парным духом свежего молока. Припод-

нилась нынче Федосья Николаевна с дойкой, недавно только опустила в погреб выстуживаться пенный подойник.

Когда бушует ветер, кажется Славке, что не в ветвях он свистит, а по щелям, которые пробила в боках корвета «Клеймор» сорвавшаяся каронада. У Славки есть занятие: он читает роман «Девяносто третий». А вот у Сизяка и Корзубого занятий нет. Им скучно, а развлечение рядом. Грешно им не воспользоваться.

Друзья подошли к Славке, сели по бокам. Славка попытался встать, но Митька потянул его обратно. Какое-то время все трое посидели молча. Один — напрягаясь в предчувствии подвоха, а двое, неизвестно что замыслившие, упиваясь его беспомощностью. Для Славки самым унижительным была именно беспомощность, состояние неотвратимой обреченности, которой никак не избежать и при которой не знаешь, от чего защищаться. Ему надо встать. Только встать и быстренько прислониться спиной к забору. Федьку он положит с одного крюка, а там уж они с Митькой будут баш на баш. Но встать ему не давали. Чуть он приподнимался, его тут же дергали обратно. Наконец Митька, чуть ударив Славку снизу в подбородок, насмешливо поинтересовался:

— В штаны наклал?

— Нет, — твердо сказал Славка.

— Должен накласть, — Митька уже сильней ткнул Славкин подбородок. — Все кладут, и ты накладешь. Слышишь, Федька, не хочет книжничать. Может, ты нас вовсе и не боишься?

В тоне не издевательство, а самое заурядное, деловое любопытство. На какое-то мгновение обманутый им, Славка искренне ответил:

— А зачем мне бояться, ну зачем? Ведь вы — люди, просто нормальные люди, и если...

Но договорить ему Митька не дал. Он поднес к глазам Славки кулак — видимо, ему не терпелось действовать — и сильно вдавив костяшки в Славкин нос, чиркнул сверху вниз.

— Мы не люди, мы — цари. И Федька царь и я — царь. Понятно?

— Понятно.

— А цари чего хотят, того и делают. Правильно? Их сам бог помазал. Слыхал?

— Слыхал.

— А всякие такие, как ты, для царей вот чего значат — тьфу и нету. — Митька для убедительности плюнул в погреб. — А ты барин вшивый.

— Я вообще никакой не барин.

— На первой парте сидишь, значит барин.

— И не на первой парте я сижу.

— Все равно вшивый барин. Книжки все время читаешь. А с того, кто читает, царям алименты положены. Давай гони полтинник алиментов.

— У меня нет денег, мне мама только на завтраки дает, а сейчас каникулы.

— Тогда мы тебя в долговую яму отправим.

И Славка оказался в погребе.

\* \* \*

Страх — враг беспощадный, он живет в каждом, и только от каждого зависит, бороться или уступать. То есть действовать так, как действуют люди при появлении врага. До чего ж это просто. Но как много надо пережить, передумать, чаще — перестрадать, чтобы открыть для себя то, что каждому открывается по-своему, ибо преодоление страха настолько индивидуально, что способов здесь предложить нельзя. У одних на это уходят огромные усилия, у иных перелом возникает неожиданно.

данно и в самых непредвиденных обстоятельствах. Трусами не рождаются, трусами становятся так же, как становятся смельчаками.

О смелости Славка не задумывался, потому что не предполагал, что преодоление страха — уже само по себе смелость. Ему пока было удивительно состояние, в котором он оказался. Вокруг темнота, он лежит на полу, опутанный тесьмой. Совсем недавно его окружали угнетающие шумы, каждый из которых был необъясним, а все вместе они создавали зловещую, нарастающую какофонию.

Когда немного успокоился, Славка попытался определить источник звучания. И тут произошло чудо. Славка прислонился к чему-то влажному и холодному. Но не отпрянул, а прижался к нему лицом так, что холодное вдавилось в щеку. Стало немного больно. Когда ощутилась боль, исчезли звуки. Исчезли моментально, как будто их никогда не было. Славка понял, что внешних звуков вообще не существовало, его все время окружала подземельная тишина. Какофония жила в нем самом, шла изнутри, и только в его воле было или вызвать ее, или прекратить.

Славка, потершись щекой о холодную угловатость, понял, что это — лестничная перекладина. Сразу стало совсем легко. В Славке вдруг возникла отчаянная лихость. Он пробыл в погребе долго, и ничего с ним не случилось, потому, что все творящееся предельно просто и объяснимо. Он в обыкновенной подземной комнате, куда часто спускаются и его мать, и бабушка Ирина, и вообще все, кому нужны картошка, свекла, соленья. Они не боятся. Так чего же бояться ему?

Видения прекратились. Их сменила сосредоточенная решимость. Перестав бояться, он почувствовал себя сильным, и в нем возникла потребность действовать. Он сжался, стараясь уже не зубами, а крутым напряжением мышц порвать опутывавшую его тесьму. Тесьма ослабла, но не порвалась. Он снова и снова напрягался и продолжал напрягаться даже тогда, когда понял: таким путем ему не освободиться. Напряжение само по себе приносило удовлетворение, ибо позволяло чувствовать гибкую мощь, которой он в себе доселе не обнаруживал.

Славка, когда начал упражняться с гантелями, в нетерпеливом ожидании силы несколько раз на день щупал свои мускулы и удивлялся, что никаких изменений не происходит. Бицепсы не нарастали, и однажды, разочарованный, он затолкал «железяки» под кровать. Однако гимнастика уже вошла в привычку, и наутро гантели вновь легли на привычное место. Тренировка делала свое дело. Сила приходила, но Славка ее не замечал.

Сколько бы это продолжалось — неизвестно, но произошло сегодняшнее. Говорят, что минутных превращений с человеком не бывает. Неверно это! Бывают не минуты — мгновения, которые зачеркивают предыдущую жизнь, а выпадают такие, которые возвеличивают и бывшее и будущее. Они не возникают случайно, такие мгновения, они только высвечивают предыдущие, ставят свою завершающую точку над всеми мгновениями минувшими.

Славке подобные соображения в голову не пришли. Он просто почувствовал себя сильным и решительным. И интересовало его не что-то там далекое, а самое непосредственное: ему надо было избавиться от пут. Перестав тужиться, он прислонился спиной к порожку и стал тереть о него веревку. Освободившись, Славка взобрался по лестнице и нажал на крышку. Крышка с легким скрипом поднялась. На улице недавно прошел ливень. Лужи, собравшиеся в дворовых неровностях, отражая солнце, били по глазам зеркальным блеском. Славка зажмурился и некоторое время стоял на верхней ступеньке лестницы, придерживаясь руками за дубовую обводку погребного колодца. Когда открыл глаза и собрался совсем вылезти, подумал: книга. Смутно припомнилось, что прежде, чем опустить крышку, Федька швырнул что-то Славке вслед. Кажется, именно книгу. Славка спустился, постоял в ярко очер-

ченном солнечном косоугольнике, вглядываясь в погребные сумерки. Раскинув веером страницы, книга лежала задней обложкой на сухом, а передняя корочка наполовину притопилась то ли в капустной, то ли в огуречной жиже.

Славка поднял «Девяносто третий» и, обомлев, бессмысленно смотрел на испорченные, размокшие листы. Книга была библиотечной, Вовка Воеводин дал ее Славке под честное слово до завтра. Держа книжку на отлете, Славка осторожно поднялся и уже окончательно, при дневном свете, убедился, что помочь ничем нельзя. И тогда в нем родилось пронзительное бешенство, желание совершить непоправимо-отчаянное, такое, что его перед ним самим хотя бы в какой-то мере оправдало, чтобы он сам себе доказал, что способен не сжиматься, не растворяться перед злом. Сейчас Славка казался себе всеильным. Он должен сделать так, чтобы Федька и Митька оказались в погребе! Чтобы они обязательно оказались в погребе...

Сосредоточившись на этом желании, все дальнейшее Славка творил ми и последовательными. Когда Митька и Федька окажутся в погребе, уже как бы по инерции, и действия его поэтому выглядели обдуманно — он должен оттуда выскочить, захлопнуть крышку и успеть просунуть палку в запорные кольца. Славка походил по двору, увидел прислоненный к садовой ограде обломок лопатного черенка, примерил его к кольцам. Выходило тютелька в тютельку.

Теперь оставалось ждать. Рано или поздно враги вспомнят о нем и придут. Основное — не прозевать их приближение. Уж очень ему хотелось, чтобы все вышло так, как он представлял: когда они спустятся в погреб и начнут его искать, он выскочит на поверхность. Они наверняка оставят люк поднятым, а захлопнуть его и приглушить палкой — дело одной секунды.

Для верности Славка пошевелил крышку. Заурчав ржавыми петлями, она, как и перед тем, двинулась податливо.

Желание отмщения было настолько велико, а вера в справедливость задуманного настолько крепка, что Славка предпринял то, о чем каких-то два-три часа назад не смел бы подумать. Он спустился в погреб и прикрыл за собой люк. Сделал так он не только потому, что это была единственная возможность завлечь врагов в западню. В нем после пережитого возникла потребность острых ощущений, желание проверить себя и убедиться, что он избавился от боязни темноты. Ступив с лестницы на пол, он для полноты восприятия прикрыл ладонью глаза и, держась за перила, стал ждать. Он ни о чем не думал, ничего и никого себе не представлял. Просто ждал, что тишина вдруг зазвенит, начнет биться, гудеть и, как прежде, навалится хаос звуков. Тишина и правда зазвенела, но не истошно и многоголосо, а ровно и тонко. Славка, придерживавший до того дыхание, глубоко вздохнул. Насколько же оно необычно, новое состояние. Темнота, которая дотоле была враждебной, стала покойной и надежной. Настолько надежной, что Славка, заново переживая превращение, сам себе подмигнул и рассмеялся. В какое-то мгновение он раздвоился, и один из двойников, тот, прежний Славка, с одобрительным восхищением наблюдал Славку нынешнего. И — чего греха таить — возгордился своим преемником. Осуждать Славку не стоит. Кто хоть однажды одержал победу над самим собой, поймет его.

Погордившись, Славка стал думать. Вначале о том, о сем, но понемногу разбросанные мысли улеглись в одно русло и привели к вопросу: ПОЧЕМУ ТАК? Почему Митька и Федька издеваются над всеми и считают, что так должно быть? Почему Мишкины приятели не только позволяют, чтобы дружки Мишку походя лупили, но еще смеются при этом, а когда гонители уходят, сочувствуют Мишке? Потому что они маленькие? Тринадцать лет не так уж мало. А если принять во внимание, кто приятелей только двое, а ребят — добрый десяток, и если они

станут думать и действовать как один... Те же самые муравьи, какие ветки они натаскивают на муравейник, когда тянут все вместе!..

От муравьев Славка перешел к людям. Ему вспомнился рисунок в учебнике истории, на котором изображалось строительство египетской пирамиды. Огромная каменная плита на катках. Ее облепили человеческие фигурки. Не метр, не два они ее толкают. Сотни верст передвигали глыбы, действуя сообща. Вот бы во всем было в людях согласие, тогда бы не разгулялись мерзавцы, и вообще все было очень хорошо...

Дальнейшие утопические мысли Славки прервал разговор Митьки и Федьки. Возник он в отдалении, но постепенно приближался, и Славке почему-то стало жарко. Хотя он мысленно не раз представлял, как это произойдет, но одно дело представлять то, что случится неизвестно когда, другое — приготовиться действовать вот сейчас, через какие-то секунды... а что, если все обернется не так, как он воображает?

И в самом деле все произошло иначе.

Приятель подошел к погребу, на ходу переговариваясь.

Федька: Нашли его, поди, он так орал, что за версту слышно.

Митька: Кому слушать-то, все на работе. Надо поглядеть, а то его маханка с перепугу за ментом побежит.

Федька: Я, когда уходил, кирпичиной привалил, а она отвалена.

Митька: Один хрен, глянуть надо. Да вроде и не клал ты кирпичину.

Федька: Клал. Вон, гляди, место, с которого ее ковырнул. Дома он. Матери уж небось пожалился.

Митька: Если нажалился, завтра двойной выкуп возьмем.

Крышка заскрипела, откинулась. Митька нагнулся, голова его силуэтно очертилась в светлом квадрате, негромко окликнул:

— Эй, где ты, барин?

В голосе его было что-то такое, что заставило Славку мстительно подумать: «Бойтесь все-таки...» Он вдруг представил, что сейчас, вот именно сейчас, сию минуту Митька и Федька полезут его искать, окажутся в ловушке, и ему стало смешно. Он подал голос:

— Ми-тя... Ми-тя...

Голос был так слаб и прерывист, что Митька, видимо, не на шутку струхнул и с придыхом сказал Федьке:

— Я тебе что говорил... Давеча еще, на крыше... Как бы его со страху кондрашка не хватил... Ты живой, эй, барин?

Славка совсем сбавил голос и позвал Митьку чуть не шепотом. Он не сомневался, что приятели спустятся в погреб вместе. Но спустился один Митька, и это совершенно меняло дело. Пока Сизяк, ослепленный полумраком, привыкал к потемкам, Славка, различавший его совершенно свободно, более руководствуясь инстинктом, нежели соображением, действовал мгновенно и решительно. Подскочив к Митьке, он схватил его одной рукой за рубаху, другой за волосы, потянул в угол. Не ожидавший нападения, а тем более боли, Митька взвыл диким голосом. Усиленный теснотой подземелья, вой показался Славке нечеловеческим, но вызвал не страх, а злорадство. Он отпустил Митьку и, когда тот по инерции прошагнул мимо, вlepил ему такого пинка, что Митька свалился как подкошенный и затих. Лишь руки его шевелились, то ли ощупывая тело, то ли нашаривая что-то возле.

А Славка шагнул к лестнице. Он представил: сейчас в погреб скатится Федька. И он отправит его следом за Митькой. Славка ждал, что зазвенят железные ступеньки, но вместо этого услышал глухой удаляющийся топот. Топот вскоре заглох, и Славка понял, что Федька в погребе не появится. Он хотел уж было вылезать, но в этот момент освобившийся в темноте и понявший, в чем дело, Сизяк бросился на него.

— Ах ты, курва запечная...

Славка увернулся от удара головой в подбородок и не сразу сообра-

зил, что делать. Лишь когда Митька зацепил его по уху, пришла энергичная ярость. Славка отпрыгнул в темноту — стоя у лестницы, он был на виду, и предупреждающе сказал:

— Не лезь, Митька, плохо будет.

— Мне плохо? Да я у тебя сейчас ноги повыдергаю...

И тогда Славка ударил. Он упруго шагнул вперед и, вкладывая в руку и корпус всю силу и всю ненависть, которую выстрадал в эти последние часы, ударил с полуразворота правой прямой. Удар пришелся куда-то между ухом и подбородком. Митька свалился и, катаясь по полу, запричитал:

— Гад... Ухо покалечил... Сломал ухо...

Взбегая по лестнице, Славка ожидал, что Митька в него вцепится и стащит обратно. Но тот не вцепился. То ли его поразила несообразность происшедшего, то ли он привык к безнаказанности и отпор застал его врасплох, только действий он никаких не предпринял. Лишь со всхлипом сказал вслед:

— Ладно, курва. Ты так. Запомни...

Но запомнить Славке ничего не хотелось. Он шел и, все еще переживая схватку, поражался своему состоянию. Его не мучило раскаяние, ему не было стыдно от того, что он ударил человека не на ринге, а вот так просто, в жизни. Наоборот даже, росло торжество, и, как ни старался, на лицо лезла и лезла самодовольная улыбка.

Продолжилась история на следующий день.

С утра шабры ходили под окнами Залесовых, пошвыривали мелкие камешки в стекла, привлекая внимание Славки, и громко говорили о всех тех ужасах, которые ждут «барина», как только он появится на улице. Славка иногда поглядывал на приятелей из глубины комнаты — с улицы его не было видно — и, как вчера, не мог сдержать глупо-самодовольную улыбку. Правое ухо Митьки было значительно больше левого и цветом напоминало недоспелый помидор. Славка, конечно, понимал, что рано или поздно встреча произойдет и, скорее всего, ему достанется, ибо, что ни говори, двое шестнадцатилетних есть двое шестнадцатилетних. Но теперь — он это твердо знал — они его не свяжут и не спустят в погреб. И не только это. Его не будут бить, с ним придется драться. Один раз вкусив прелесть победы, он уже не мог себя представить в Мишкиной роли. О том положении, в котором был еще вчера, Славка уже не думал.

Что и как было бы дальше, неизвестно. Но вдруг в самое неподходящее время появился Мишка с друзьями. По тому, что Митька и Федька не удовлетворились смазью и лещами, а начали загигать бедолаге салазки, Славка понял, что виной тому — он. Решив, что Славка во дворе не покажется, Митька и Федька вымещали досаду на Мишке Демьянове. А рядом стояли Генька, Васька, Колька, Фома... Они сжались тесной кучкой и жалко улыбались. Почему же так? ПОЧЕМУ???

Славка подбежал к сараю, уверенный, что сейчас все пойдет иначе. Просто ребята не чувствуют, что они — сила. Им надо это доказать, чтобы они поняли так, как понял он. И тогда все переменится. Как и вчера, Славка вцепился в Митьку — в рубашку и волосы одновременно, и так же, как вчера, швырнул его на землю. При этом он кричал:

— Мишка, не бойся, не бойся, Мишка, сейчас мы их разнесем! Васька, Фома, вы что стоите? Ведь товарищ ваш...

Договорить он не успел. Митька подкатился ему под ноги, Федька толкнул в грудь, и Славка упал, больно ударившись затылком о землю. Но тут же вскочил и бросился на Федьку. Однако дружки уже стояли рядом.

— Мишка, Вася, Коля...

Но Мишка не слышал. Почувствовав, что его никто не держит, он, не оглядываясь, бежал со двора.

А Фома, продолжая тесниться в общей куче, рассудительно сказал:

Электронная библиотека АКУНБ, [elib.altlib.ru](http://elib.altlib.ru)

— Ага... А потом они нас по одному ловить станут.

И Славка перестал к кому-то обращаться. Он бил. И его били. Из носа у него капала кровь, губа была разнизана, но он ничего не чувствовал, ни на что не обращал внимания. Он радовался, когда его кулаки месили что-то мягкое, а если кто из противников от его удара падал, он торжествующе вскрикивал. Чувство самозащиты толкнуло его к стене сарая — так он оберегал себя со спины. Он мог бежать, но бежать не хотел. И все бил. Бил до тех пор, пока не остановил его спокойный властный голос:

— Хватит, мужики. Поразмялись и — будя.

Еще не поняв, что к чему, Славка машинально прижал кулаки к груди, готовый, пока есть силы, крушить напрапалую, но голос повторил:

— Кому сказано, будя!

Славка обернулся. Георгий Владимирович Лобанов укоризненно качал головой и вроде бы был недоволен, но глаза его слегка улыбались, а когда он подошел к Славке и погладил его по голове, то улыбались не только глаза. Даже голос его и то, казалось, улыбался.

— Вот уже не думал... А говорят про моего — разбойник. Индюк он, а не разбойник. Вот ты — орел. Право слово, орел. Надо же — один против двоих. Натворил делов...

\* \* \*

В жактовском саду, прислонясь стволом к забору, рос ясень. Много лет назад в дерево ударила молния и расщепила его надвое. С тех пор ясень почти перестал тянуться ввысь, а начал раздаваться кроной. Ветви его, тесно переплетаясь, образовали пружинистый настил, который верой и правдой служил Славке во всех его странствиях по земле, по воде и по воздуху. В зависимости от книги, которую Славка читал, ясеневое переплетение становилось то вагоном поезда, то корабельными помещениями, то корзиной воздушного шара... С тех пор, как решил связать судьбу с водной стихией, Славка целиком и полностью переоборудовал лежанку на корабельный лад. Древесный разлом соединил досками, и получилась палуба, вокруг соорудил фальшборт и обвел его планширом. Над палубой качался гамак, в котором Славка при хорошей погоде ночевал.

Станюкович был последним Славкиным увлечением. У Пончика он раздобыл собрание сочинений и читал подряд. Сейчас дошел до «Похождений одного матроса». Поэтому, само собой, ясень был бригам «Динора», а Славка переживал и за матроса Чайкина и за капитана Блэка, на которого покушался негодяй Чезаре. Благородный капитан только что выпутался из очередной сложной передеряги, и не знал, как отблагодарить простодушного русского матроса... «Благодарю вас, капитан, вы очень добры ко мне». — «Не благодарите, Чайк! — остановил его капитан. — Мне вас надо благодарить».

Дочитав до этого места, Славка отложил книжку и закрыл глаза. «Как все-таки много кругом хороших людей, — размышлял он. — Бывает, и не подумаешь о человеке, что он такой добрый. А когда сделаешь ему хорошо, он тебе отплатит, только тогда поймешь». Чем больше Славка думал на эту тему, тем сильнее терзался ссорой с Кочетом. «Ладно, — говорил он себе. — Пусть Кочет поступил не по-товарищески. Но ведь я и сам не спустил... Хотя все-таки Кочет порядочный прохвост. Так при всех опозорить. Интересно, что сейчас он делает? Переживает, наверное?» Славка еще сильнее зажмурился и мысленно постарался воспроизвести душевные мучения, которые испытывает его бывший знакомый. Небось сидит на бабушкином чердаке один-одинешенек и ругает себя почему зря: зачем, мол, оскорбил лучшего друга. Хорошо еще, если на чердаке сидит, а если в подслеповатой комнатке за печкой, где остается ночевать зимой? В той комнатке по-



вернуться негде, потемки, крысы, наверное, бегают. Может, даже на кровать лезут, как на картине «Княжна Тараканова». Бррр...

Предположив, что происходит в жалком Кочетовом обиталище, Славка передернул плечами и поежился. Но тут же часто задышал и мстительно подумал: «Так ему и надо... Как попрошайка на погосте... Вот и пускай покряхтит». Славка тут же стал сравнивать удобства своего жилья с Кочетовой неустроенностью и порадовался за себя. Насколько же просторней его квартира. Хотя одна комнатка маленькая и вся занята роялем, зато другая — сплошные хоромы. В ней и стол стоит, и кровать, и комод, и сундук, и стулья. За столом свободно помещаются четверо. При этом между кроватью и стульями еще остается проход. А если потесниться, то выгадается место и пятому. Хотя не на стуле, а на подоконнике, но все равно — с удобствами. Подоконник низкий, даже Володька Коробейников, самый малорослый, свободно достает ногами до пола.

Вообще-то, конечно, Славке на Кочета чихать с высокой колокольни, но все-таки чуточку жалко. Нарисовал Славка такую картину: стоит Кочеток на Поляне, над ним взад-вперед ничужки летают наперегонки, рядышком жучки-паучки хороводятся, и никто не хочет знать, в каком человек горе-одиночестве. Только Славка единственный понимает, до чего бывшему его дружку жизнь не в жизнь. Небо и то небось с овчинку кажется. От сочувствия к страдальцу-одиночке аж в носу у Славки защекотало. Щекотка эта означала, что неизбежная Славкина принципиальность где-то в самой глубокой из глубин дала трещину.

Может, так вот стал Славка абсолютно беспринципным и на всю оставшуюся жизнь потерял к себе всякое уважение, да, видать, не было ему так на роду написано. В тот самый момент, когда ноги спустили Славку с «Дипоры» и вынесли на тропинку, ведущую к бабушкиной усадьбе, на пути его возник Митька Сизяк. Со дня драки они не разговаривали. Иногда только Митька издали показывал Славке кулак и презрительно цыкал через зубы слюнной стружкой. Славка на вызовы не отвечал. Его вполне устраивало, что в открытую Митька не задирается, а грозить пусть грозит, сколько угодно. Теперь он Митьки и Федьки нисколько не боится. Не испугался и сейчас. Сжался немного, приготовился на всякий случай, но с тропинки не соступил, и сошлись они почти грудь в грудь. Сизяк было дернулся, показывая, что хочет кольнуть Славку двумя разведенными пальцами в глаза. Славка тут же отскочил и принял стойку.

— Не дрейфь, не трону, — покровительственно сказал Митька. Подчеркивая миролюбие, засунул руки в карманы штанов и подмигнул.

Это у него получилось очень забавно. Один глаз закрылся, другой закатился под лоб и стал как бельмастый. Славка улыбнулся. Митька тоже благожелательно растянул рот. И опять у него вышло почему-то очень смешно. Полагая, что разговор закончился, Славка хотел обойти Митьку и двигаться дальше, но Сизяк, которому было скучно, остановил его:

— Ты куда?

— На Поляну.

— Чего ты там оставил... Сыграем?

— Во что?

— В догонюк. Можно о пристеночек или в расшнши.

Митька пошевелил рукой в кармане. Глухо звякнула мелочь.

— Я на деньги не играю. Да и нет у меня денег.

— Деньги я дам, — Митька вытянул пригоршню серебра и медяков. — Будут — отдашь. А может, и отдавать не придется: выиграешь, твои станут.

— Не хочу, — твердо сказал Славка. — И выиграть не хочу и проиграть не хочу. И играть мне некогда, меня ждут.

— Барин, — сказал Митька насмешливо. — Барин голопузый, —

и, следуя непонятным своим мыслям, с оживленным интересом посмотрел на Славку. — Ты чего всегда торопишься? Шагом я тебя почти не видел. Все бегаешь и бегаешь.

— Полезно, — сказал Славка.

— Полезло, полезло, не вылезло. — Сизяк стал сразу серьезным, грозным даже и, приглушая голос, без всякого перехода спросил: — На дело со мной пойдешь?

Блатная песня «Мурка» была повальным ребячьим увлечением. Бессознательно вкушая запретного плода, они самозабвенно гопланили: «Раз пошли на дело, выпить захотелось. Мы зашли в фартовый ресторан...» Поэтому, зная Сизяка, Славка сразу понял, про какое дело идет речь. Но одно — песня и совсем другое, когда вопрос касается непосредственно тебя. Митька угадал ход Славкиных мыслей и пояснил:

— Ты не думай, хавыру мы брать не будем. Мне напарник нужен, чтобы бегать умел.

Спустя много времени Славка не раз мысленно возвращался к этому разговору, пытался проанализировать свое тогдашнее состояние, выявить, не найти, а именно выявить мотивы, которые не позволили ему твердо сказать: «Нет!» Мальчишеская удаль? Боязнь показаться трусом? Бездумие отчаянной решимости? А может статья, самое обыкновенное любопытство? Как бы там ни было, он не возмутился, не усмехнулся с негодованием. Наоборот, его слегка взбудоражило неожиданное приглашение, и он, тоже приглушенным голосом, спросил:

— А куда бегать нужно?

— Дело покажет. Заметано?

И опять самое время Славке отказаться. Всего одно твердое и решительное слово: «Нет!» Но вместо этого Славка ухарски ляпнул:

— Слепой сказал: посмотрим...

\* \* \*

— Сегодня тебя смотреть будут, — Сизяк положил руку на Славкино плечо, пощурился на солнышко и успокоил: — Ты не дрейфь, я за тебя сказал.

— Что я, корова, меня смотреть?

Славка понял, конечно, о чем речь. Он тогда, обнадежив Сизяка, разговору нужного значения не придавал. Думал, попал Митьке под настроение, тот и сболтнул. А может, для того, чтобы Славка его больше зауважал. Такое тоже бывает. В общем, как с языка сорвалось, так и забылось. Оказывается, ничего подобного. Seriously, выходит, говорил тогда Сизяк, и зря Славка отнесся к его словам как к пустяковым. А что, собственно, Славка ответил? «Слепой сказал: посмотрим». Ничего не обещал, никому ничем не обязан. Сейчас, когда помирился с Кочетом, когда Верка дома, на кой ляд ему Сизяк... И сказал Славка беспечно:

— Никуда я не пойду и ни с кем смотреться не буду.

— Будешь. Тебе деваться некуда. Ты у меня подельник. Я людям сказал.

— Я ничего не обещал.

— И не отказался. У нас слово — олово. Теперь мы с тобой связаны. Заложил, пера получишь.

Славка почувствовал, что Митька не шутит. Хотел ответить веско, но получилось сбивчиво и до стыдобушки просительно:

— Не надо, Мить... Не хочу я на дело. И вообще зачем я тебе нужен...

— Значит нужен, — сказал, как отрубил. — На «дохленький» завтра к девяти утра придешь. И смотри, без комиков. К девяти, понял!

— Меня папиросники погонят, — сделал последнюю попытку Славка. — Аркашка Бомба тогда сказал...

— Аркашке заявишь: Сизяк велел. Понятно?

— Ладно, — уныло сказал Славка. — А если он полезет?

— Ты скажи. Не послушает — красные сопли ему на кулак намотай. Да к девяти я сам приду.

Столько уверенности было в голосе Сизяка, что Славка перестал сомневаться. Наоборот даже, любопытство взяло: неужели у Митьки такой авторитет, что его Бомба слушается?

«Дохлаеньким» местные торговки окрестили провизионный базарчик, который по утрам и вечерам возникал у трамвайной остановки «Кочечная». Люди, в большинстве рабочие, ожидающие трамвай, могут купить здесь всяческую снедь: яблоки, огурцы, помидоры. Когда есть — свежие, в остальное время — солонину. Холостяки приобретают для обеда котлетки, пирожки, печенюшки. Пользуясь ротозейством церабкопа, который не удосужился организовать штучную продажу папирос с лотков, к выгодному делу пристроились пацаны. «Папиросы «Бокс»! Хоть сам кури, хоть друзьям дари!» «Ракета», «Ракета», нету даже у кадета, а у нас хоть завались, рабочий класс, навались! Две копейки штука, на пятак — три». Дорогих папирос, таких, как «Казбек», «Ароматные», «Борцы», здесь не продают. В ходу «гвоздики». Барыши идут на развитие торговли и кино. В прошлом году Славка тоже хотел поднажиться, но не получилось. Завсегдатаи его побили, пачку «Бокса», на которую он признался у Женьки Лобанова пятиалтынный, отняли, а Аркашка Бомба, главный у папиросников, пригрозил, что если увидит Славку здесь еще, оторвет голову. Ограбленный коммерсант поплакал не столько от боли, сколько от безвыходности своего положения: пятнадцать копеек надо было отдать Женьке к завтрашнему обеду. Назавтра он подошел к Женьке, рассказал все как есть и попросил отсрочки. Но Женька предложил шик-блеск: «Мне все равно за водой идти. Ты сходи три раза, полей наши огурцы, и будем квиты».

Для Славки — сплошная выгода. Мало того, что пятнадцать копеек не отдавать, еще и силы прибавится. Так Славка впервые познакомился со способом добычи денег, который называется «заработать своим горбом».

На базарчик Славка пришел загодя. Уж очень ему не терпелось встретиться с Аркашкой Бомбой. Балбесу этому было уже, наверное, лет семнадцать. До прошлого года он учился в одной школе со Славкой. Вначале на несколько классов выше, потом — в параллельном. За восемь лет стараний он добрался до пятой ступени образованности, полгода там откамчатил, а перед зимними каникулами его отправили на заслуженный отдых: развлекаясь, Аркашка бросил калошу в Даньку Гордеева, но немножко не докинул и попал в председателя совета отряда Тамару Соколову. Ему приписали покушение на авторитет пионер-организации и вручили документы. Теперь он барышничал на «дохленьком».

Он и сейчас был там. Чадя для рекламы «боксной», он призывал:

— Табачок-крепачок, за три штуки пятачок. Навались, у кого деньги завелись!

Брали не очень, потому что основной рабочий поток схлынул еще час назад и теперь на остановке больше топтались люди в возрасте и домашние хозяйки. Славку Бомба заметил сразу же. Перекатил папироску в другой уголок губ и поманил Славку пальцем. Славка отрицательно мотнул головой. Тогда Аркашка неторопливо стал приближаться. Шел он, манерно выворачивая ступни, и от этого широкий его бабий зад, за который он получал прозвище «Бомба», студенисто вихлялся. Славка стоял и ждал. Он ничуть не боялся. Во-первых, вынешний год — не прошлый, а во-вторых, он видел Сизяка. Шагов шестьдесят-семьдесят оставалось Сизяку до «дохленького». А Бомба уже подошел вплотную.

— Я тебе тот раз что предъявил?

— Я не торгую, — пожал плечами Славка. — А идти я имею право хоть куда.

— Не имеешь. Пойдем-ка на проходняк. Там я тебе все права объясню.

Аркашка забрал на груди в горсть тельник нарушителя и потянул Славку к проходному двору.

— Сизяк велел, чтобы ты не трогал, — Славка дернулся, пытаясь освободиться.

— В гробу я твоего Сизяка видал, в белых тапочках.

Бомба потянул сильнее, плечики врезались в тело. Славка разозлился.

— Не лапай, не купил!

Он наотмашь рубанул ребром ладони по Аркашкиному кулаку. Не ожидавший сопротивления, Бомба разжал горсть, и тельник освободился. Славка мгновенно отскочил и занял позицию. Митька стоял за Аркашкиной спиной и пока не вмешивался. Аркашка выплюнул окуроч, аккуратно положил непроданные папиросы в брючный карман и, ухмыляясь, понтересовался:

— Боксер, значит? Сейчас мы этого боксера делать будем.

Он набычился и уже собирался ринуться на Славку, но вдруг застыл, словно с разбега налетел на стену. Перед ним встал Митька Сизяк.

— Это ты кого делать будешь, фрайер?

Аркашка молчал.

— Ты ему сказал? — деловито осведомился у Славки Сизяк.

Славка кивнул. Около их группы уже начали собираться любопытствующие, были среди них и Аркашкины соторговцы, но заступаться за своего старшего они не собирались. Сгрудились чуть на отшибе, попрятали товар и ждали, чем кончится дело.

— Значит, сказал, — уточнил Сизяк. — А он что?

— Ладно, Мить, не надо, — Славка был великодушен. — Он, наверное, не разобрал, что я про тебя напомнил.

По взгляду, который метнул на него Аркашка, Славка понял, что отныне он может появляться на «дохленьком» в любое время дня и ночи. Этот моляще-благодарный взгляд Славку совсем умиротворил, и он даже покривил душой:

— Когда в школе учился, Аркашка даже за меня заступался.

— Тогда лады. Дай-ка закурить.

Аркашка торопливо выдернул из кармана пачку «Бокса».

— Не оттуда достаешь, фрайер, — Сизяк явно упивался своим всеилнем. — Ты из правого кармана тяни, те, что сам куришь. — Непочтую десятиштучную пачку «Дели» Сизяк небрежно сунул к себе в карман и бросил Славке: — Пошли.

Пришли они на стадион. В пути Славка странным образом почувствовал себя причастным к могуществу Сизяка и забыл о всех сомнениях. На «смотреинах» ему захотелось показаться лихим и независимым. На стадионе Митька, оставив Славку у восточных трибун, сказал: «Жди здесь». Сам ушел, и долго его не было. Потом появился со стороны теннисного корта, свистнул и жестом позвал Славку.

Пока пребывал в ожидании, Славка пытался вообразить, что его ждет. Читал он, как посвящают в масоны, как приобщают к ку-клукс-клану, к разным другим скрытным обществам и союзам. Маски, таинства, клятвы... И рисовал себе что-то в этом роде. Но все оказалось не так.

Около теннисного корта на скамеечке сидел мужчина лет тридцати, может чуть постарше. Кончиком тополевого хлыстика, задумавшись, он чертил на земле квадратики. На ногах обыкновенные сандалии, в синие шевнотовые брюки забрана кремовая рубашка-апаш. Прическа самая простецкая — полубокс. Ни сапог гармошкой, ни волнистого буйного

чуба. Ей-же-ей, Сизяк временами выглядел куда забористей. Не говоря уже о Веньке Богдане и Тольке Сове. Не обратись к этому мужику Митька, Славка бы прошел мимо него без всякого внимания.

— Вот, Троша, привел.

Мужчина поднял глаза и, как показалось Славке, посмотрел на него задумчиво-равнодушно. То ли от взгляда этого, то ли от того, что совсем не такой встречи ожидал, Славкой овладело озорство, и он пустил в ход одну-единственную знакомую ему английскую фразу:

— Хау ду ю ду.

Славке казалось, что мужчина будет ошарашен и немедленно проникнется соответствующим уважением. И мужчина, действительно, изменился. Взгляд его стал заинтересованным, и он живо спросил:

— Ду ю спик инглиш?

Славка покраснел, но не растерялся. По смыслу он догадался, о чем вопрос, и пустил в ход «американский»:

— Рюнегово.

— Хитер бобер, — мужчина засмеялся и пригласил: — Располагайся. Ты где, Сизяк, такого грамотного подцепил?

— Верно, грамотный. — Сизяк, который из предшествующего разговора ничего не понял, ненужно подхихикнул: — С книжкой в сортир ходит.

— Это не такой уж порок... Значит, в урки записаться хочешь, на запретные хлеба потянуло?

Славка промолчал, а Сизяк вылез:

— В подельники ко мне просится.

Славка хотел было возразить, что никуда он не просится, но вспомнил Аркашку Бомбу, подумал про сизяковский авторитет и снова промолчал. Мужчина, видимо уловив его настроение, сказал:

— Пацан свой язык имеет. У меня курево кончилось, сходи-ка, а мы пока поговорим.

— Чего ходить. — Сизяк вытащил «Дели». — Как по заказу.

Мужчина поглядел на Сизяка чуть напряженно, достал из нагрудного кармана несколько бумажек-трехрублевок, отделил одну:

— «Беломор» принесешь. Не перепутаешь?

Возражать Сизяк и не пытался. Взял деньги. Пошел. Быстро пошел, чуть не бежал. А Славка опять подумал об авторитете. И почувствовал неожиданную робость. Такую же примерно, какую испытывал, входя в кабинет директора школы Ивана Михайловича Сазонова. Вроде ничего плохого не сделал и пригласили его не для выволочки, а робость — вот она, холодком по спине. Ждал, что разговор сейчас пойдет строгий и решительный. Все-таки этот дядя Троша, видать, у уркаганов фигура. Сизяк перед ним не зря стелется. Сидел собранно, ждал. Сам заговорить и в мыслях не держал. А мужчина как ни в чем не бывало вынул из брючного кармана почти полную пачку «Беломора», спички. Слегка постучал мундштуком папиросы по ногтю, закурил. Поймав растерянный Славкин взгляд, усмехнулся:

— Нечего ему тут делать, пусть прогуляется. Что ж, давай рассказывай.

— О чем рассказывать?

— О житье-бытье. Что это тебя так зазнобило, что с Сизяком попросился? Говорил этот шкет, что вы в одном дворе живете?

— В одном. А я не просился, он сам сказал: теперь мы подельники... Это как, подельники?

— По одному делу, значит, проходите... Стало быть, инициатива-то не твоя?

— Не-е. Он сказал... Я сказал — посмотрим. А теперь он говорит: «Пера получишь».

— Вот оно что. Это в корне меняет обстановку. А самого тебя, значит, в волонтеры не манит?

Поразмышлял Славка, поразмышлял и честно признался:

— Еще не знаю.

— Так. Мать, отец есть? На каких должностях?

— Мать — учительница, отец шесть лет как умер. Был краскомом, а после гражданской — директором на картонажной фабрике. От кровоизлияния в мозг умер.

— Краском... Красный командир... — мужчина дернул бровями. — Вот она, судьба-индейка, какие фокусы выкидывает. Вполне вероятно, что именно твой папаша моего и шлепнул. А вот чего-то злобы у меня к тебе нет... По всем данным я тебя за угол должен затащить и пришить без жалости, а у меня злости и той нет... Ж... вот тебе я сейчас бы с удовольствием начистил.

Славка чуть отодвинулся и уже без страха, с откровенным любопытством взглянул на соседа.

— Ваш отец за... — Славка хотел сказать за белых, но по ходу дела решил, что так неудобно, и вышел из положения: — ...против красных воевал?

— Прежде всего он против немцев воевал. За Веру, Царя и Отечество. Потом, по полковничьему своему званию, пошел Россию спасать. Как спасителя его к стенке и поставили.

— Он небось из помещиков был? — со знанием дела уточнил Славка.

— Дворянин. И я — из дворян. Столбовой. Пока в зону — из зоны ведут, все столбы наизусть выучишь.

— А вы английский знаете?

— Много чего я, пацан, знаю. Университетов достаточно прошел. Недавно и академию кончил.

— Правда? — не поверил, конечно, Славка, спросил просто так, из вежливости.

— Беломоро-Балтийской называется. Слышал про такую?

О Беломоро-Балтийском канале в течение нескольких лет взахлеб писали газеты, рассказывали лекторы, очень подробно разбирали его плюсы на лавочке возле дяди-Сережиного дома. Так что название это Славка не только слышал, а и про всю стройку мог рассказать со многими подробностями. К тому же недавно ему попала пьеска, которая называется «Аристократы». Так как Славка верил всему напечатанному безусловно, он ни на секунду не сомневался, что Костя-капитан, и Соня, и Лимон, и Дама-Нюрка, и все остальные урки и не урки существовали в действительности и имена в пьеске были их собственными. Поэтому выдохнул с искренним восторгом:

— Вот это да! Вы там все двадцать месяцев были? А потом отпустили, да? И Костю-капитана отпустили, и Соноу?

Мужчина глубоко вздохнул, но ответил с добрым смешком:

— Всех, кто был, поотпускали. И капитанов, и матросов. Коков только оставили, шамовку готовить. Теперь вот таких, как ты да Сизарь, ждут, а то уж и отпускать некого. Перековались уркаганы на казенных харчах. Кроме матери-то у тебя родичи имеются?

— Бабушка есть и дядя. Больше никого нет.

— Дядя, как и отец, из краскомов? Тоже «стальной грудью врагов сметал»?

— Он в угрозыске служил, а сейчас на заводе. Кем работает, я не спрашивал.

— Видать, шишка на ровном месте. Фамилия-то его как?

— Сергей Андреевич Строков.

— Вот это номер! — мужчина сделал большие глаза и присвистнул. — Так мы ж с твоим дядей старые приятели. Ну и ну. Бывают в жизни встречи...

— Вы правда знакомы? — радостно спросил Славка.

— Еще как. Он меня в свое время от вышки увел. Справедливо

разобрался, что к чему. Будет разговор, ты ему признательность передай. От Трофима Петровича Бородина. Запомнишь?

— Трофим Петрович Бородин...

— По гроб жизни я ему обязан. А ты, пацан, подрывай отсюда, пока цел. Шестерке этому скажи... Ладно, сам скажу. И если когда увижу вас вместе, ноги повиыдергаю. И ему и тебе.

Трофим Петрович сделал сердитое лицо, но Славка умел понимать шутки. И задал поэтому последний, очень волновавший его вопрос:

— А что, Сизяк «в законе»?

— Ты хоть знаешь, что такое «в законе»?

— Вор. Его все уважают. Он все малины знает... И хазы...

— Малявка ты, малявка. Звону много набрался. Не зря с книжками отхожее место посещаешь. Сявка твой Сизяк. Шпаной и то не назовешь. Так, шпаненок. Щенок линючий. А теперь, сэр, гуд бай. Алон зонфан, как ноги носят.

Сказав это, Трофим Петрович отвернулся от Славки и опять начал тополевым хлыстиком чертить на земле квадратики. А Славка встал и побрел. Но не через футбольное поле, к выходу, где мог встретиться с развенчанным авторитетом, а между теннисным кортом и баскетбольной площадкой к дыре в заборе. Не манило его сейчас ни с кем видаться, ни с кем разговоривать. Просто хотелось выйти к ручейку, сесть на травянистый бережок и подумать обо всем на досуге.

\* \* \*

Задами своими двор Коробейниковых выходил на запущенный сад, который с недавних пор стал именоваться «Семеновым садом». Еще два года назад здешние фруктовые насаждения считались вроде как ничейными. Их владелица бабушка Цыплакова большую часть времени проводила в гостях у многочисленных сыновей и огородно-садовым хозяйством не интересовалась.

Прошлой зимой бабушка Цыплакова умерла. Наследники продали ее владения корейцу Ким Ену. Ким Ен звучало непривычно, и соседи заменили его Семеном. Начал Семен с огорода. Поставил теплицу, разбил парники. Уже в апреле у него можно было купить огурцы. Причем не какие-нибудь там с наперсток, а самые настоящие, какие в обычных огородах созревают к середине июня.

А яблони так и остались сиротами. Даже откровенную дыру в заграждении из колючей проволоки дядя Семен не заделал. И зияла эта дыра как приглашение, как уверение во вседозволенности и безнаказанности. На нижнюю проволоку наступить, верхнюю приподнять и — пожалуйте. Слон пролезет, не то что человек.

Хозяев, которые держат такие дыры напоказ, надо судить по строжайшим из строгих статьям уголовного кодекса. Самое малое, по тем, которые определяют наказание, связанное с растлением малолетних. Сидят ребята, беседуют и в мыслях не держат ничего плохого. Вдруг кто-то поводит глазом и видит: на нижнюю проволоку наступить, верхнюю приподнять...

В один прекрасный день глазом повела Верка. И оказался Славка в чужом саду, а Верка на своей крыше. Сидела, наблюдала за порядком. На первое дерево Славка забрался, Верка сидела и наблюдала, на второе, на третье... Славка так увлекся, что заметил исчезновение подруги только тогда, когда с земли его позвали:

— Силизай, мальсика. Остолозно силизай, не упати толика.

Славка тоскливо посмотрел вниз и отрицательно помотал головой. Слезать ему не хотелось. Даже наоборот, от неожиданности он переместился на два сучка вверх.

Но это он переместился сгоряча. Потому что дальше взбираться было некуда. Выше раскинулось только белесоватое от зноя небо, на

котором плавилось одинокое светило. Наверху Славку никто не ждал. А внизу ждал дядя Семен. Он ждал, а Славка не торопился.

Тогда дядя Семен поднялся по сучкам до развилки и легонько потряс ту часть ствола, на которой угнездилися лиходеи. Славка уцепился за сучья и что есть мочи возопил:

— Ой-ой, падаю.

— А ты, мальсика, силизай, — посоветовал дядя Семен. — Тогда и не упати.

— Ой-ой, — вместо ответа заявил Славка, а когда почувствовал, что ствол снова задрожал, наддал погромче.

— Силизай, силизай. — Пригласил дядя Семен и наставительно заметил: — Сейчас есе не ой-ой. Это когта силезис, станет ой-ой.

Славка увидел поднятое к нему приветливо-добродушное лицо садовладельца, перевел взгляд на забор, за которым лежал покрытый муравьей коробейниковский двор, и ступил на нижний сук. Одновременно с ним стал спускаться дядя Семен.

Увидел это Славка, и у него появилась надежда. Как только дядя Семен окажется на земле... Нет, даже немножко раньше, Славка выдернет рубашку из штанов, яблоки посыплются на дядю Семена, и пока тот разберется, что к чему, Славка успеет дать тягу. Только бы появилась Верка и вовремя раздвинула проход в проволоке. Ведь и дела-то всего: на нижнюю железку наступить, а верхнюю поднять.

Но Верка не появилась, а дядя Семен уже почти касался земли. И Славка решился. Как он и предполагал, посыпавшиеся на неприкрытую голову твердые, как галька, яблоки ошеломили дядю Семена и, кажется, он присел. Славка оттолкнулся от ствола, упал на четвереньки, тут же поднялся и бросился в призаборные заросли.

Непоправимое случилось тогда, когда Славка был почти на свободе. Голова его и даже тело до пояса уже проскользнули на коробейниковский двор. И надо же было одной-единственной проволочной колючке ухватить Славку за опояску. Дернулся Славка, рассчитывая, что не выдержит веревочка, порвется либо развяжется, да куда там. Славка рванулся что было мочи, но опять безрезультатно. В этот миг его левую ногу ухватило, как капканом, и непреодолимая сила потянула вспять. Славка, брыкнув свободной ногой, попал в пустоту.

— Пусти, — заорал Славка в бестолковом отчаянии. — Я дяде скажу, он тебе наподдаст!

Семен продолжал тянуть, и Славка сантиметр за сантиметром сдавал позиции. Вот уже только плечо и голова оставались во дворе, а все нижележащее переселилось в сад, вот уже одна голова... Славка вывертывался, сучил свободной ногой, брыкался и вообще выказывал несогласие с действиями дяди Семена. А тот трудился усердно и неторопливо. Когда Славка целиком перекочевал на его территорию, он уместился на его ногах, шумно вздохнул и сказал:

— Палавоза посла затом напелет.

Славка, устав, на какое-то время успокоился, и дядя Семен удовлетворенно качнул головой:

— Холосий мальсика, так и лизи.

После этих слов дядя Семен расстегнул у Славкиных штанов боковую пуговку и освободил себе ход в святая святых. Потом Славка почувствовал в самой нижней части спины обжигающее прикосновение крапивы. Рыцарь, только что поклявшийся себе, что не проронит ни звука и Верка ничего не узнает о происшедшем, закусив губу, молчал. Тогда дядя Семен сорвал небольшой пучок татарника и, подсунув его под крапиву, легонько погладил Славку по верх штанов. Тут уж молчун забыл обо всех своих обетах и завопил благим матом:

— Ой-ой-ой... О-о-о!

— Тепель плавильна, тепель ой-ой. — Добродушно произнес дядя



Семен, еще раз погладил Славку по оттопырившимся от крапивы штанам и заметил: — Колень усенья голек.

Славка было заворочался, но сделалось совсем невыносимо, и он затих. Лишь повизгивал, когда дядя Семен надавал чуть сильнее, и мотал головой, смахивая слезы. Думал он об одном: лишь бы не появилась Верка, только бы не увидела... Но Верка появилась и, бросившись к забору, запричитала:

— Ой, Славик, ой, миленький. Да как же так, Славинька...

После этого она протянула руки за проволоку, схватила Славкину голову и стала тянуть к себе.

— Верка, ты что делаешь, — заорал Славка. — Ты мне голову оторвешь.

— Ничего, Славик, миленький, потерпи маленько... Отпусти его, зараза. Япошка-картошка, отпусти, кому говорят. Детей бить нельзя... У Славки дядя, знаешь кто? Славка ему скажет, он тебя сразу в тюрьму упечет. Сто лет сидеть будешь!

— Умная тевоська. Холосо законы знаес, — поощрительно сказал дядя Семен. — Толика моя не бьет. Моя лесит. Ливматизьма тепель слоту не бутет. Исе сейсяс плотив скалллатины плививки стелаим.

Дядя Семен приподнялся со Славкиных ног и потянулся за новой порцией лекарства.

— Славик, лезь! — отчаянно взвизгнула Верка и приподняла верхнюю проволоку. Славка толкнулся освобожденными ногами, оперся на локти и в мгновение ока оказался на дворе Коробейниковых. Дядя Семен, не выразив никаких чувств, не сделав никакого движения, приглашающе сказал:

— Ты, мальсика, когта ната плививка от скалллатины, плихоти.

На эту отеческую заботу Славка ответил черной неблагодарностью. Он высунул язык и сказал:

— А мне нисколечко не больно.

— Осень плятна тазе, — согласно кивнул дядя Семен. — Ты, мальсика, захоти, мы тебе есе плятно телать бутим.

Сказав так, дядя Семен по-приятельски помахал Славке ладошкой и, вернувшись к яблоне, стал собирать в карманы вытряхнутую Славкой зелепуху.

А Верка вертелась около своего единственного и допытывалась:

— Больно, Славик, а? Вот холера Мишка, забазлал не вовремя. Я думала: дам хлебушка жеваного, перестанет, а он еще сильнее.

— Ладно, — сказал Славка. — Ты отвернись.

Верка отвернулась, он расстегнул боковую пуговку и вытащил из штанов пучок крапивы. Обмякшая, потерявшая силу, она уже не стреккала. Верка еще пыталась что-то говорить, но Славка хмуро молчал, и Верка обиделась. Хоть жалко ей было дружка, но уступить... Она уперла кулаки в бока и, сморщившись, гундосо пропела:

— Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты. Подумаешь, крапивы в штаны наклали. Вот беда-то...

В этот момент монотонный Мишкин вой, доносившийся из приоткрытой двери, перешел в басовитый надсадный рев, и Верка, не договорив, бросилась в дом.

А Славка отправился переживать к себе на «Диору».

\* \* \*

О чем думал Славка, лежа на прохладных досках, трудно сказать. Скорее всего о многом и ни о чем в частности. Ссора с Веркой его не беспокоила, мало ли было ссор, и все кончались одним: улучив удобный момент, подруга сообщала, что прощает его, любит по-прежнему, и требовала ответных заверений.

Рассыпались Славкины мысли, вновь сходились, и внезапно из их

столпотворения выбралась и прочно укрепилась на самом краешке сознания одна, очень четкая и настойчивая. Была эта мысль о справедливости. Что это такое — справедливость, где ее найти и почему ее надо искать, если она должна быть рядом с каждым и проявлять себя как только потребуется?

Отвлеченно Славка мыслить еще не научился, поэтому начала начал всех соображений философского направления рождались у него из опыта личного. Тем более нынче, когда подопытная часть туловища крапивно зудела и не могла выполнить своего прямого назначения. Посасывая горьковатый сучок, лежа на животе, Славка рассуждал: «Чуть что, Верка говорит про любовь». «Ты меня не любишь... когда любишь, все для любимой...» Правильно. Не только для любимой, для друга можно все отдать. Но ведь и друг должен делать так же. Ты мне без остатка, а я тебе — подумаю. Что Верка ни попросит, он все исполняет, как прислуга какая-нибудь. В книжках пишут, что удовлетворять требования любимых приятно, что человека при этом переполняют доброта, восторг и прочие возвышающие чувства. Допустим, так, хотя делать добро приятно не только для любимых. Добро есть добро, и делить его на порции — тому столько-то, другому поменьше — просто бессовестно. Если можешь делать доброе дело — сделай, если не можешь, сделай так, чтобы мог. Это козе понятно. Но ведь надо, чтобы и тебе делали. Верка и сделала! Ей бы так туза папекли. «Фу-ты ну-ты, ножки гнуты...» Мишка у нее заорал. Когда о зелепушке договаривались, про всех Мишек забыла. Значит, если Мишке плохо — ей забота, а если Славке, только и может, что за голову тянуть. Уйти с поста, да за это — трибунал!

Так Славка рассуждал о Верке, которая в самую решающую минуту оставила любимого на произвол судьбы. Потом мысли его перекинулись на дядю Семена. «Тоже мне, — думал Славка, — сорвал у него яблочки. Не я, другой кто сорвал, все равно бы до морозов не довисели. Добро бы еще яблочки, а то так, ни в городе Тит ни в деревне Титок. Ведь не нужна дяде Семену эта зелепуха. Огород нужен — здесь разговору нет. Он его и заборчиком обнес, и кобеля на рыскале пустил. Потому к нему в огород никто не лазает. А в сад... Хоть бы веревочкой дыру затянул, а то — ногой на нижнюю проволочку наступи, верхнюю подними... Сколько пацанов в этом саду перебивало, никого не заметил, а стоило Славке залезть — сразу уследил. Наверное, решил, что Славка самый слабенький и над ним как угодно изголяться можно. Совесть не позволила, а то бы он так этого буржуйчика тряхнул, век бы помнил... А вообще-то, может, и нет. Здоровый все-таки дядя Семен. Как за ногу прижучил, будто клещами. Такой между глаз врежет, всю сообразилровку отобьет... Значит, самое простое — поговорить по-человечески, а силу в ход не пускать. Что я, не понял, если бы он все по душам сказал? Просто нечего ему говорить было. Сам не ам и другим не дам. Поэтому и довод у него единственный оказался — крапива. Кто пссильней, всегда может свою правоту доказать. Спла — вот она и вся справедливость. «У сильного всегда бессильный виноват...»

Найдя такую надежную поддержку у мирового классика, наш философ уже не сомневался, что по отношению к нему, Славке, сотворена величайшая несправедливость. Он односторонне оценивал меру поступка и меру возмездия. Один казался ему незначительным, другая — крайне преувеличенной. Ординарное заблуждение субъективистов, которое приводит их к выводу о том, что закон — дышло.

Совершив одну ошибку, Славка тут же закрепил ее другой. Сделав заключение, он стал искать ему подтверждение, иначе говоря, подгонять жизнь под вывод. Примеров оказалось — пруд пруди.

Мать с ее Самоучителем.

Долговая яма Сизяка.

Наконец — сегодняшнее.

Еще надо? Пальцев на руках и на ногах не хватит, чтобы сосчитать.

Зацепилось раздумье за Сизяка. Ничего не скажешь, человек сильный. А Славка? Удает ему в силе, но совсем немного. Насчет ловкости же Сизяку и не светит. Однако авторитет Митькин со Славкиным ни в какое сравнение не идет. Славку кто уважает? Ну, Кочет, может, немножко Верка, Володька, кто еще?.. Шурка Винокуров, наверное, уважал... Так это — друзья. Славка их тоже уважает. А Сизяк ни с кем не считается, никого не боится, зато его все пацаны признают. Говорят, что он — урка. А у уркаганов закон: один за всех, все — за одного. Очень правильный закон. Будь у Славки такие друзья, тронул бы его этот буржуй несчастный. И так захотелось Славке друзей всемогущих, так захотелось покровителей... А еще Сизяк о деньгах говорил: «Навоз. Сегодня нет, завтра — воз». Воз Славке не нужен, а вот чтобы на конфеты и на ситро всегда было, это — годится.

Незаметно-незаметно, Славкины мысли уже не цеплялись за Сизяка, а причалили к нему вплотную. Интересно все-таки, на какое дело он хотел взять Славку? Сходи тогда Славка с ним — и ничего сегодняшнего не случилось бы. Зря он Тимофея Петровича послушал. Подумаешь, «вор в законе». Зауважают его пацаны или не зауважают — бабушка надвое сказала, а Сизяк — вот он, далеко ходить не надо.

Такие соображения полнили Славку, и хотя он пока решающего шага не сделал, но созрел для него основательно.

С Сизяком они давно не общались. В окошко Славка иногда видел, как Сизяк делает по дому разные дела — в сарайке чистит, воду носит, смородину в саду собирает. Все эти занятия приходились на утро. Потом Сизяк исчезал. Где искать Митьку сейчас, Славка решительно не знал.

Судя по солнцу, было не больше четырех. Являйся Сизяк обыкновенным пацаном, Славка, может, и попытался его найти, потому что обыкновенному такой порой самое место у воды. На Чекмаревский Сизяк не пойдет — далеко, на водную станцию еще дальше, а на Плотниковский — самый раз. Так бы на месте Сизяка поступил Славка. Но, но и еще раз но... Скорее всего Сизяк на «малине». «Малина» представлялась Славке чем-то вроде глубокого подземелья, где всегда холодно, где уркаганы сидят при свечах, играют в карты и беспрерывно пьют водку прямо из горлышек. К «малинам» Славка доступа не получал, где они располагаются, представления не имел, поэтому на близкую встречу с Сизяком рассчитывать не мог. Поворочался Славка в своем убежище, повертелся с боку на бок, хотел устроиться в нормальном сидячем положении, но не устраивалось, и страдалец снова улегся на живот. Ворочаясь, он что-то там, наверное, растревожил. Как будто штаны неожиданно раскалились, и одно прикосновение к ним вызывало жжение и нестерпимый зуд. Прикусив губу, Славка помчался к бочке с дождевой водой.

Штаны и майку он сбросил скорее всего на бегу, потому что в бочку он вонзился без остановки, но уже нагишом. Зуд мгновенно прекратился. Так можно простоять вечность: тело будто заново родилось, прохладно, над головой тень от сарайной крыши. Одно портит удовольствие: уж очень вода в бочке духовитая. Дождя давно не было, бочечное содержимое не обновлялось, зацвело, сама посудина изнутри покрылась слизью. Но Славка с духовитостью мирился, а вскоре принялся, по привычке и стало — лучше некуда. И когда из бочки вылез и когда домой пошагал, никакие сложные запахи его не тревожили.

А вот Сизяк, с которым Славка столкнулся носом к носу, насторожился, задвигал ноздрями и с ходу поинтересовался:

— Чего это от тебя воняет? Вяпался?

— В бочку упал, с сарая, — на ходу придумал Славка.

— А чего ж шмотки сухие? — Митька хитро подмигнул.

Славка тут же нашелся:

— Если бы в лючок нырнул, еще хуже было бы... Искупался в бочке. Неохота было на пруд. В воде там хорошо, а обратно полдороги пройдешь — снова как печеный.

— Верно, — согласился Сизяк. — Душ во дворе хорошо устроить бы, да воды не натаскаешься.

— А что, давай сделаем, Мить? — оживился Славка. — Вдвоем воды натаскать-то — разом. Особенно если наперегонки.

— Вот ты сделай, воды натаскай, а я к тебе купаться приду. Перегонок...

По тону, каким Сизяк произнес слово «перегонки», Славка понял, что в простоте душевной сморозил несусветную глупость. В самом деле: за водой для огорода Федосья Николаевна Митьку не дошлетя, а тут для душа. Насчет того, что слуги отменены с семнадцатого года, Славка промолчал, хотя отповедь висела на языке, но — не ко времени. Надо было заводить разговор совсем о другом. Подходить к нему Славка начал издали:

— Трофим Петрович как? Вы с ним видите?

— О Троше забудь. Ты его не видел и знать о нем не знаешь. Ясно?

— Почему? Он человек хороший. Он даже велел, чтобы я дяде от него привет передал.

— Твоему дяде?

— Ага.

Сизяк как-то по-особенному посмотрел на Славку, словно заново прицениваясь, и со смешком сказал:

— Не показался ты Троше. Говорит: в коленках слабоват. Велел тебя отшить.

«Врешь ты все... Шестерка, — злорадно подумал Славка. — Насифонил тебя Трофим Петрович, вот ты и завертелся». Но вслух сказал совсем не то, что думал:

— Ты возьми меня на дело, тогда узнаешь, кто слаб, кто силен.

В любом начинании главное — первые шаги. Дальнейшее разворачивается вроде бы само собой. На какой-то миг Славка порхнул мыслью в небеса и оттуда придирчиво глянул на свое будущее. Возможностей — уйма... «С одесского кичмана сбежали два уркана...» Одесса — мама, Ростов — папа... Мишка-Япончик... Стреляют через карманы пальто... Немного в советское время писали про бандитов, но и одного Бабеля хватало для представления того, что творил в Одессе Япончик. Мурка тоже из Одессы... Все это промелькнуло в Славкиной голове, и мысленно он уже здоровался с жиганами чуть не по ручке, а на ладони совсем натурально ощутил живую тяжесть нагана. Сизяк что-то про себя обдумывал и отвечать не торопился, потом сказал с сомнением:

— Застукают тебя, сразу расколешься.

— Не расколюсь. А про Трофима Петровича — не бойся, он не узнает.

Вероятно, Сизяку не хватало именно этого довода.

— Ты да я — кровь из носу. Ни другу, ни брату.

Так они сговорились окончательно. Однако, как Славка ни просил, в свои планы Сизяк посвящать его не стал. Процидил неопределенно:

— Сказал: бегать. Нарезать, чтобы из-под подков искры.

— Почему сказать-то боишься?

— Потому что ты один все отладишь. А я — при пиках-козырях.

— Да что ты... да я...

— Говорю, узнаешь, значит — узнаешь... Когда потребуется. Погоды надо ждать.

И стали они ждать хорошей ночи. Чтобы гроза, темень — глаз коли, с неба — как из ведра.

Может, кому покажется, что слишком поспешно Славка запросил-

ся с Сизяком на дело? Ведь и повод-то — вроде наплевать и забыть. Насовали в порты крапивы, вот беды-то куча. Верка повела себя совсем не как друг. Тоже не смертельно. А решение, которое принял Славка, могло сломать мальчишечью жизнь. Не надо удивляться. Оглянитесь внимательно вокруг: сплошь да рядом обиженный человек из кожи вон лезет, превращая пустяковину в величину, и такие круги распускает, что не только сам в них тонет, окружающие и те захлебываются...

\* \* \*

Ночь была великолепной. Гроза, которая собиралась весь день и весь вечер, так и не собралась, прошла где-то стороной. На востоке, далеко за Чекмаревским лесом, поблескивали реденькие зарницы, а до города отголоски грома и те не дошли. Зато часов в двенадцать на город опустился густой туман. Такой густой, что Славка, приоткрыв дверь сараюшки, не увидел даже забора лобановского сада, хотя до него было всего несколько шагов. Ночной туман — это как раз то, что Славке с Митькой надо. Еще бы лучше — мелкий дождь. Вообще Славка не любил дождей-сеянцев, которые и идти вроде не идут, а промочат до костей. Такие дожди как мураши — никакого спасу от них нет. Ползут по щекам, по шее, за воротник водяные капельки. Не бегут, а именно ползут, противно и щекотно.

А нынче Славка лежал на своем топчане и думал: «Эх, мелкого бы дождичка, да чтоб до самого утра». И вот он — как по заказу. Листья ясеня, что нависли над сараюшкой, зашевелились, зашелестели, потом с них посыпались на крышу мелкие водяные капли, Славка слушал и ушам не верил. Неужели он такой везучий? Надел тапочки-тенниски, вышел из сарая. Точно. То самое, что надо. Давно они с Митькой ждали ночи, про которую говорят: «добрый хозяин собаку не выгонит». Насчет собаки, может, и правильно, а вот для их дела собачья погода была как раз.

Самым окраинным зданием Засечного с южной стороны был ликеро-водочный завод. Обнесенное высокой стеной красного кирпича, это богоугодное предприятие подымливалось своей высоченной, тоже из красного кирпича, трубой и, как все местные заводы, кроме кирпичных, производило впечатление солидное, выглядело вековым. До близкого знакомства с Митькой Сизяком Славка о «ликерке» знал единственное: там работала мойщицей бутылок мать Кольки Судакова Софья Тарасовна. Митька же открыл Славке глаза на самую, можно сказать, суть существования предприятия и на те выгоды, которые можно из этого извлечь.

Оказывается, завод не просто занимал целый окраинный квартал и чад из трубы был не самым важным продуктом его деятельности. Выпускал завод еще и ликеро-водочные изделия.

Водку по магазинам развозили на подводах. Днем профессиональные местные возчики, а ночью — мужики из деревень, что поблизости от города. Из ворот завода выезжали крытые брезентом возы. Вначале они двигались гуськом, потом рассасывались по разным улицам, к магазинам. По Митькиному замыслу надо было выбрать улицу потемней, а погоду похуже. В непогоду мужики с головой закрываются дождевиками, садятся на воз спереди, а что творится сзади — им из-за ящиков не видно.

— Понял, в чем дело?

Славка понял, но не до конца.

Митька фыркнул и сказал:

— Совсем дурак. Чего здесь не понимать. Мужик спереди, ты — сзади. Бритвочкой брезент писанул, бутылки па виду. Много не надо. Штук семь выставил и чеши.

— Одну, — сказал Славка. — Ну, две.

— Не меньше семи, — отрезал Митька.

— Две в руки, а остальные куда? — возразил Славка. — Карманов у меня нет, а если бы и были...

— Ну, дура, — пожал плечами Митька. — Чего тебе карманы. Ты штуку по штуке вытаскивай и ставь на дорогу. Семь штук когда выставишь, отваливай. А я сзади на подхвате с корзинкой. Когда он отъедет, я то, что ты ставил, подберу и — порядок. Утром мы их у «Алексеевки» бухарикам по петушку толканем. В магазине пол-литра шесть рублей стоит, а мы с тобой — по пятерке.

— Значит, мы все-таки по-настоящему тырить будем? — спросил нерешительно Славка. — Мать узнает — убьет. А еще, может, и милиция...

Высшим карающим органом для Славки была мать, а о милиции он упомянул просто для важности. Потому что какая там милиция. То, что задумано, и воровством-то не назовешь. Воруют — это когда в чужую квартиру лезут или в карман. А что Митька предлагает — разве правдашнее воровство? Митька так понятно объяснил, что Славке возразить было нечего. Если бы с завода или из магазина утащили, это — кража. А они с воза возьмут. А на возу водка ничейная. Мужик денег за нее не платил, значит она не его. Поэтому, если ему и попадешься, то он врежет пару плюх и отпустит. Да еще догнать надо... Славка представил, как за ним бежит огромный, неуклюжий дядька в сапогах с подковами, и ему стало весело. Но он все равно сказал:

— Давай наоборот: ты выставяй, а я потом подберу.

— Я бегать не умею, — угрюмо сказал Сизяк. — Кабы умел, на хрена ты мне сдался.

— А сколько денег? — спросил Славка.

— По-честному: половину мне, половину — тебе.

Семь штук по пятерке... Славка быстренько разделил получившуюся огромную сумму пополам и захохотал от неверия. Перед его глазами плясали синенькие бумажки. У бумажек были тонкие ножки, тонкие ручки. Ножки шли вприсядку, а ручки прихлопывали в крошечные ладошки и очень четко выбивали: «сем-над-цать! сем-над-цать! сем-над-цать!» А потом слитно: «семнадцать! семнадцать! семнадцать!» Славка и в воображении боялся представить, что позволят приобрести такие деньги. Больше полтинника у него зараз не бывало (что собиралось в копилке, мать пускала в дело). А на полтинник можно было накупить всякой всячины.

И вот она, та самая ночь! Темень — глаз коли, дождик моросит, выпуклый мокрый булыжник омылся водой, нога на нем стоит надежно. Не скользят по камню пупырчатые подошвы теннисных тапочек.

— Ты не гоношись, — напутствует Славку Сизяк. — Я смотреть буду издаля. Если что — свистну. Тогда обрывайся сразу.

— Чего мне гоношиться, — так же шепотом отвечает Славка.

Славке и в самом деле не страшно. Им владеет возбуждение человека, не представляющего меры опасности и потому равнодушного к ней. Это же так просто: подбежать к возу сзади, полоснуть по брезенту бритвой — вот она, в руках, — выставить семь бутылок и, протстав от повозки, нырнуть в проходняк. «Держись, капитан Педро! Вдвоем с тобой нам все нипочем...» «Там спиной к спине у грота отражаем мы врага».

Пять... Каких пять, трех минут не ушло. И вот они уже бегут по проходному двору. В корзинке у Сизяка обещающе побрякивают переложенные тряпицей бутылки.

— Смотри, побьешь, — на бегу шепчет Славка.

— Еще чего...

\* \* \*

Завернутые в тряпочку, лежат под комодом двадцать шесть рублей. Но истратить их можно только на вещи, о которых никто не должен знать, а на то, на что все тратят, расходовать нельзя. Вот уж, действительно, жизнь пошла. О том, как Славка монеты добыл, люди ведать не должны, на что истратит — сказать не позволено. Раньше, когда о таких суммах представления не имел, он точно знал, что за полтинник, за пятьдесят копеек то есть, можно иметь: или сто граммов подушечек «кофейные», или — пять порций мороженого, или — бутылку сидро и два пирожка с рисом-мясом.

И имел. Подходил к мороженщице, к продавцам, брал, что надо, и уходил. Сейчас у него не полтинник, сейчас — двадцать шесть хрустов. А что на них приобретешь? Купи он, для примера, рубашку-косоворотку, явись в ней домой, мать обязательно спросит: «Откуда?». Что отвечать? Единственное большое, на что потрагился, — футбольный мяч. А остальное так, по мелочи. Конфеты «соевые», сидро для Верки. Шарик «уйди-уйди» купил для забавы Веркиного брата Мишки-писуна. Вот и все траты. Основная же сумма — под комодом, в тряпочке. Двадцать шесть рублей ноль-ноль копеек.

Две ночи над городом висели тучи и шел обложной дождь. Обеими ночами приятели воспользовались. Сейчас опять ночной город фонариг луна и светло почти как днем. Сизяк, который нет-нет да заглядывает на Славкину «Динору», сокрушается:

— Как хорошо наладилось, и опять светло. Ничего, мы своего дождем, тогда не заржавеет.

Славка не знает, хочется ему ненастья или не хочется, и говорит об этом откровенно:

— Неинтересная такая жизнь. Как летучие мыши — все заботы ночные.

— Зато — свобода. Что хочу, то и делаю.

— А чего хочешь? Я деньги потратить и то не знаю, куда.

— Какие, наши? Давай их мне, если не знаешь. Я им быстро ноги приделаю.

— И мать, отец у тебя не спросят?

— Какое им дело? А если и спросят... нашел... в расшиши выиграл... о пристеночек... вещички помог гражданке до трамвая донести, она заплатила...

— Так мне мать и поверит. Тебе-то легче: ты еще когда голубями занимался, все время с деньгами дело имел. А что ты дома не ночуешь — отец не рыпается?

— Мне шестнадцать скоро. Паспорт получать буду. А когда паспорт...

— Ну и что?

— Сам себе хозяин, вот что. Тогда мне пахан по фигам. Союз наш большой. Всю жизнь можно в тепле жить. Крым... Одесса...

— И всю жизнь — ночью?

— А что ты против ночи имеешь? Разведчики только ночью ходят. Кино смотрел, «Красные дьяволята»? Они небось Махну не днем в мешок засунули.

Этот довод если и не сразил Славку наповал, то позиции его праведных мыслей поколебал основательно.

\* \* \*

На треке гонщики готовятся к всесоюзному первенству. С минуты на минуту должен появиться Зайпольд. Народу на стадионе полно. В самой гуще болельщиков, на восточной трибуне, — Славка. Ждет: вот сейчас, сейчас начнется... Уже мотоцикл зачихал... Раз... другой...

третий... Выхлопы за трибуной переходят в однотонный треск, поднимаются до пронзительного воя... Славка во все глаза уставился на тоннель. В это время его потянули за рукав. Славка оглянулся и, увидев Митьку Сизяка, приглашающе кивнул:

— Садись. Как раз успел.

— Некогда мне садиться. Пошли, — Сизяк сильнее потянул Славку. — Богдан зовет.

Славка дернулся, вырвал рукав и сказал недовольно:

— Какой еще Богдан? Потом. Не слышишь, что ли? — он ткнул пальцем в сторону главной трибуны. — Зайпольд сейчас тренироваться будет.

— Ты что, дурак или фокусник? Я ж говорю: Богдан велел идти.

Славка знал одного Богдана — Веньку Богданова. И то как говорить — знал. Много раз видел издали. Они неизменно ходили вдвоем. Широкоплечий, огромный, как баба, которыми забивают свай, Венька Богданов и тоже высокий, но гораздо уже Веньки в плечах, Толька Савич, Сова. Оба одеты одинаково. Коричневые шапки-восьмиклинки, коричневые, в белую полоску, двубортные пиджаки, коричневые же брюки, заправленные в желтые хромовые сапоги. На щиколотках сапоги собраны гармошкой, и поэтому ноги Богдана и Совы кажутся тяжелыми и неуклюжими.

Богдан и Сова были людьми известными. На новостройке их все пацаны боялись и на пути попадаться избегали. Взрослые с ними тоже старались не связываться, потому что Богдан и Сова уже успели по два года пробыть в колонии, и теперь им сопутствовало то таинственное обрамление, которое порядочные люди сами охотно создают вокруг правонарушителей.

Поняв, о ком речь, Славка слегка опешил и уточнил:

— Венька Богданов?

— Ну.

— Он где?

— На посадке.

\* \* \*

Славка и Сизяк прошли по футбольному полю, перелезли через забор, продрались сквозь цепкий, колючий акатник, на котором висели плоские изогнутые стручки, и вышли на лужайку, заросшую ромашкой и куриной слепотой. На лужайке перед разостланной газетой сидели трое: Венька Богданов, Толька Савич и Толькин братишка Валька. Валька учился в одной школе со Славкой, на класс ниже, но уважением пользовался куда большим, чем иной старшеклассник. Он вечно всех задирали, и если кто-то ему отвечал, лез в карман, вроде бы за «перышком». Правда, он ножом ни разу не воспользовался и никто толком не знал, есть он у Вальки или его нет, но узнавать никто и не хотел. Тем более, что у всех перед глазами стоял живой пример. Мишка Скворцов, здоровый девятиклассник, как-то отвесил Вальке шалабан и, когда тот, отскочив, начал шипеть, добавил пендаля. На следующий день Мишке после школы поджидали Венька Богданов и Толька Савич...

Пока шли по футбольному полю, продирались через акацию, Славка все допытывался, для чего он понадобился Богдану. Честно говоря, ему было здорово не по себе. Он не то чтобы трусил, но ноги стали немножко жидковаты и ступали неуверенно.

— Ты чего ему обо мне рассказывал? — допытывался Славка.

— Ничего не рассказывал.

— А зачем он зовет?

— Я почем знаю.

— Говоришь еще, что мы с тобой друзья... Скажи, зачем?

— Сказал, не знаю.



К появлению Славки Богдан и Сова отнеслись как к должному, а Валька сказал:

— В нашей школе учиться.

— И я тебя знаю, — сказал Славка.

— Меня вся школа знает.

Славка глупо улыбнулся и кивнул головой.

— Ты меня звал, Веня?

— Во-первых, я тебе не Веня, а Вениамин Парамонович. Это — раз. А второе: ты сказки знаешь?

— Много знаю, — быстро ответил Славка.

— Про скатерть-самобранку знаешь?

— Такой отдельной сказки нету.

— Не знаешь?

— Не-е-ет.

— А я знаю. Я скажу: скатерть, соберись! И все должно появиться — шамовка и вино. Правильная сказка?

Славка не знал, что ответить. Тогда Веня отбросил иносказания.

— Сизяк говорит, что у тебя гроши есть. Есть у тебя гроши?

У Славки были все те же двадцать шесть рублей. Однако он, не смотря на безмерное уважение к Богдану и на липкую слабость во всем теле, моментально сообразив, что к чему, быстренько ответил:

— Откуда? Мать пенсии за отца еще не получила.

— Мне пенсия твоя не нужна. Ты куда гроши дел, что вы с Сизяком на вине взяли?

— Матери отдал. Сказал: нашел с кошельком. Меня сам Сизяк научил, как говорить.

Богдан исподлобья взглянул на Сизяка, и тот торопливо заверил:

— Врет он. У него деньги. Тридцать пять хрустов я ему лично в руки отдал.

— Ей-богу, — Славка даже перекрестился. — Божусь. Землю есть буду. Матери все до последней копеечки...

Но Богдан не потребовал, чтобы Славка насыщался землей. Он вообще больше ничего от Славки не потребовал, даже не глянул на него ни разочка. Дальнейшее относилось только к Сизяку.

— Понятно, сучара, чужими грошами свой долг хотел прикрыть... Сизяк он и есть Сизяк... Толяка, ты ему разъясни по существу. Иди, Сизый, с Толякой, он с тобой посчитается за должок.

— А куда его водить? — Толька Савич лениво поднялся, коротко замахнулся и врезал Сизяку по уху. Сизяк упал. Сова начал обрабатывать его ногами. Сизяк сжался в комок и от каждого удара становился вроде бы меньше. Вскоре он взмолился:

— Толик, ну Толик, не бей по голове, больно же... Ой, больно!

Сова не отзывался. Работал он сноровисто и методично. Стараясь попасть побольнее, сопел и разжигал себя отрывистыми бранными словами. Слушал Славка непередаваемые слова, и мысль остро колотилась в мозг: «Бьют лежачего... Лежачего бьют!» Прерывисто дыша, Славка смотрел на дикую расправу, и внутри его рос, набухал, распирал все существо немой до спазма протест. Пусть Сизяк подлец, пусть гад из гадов, но ведь и он человек, и нельзя с ним так. Нельзя-а! Нельзя-а-а! Славке хотелось кричать, выть, колошматить налево и направо, но он прерывисто дышал и молчал.

— А ты чего, фрайерок? Валька, дай малолетке пера попробовать, чтобы Сизарю одному не скучно было.

Младший Савич вскочил и сунул правую руку в карман. Славка, как подброшенный, повернулся и помчался через кусты, перекинулся через стадионный забор, пробежал по футбольному полю и направился было к трибуне, с которой недавно ушел. На треке, то нарастая, то отдалаясь, слышался рокот мотоциклетного мотора. Зайпольд еще тренировался, и вскоре его сменит Дмитрий Канарейкин.

И вдруг Славка почувствовал, что все вокруг ему стало неинтересным. Ну, придет он, сядет, будет смотреть на Зайпольда, потом на Дмитрия Канарейкина. И что? Они счастливые люди, их все почитают, они всем нужны. А Славка? Вот сейчас, всего минуту назад его могли побить, могли ударить ножом. И кто бы его пожалел? Мать, дядя, бабушка... а кто еще? «Друг» Сизяк, который, ради того чтобы не платить долг, продаст тебя и выдаст? Его самого «приласкали», год будет помнить... Все они из одной породы — и Сизяк, и Богдан, и Сова... Здесь впервые возникло определение: «Шайка!» Шайка со своими жуткими незаконными законами, где все основывается на страхе и на силе сильного. И он, Славка, совсем близко от этой шайки. Что ждет его, как ему быть?.. Перед Славкиными глазами возник лежащий под комодом серый полотняный сверток. Как быть с ним, куда деть то, что в нем завязано? Выбросить? Надо быть дураком, чтобы бросаться деньгами. Но и с такими деньгами нельзя...

Славку обуяло отчаяние. Он прилег на бровке футбольного поля и, перевернувшись на живот, спрятал лицо в ладонях. Ему не было жалко себя, он не хотел плакать. Ему было просто жутко от той безысходности, в которой оказался. Он терся щеками о ладони и молча кусал губы.

\* \* \*

Ушли деревья отраженными вершинами в темную утреннюю воду, стоят не шевелясь, словно устали и отдыхают после дальней дороги. Славка тоже устал, но не от дороги, не от какого-нибудь тяжелого труда. Устал от переживаний. Он сидит, прислонившись к раскидистому осокору, и выжимает штаны. Перед этим он вылил воду из ботинок и положил их вверх подошвами.

Синяя бабочка тяжело хлопает крылышками и, облетев Славку, садится на выгнутую росную травинку у самых его ног. Видимо, влажная прохлада отяжелела бабочку и сделала смелой. Но Славка убежден, что суть не в прохладе. Просто живое существо чувствует его, Славкину, доброту и потому не боится. Для пущей убедительности он чуть слышно говорит:

— Сиди, бабочка, не бойся. Я тебя не трону.

От собственных ласковых слов и от того, что бабочка вдруг начинает шевелить усиками, словно откликается на человеческую ласку, Славке становится до истомности хорошо, и он уже готов забыть недавние переживания. В конце концов щука ушла не у него, а у дяди Сережи. Попадись она Славке, небось сейчас ходила бы на кукуане как миленькая!

Что верно, то верно: щука ушла у дяди. Огромная была рыбина. Может быть, даже больше двух килограммов. Когда дядя ее тащил, бамбуковое удилище согнулось в крутую дугу, а шелковая леска с поводком из «сатурна» натянулась как тетива и резала воду со свистом. Щука выскакивала, давала свечи, металась, леска свистела, дядя, нагнувшись и выставив далеко вперед левую ногу, держал удилище. Славка, забегая то с одной, то с другой стороны, сорвавшимся голосом хрипло постанывал:

— Щука... ой, щука... ой, дядя Сережа!

И вдруг все кончилось. Блесна вылетела из щучьей пасти, прозвела где-то возле самого Славкиного уха и повисла на кустах. Дядя опустил руки, положил удилище и безнадежно вздохнул:

— Ушла.

— Ушла! Ой, ушла! — заорал Славка не своим голосом, бросился к воде, как был в штанах, ботинках, заскочил в прибрежные заросли осоки и принялся шарить руками по иллистому дну.

Дядя подошел к кусту, отцепил блесну и, поднявшись на десяток шагов выше по течению, снова стал забрасывать леску. Спиннинговых

катушек в продаже не было, о них только писали в разных рыболовных книжках. Поэтому дядя забрасывал снасть с удилища. Брал блесну в руку, раскачивал ее и бросал на всю вытяжку лесе. Делал он это совсем не так, как несколько минут назад. Не было в нем ни прежнего азарта, ни прежнего ожидания. Видимо, здорово переживал.

С чьим состоянием сравнить состояние человека, упустившего двухкилограммовую рыбу в речке, где и стограммовая плотичка ценится на вес золота? Славка думает и решает, что такое же переживает футболист, который не забил одиннадцатиметровый в решающем матче. Идет, например, финальный матч на кубок города. Играют «Зенит» и «Буревестник». Пять минут до конца. Один—ноль ведет «Буревестник». В это время левый край «Зенита» Троша...

— Пупензон, давай дровишек притащи. Супец варить будем.

Дядя помешал Славке домечтать матч до конца, но это не беда. Главное — «Буревестник» выиграл. Ура «Буревестнику»!

— Дядя, я твой плащ надену?

— Надевай.

Поели рыбаки, прилегали отдохнуть. Дядя вскоре уснул. А Славка в думы-мечты ударился. О чем только не передумал, о чем не перемечтал, кем только не побывал за тот час, что дядя сладко посапывал.

Пробудился Сергей Андреевич в тот самый момент, когда Славка сидел за столом с Мишкой-Япончиком и тот учил друга стрелять, не вынимая револьвер из кармана.

Проснулся дядя, хрустнул, потягиваясь, плечами, сказал удовлетворенно:

— Славно я вздремнул. Времени-то сейчас сколько? — поднял глаза на солнышко, сам себе ответил: — Одиннадцатый час. Славно, славно...

— Ничего себе — вздремнул. Спал как сурок. Вот я совсем не спал.

— Кто виноват, что у тебя бессонница?

— Не бессонница. Сила воли у меня. Я, если хочешь знать...

— Полено взглядом расколоть можешь. Ага? Поглядишь, оно и развалится.

— Полено не развалится, а приказать я себе хоть что могу.

— Это кто угодно может. Толку-то.

— У других толку нет, а я...

— Вот и прикажи себе не якать. Ты, Пупензон, на лбу затеши: Я — мель, на которую легко сесть, но с которой сойти ох как трудно. А ты чего не спал, мировые проблемы решал?

— Хотя бы и так.

— Правильно, племяш. В молодости они решаются легче. Зрелым мужьям все представляется сложней. К тому же, если не решить мировых вопросов на детском досуге, в дальнейшем может не хватить времени.

Славка очень не любил, когда дядя говорил с ним насмешливо-снисходительно. Обычно он на такой тон отмалчивался, давая понять, что обращаются явно не по адресу. Но сейчас, подстегнутый своими недавними видениями и еще не избавившийся от переполняющего его чувства превосходства над простыми смертными, на насмешку ответил с вызовом:

— Ну, у тебя-то времени должно хватить.

— Это почему же?

— Оперативники, те заняты, а ты сам себе хозяин.

Дядя то ли не понял намека, то ли не захотел понять. И тогда Славка решил, что более удобного повода для интересующего его разговора не будет.

— Дядя Сережа, ты в органах работал?

— Для кого это секрет?

— Для меня.

— Ну уж, брат Пупензон, прости меня, дурака, что я тебе малую малость не доложил.

— Вот опять ты так. Неужели не понимаешь, когда я говорю серьезно?

— Не всегда понимаю, — честно ответил дядя. — Иногда не могу уловить, где ты взрослый, где — ребенок, а где играешь то в ребенка, то во взрослого. Смотря по тому, что тебе в данный момент выгодно.

— Это и плохо.

— Чего уж хорошего... Ладно, этот вопрос я при случае обмозгую. А насчет органов, конкретно — в Чека работал. Около трех лет. В связи с чем ты спрашиваешь?

— Просто так, без всякой связи. А почему тебя уволили?

— Не уволили, а уволился. По собственному желанию.

— Значит, не вытурили?

— Чего, чего?

— Дядя Паша сказал: вытурили.

— Этот нэпач расскажет, слушай больше.

— А почему сам ушел? Ведь Чека — это... По-моему, лучше работы нет. Им даже наган носить разрешено. Все тебя боятся, а ты — никого.

Дядя сломал веточку, заострил ножом. Ковыряя в зубах, с веселым любопытством посмотрел на племянника.

— Своеобразный взгляд на общественную роль работников Чрезвычайной Комиссии.

— Сыщик! Как ты не понимаешь!

— Ты объяснил, теперь понял. А ушел я не по прихоти, а по болезни. Да и учиться надо было.

— Вот и учился бы на сыщика. А то — выучился. На заводе работаешь. Будь я в Чека, я бы вообще ни о какой учебе не думал. Только стрелял бы с обеих рук и разные бандитские штучки изучал.

— Выходит, и сыщику без учебы нельзя.

— Смотря какая учеба. Пифагоровы штаны во все стороны равны. Это, что ли, сыщику нужно?

— Тоже не помешает, хотя, конечно, не главное.

— Вот видишь. А про следы, про пепел от разных папирос, про все такое я бы от зубов отщелкивал... Дядя Сережа, а сыщики — люди дружные?

— В принципе им без этого нельзя.

— Правильно. И ворами — тоже нельзя. Знаешь, какие воры дружные? Один за всех, все — за одного.

— Откуда такое проникновение в воровскую психологию?

— Митька Сизяк рассказывал...

— Вот оно что... Тогда конечно...

Разведя руками, фасонно вскинув голову, дядя даже глаза закрыл.

— Скажешь, не дружные? И честь у них своя, и совесть.

— Тоже Митька просветил?

— А ты не смейся.

— Какой смех, если у тебя такой дружок-просветитель появился. Митька Монтестье. Видимо, и я и мать тебя действительно недооценили. И насколько же глубоко ваша дружба зашла? Руки-то у тебя хотя бы чистые?

— Не понимаю.

— Ну, ничего к ним чужое не прилипло?

— Ничего.

Славка соврал, но соврал искренне, потому что впрямь считал, что изъятие бутылок из мужицких возов дело больше лихое, нежели под- судное.

— Слава богу. А насчет воровской чести, совести, дружбы... Не честь это, самая обыкновенная круговая порука.

— Порука — когда один другого выгораживает, вор просто не выдаст своего. А вообще все воры друг другу помогают.

— Как в волчьей стае — наваливаются всем наличием. Вообще-то нынешнее ворье я бы даже волчьей стаей не назвал. Волки кончились вместе с нэпом, осталось шакалье. Волки действовали по-волчьи, в открытую. А шакалы — из-за угла. Собьются гуртом и обчищают одиночек. Ни опасности, ни риска. Ты знаешь, что твои приятели пьяных обшаривают?

— Они им урок дают.

— Что еще за урок?

— Не напивайся, где не надо и с кем ни попадай.

Дядя хмыкнул, приподнялся на локте, сказал протяжно:

— Ор-ригинальная трактовка. Смотри-ка ты, благородную базу подвели! Обшаривают пьяных в назидательных целях. А ты не поинтересовался: учет у них ведется, скольких они своим методом от пьянства отучили?

— У них бухгалтерии нет.

— Ошибаешься, малую малость. Бухгалтерия у воров есть. Когда они в артель сходятся, учет там — дай бог нашим учреждениям. Насчет этого тебе не говорили?

— Нет.

— Как это они упустили такой момент просвещения. Впрочем, надеюсь, повода не было. Не зашел ты, видимо, слишком далеко. Понимаешь: на счастье. А то сидел бы ты вместе со своими приятелями и смотрел на небо в клеточку.

— Ну и что, подумаешь. Год-два посидят, а потом — полная свобода.

— У жулья-то свобода?

— А ты думаешь. Говори что хочешь, делай что хочешь.

— Ты пробовал?

— Что?

— Пробовал говорить вора́м правду-матку в глаза? Сказал бы: вот, мол, человек месяц работал, у него детишек куча. Получил свои законные триста-четыре́ста рублей, идет домой. Мечтает, как жене деньги отдаст, как она хорошей получке обрадуется. Она ведь еще не знает, что муженьку ее, ударнику, сегодня премию дали. В отдельном конвертике полсотни рублей за досрочное освоение новых изделий. Он вначале о премии не скажет. Отдаст законную получку, а когда жена деньги в комод спрячет и ужин поставит, он ей конвертик в руки: тут, мать, еще от дирекции ребятишкам на молочишко...

За кустами, выше по реке, возникло и, нарастая, окрепло протяжное тонкоголосое «ци-и-и». Из-за приклонившегося к земле молодняка вылетел голубовато-зеленый остроклювый шарик и малахитовым видением промелькнул над вросшими в прозрачное зеркало поплавокками. У шагнувшей к реке тальниковой поросли утишил полет и, зацепившись хваткими коготками за сучок, закачался над омутком.

— Зимородок, — ласково сказал Славка. — Вот уж красавец, так красавец.

— Неряха, — пренебрежительно отмахнулся дядя Сережа. — Таких выселять надо и исключать из кооператива.

— Ишь ты... Вон он какой изумрудненький, а снизу — как рубинчик.

— От этого рубинчика вонь — хоть святых выноси. Помойка и то легче воспринимается.

— Откуда вонь, если он купается с утра до вечера... Вон, смотри, смотри!..

Пичуга, до того таившаяся без признаков жизни на успокоившейся веточке, внезапно юрким комочком упала в воду и тут же, выскочив,

вертикально приподнялась над поверхностью и остановилась, часто, часто работая крылышками. В клюве ничего не было.

— Промохнулся, — с сожалением сказал Славка. — Чистюля он, а не неряха.

— Ты к норе его подойди, понюхай минуточку-другую. Противогаз надеть захочется.

— А почему?

— Не чистит зимородок своего гнездовья, копится там всякая всячина. Чешуя рыба, кости и все, что от жучков-паучков остается.

— Если все нюхать, то вообще красоты не поймешь. Всякое красивое чем-нибудь да пахнет. Скажешь, нет?

В ответ на Славкину мудрость дядя улыбнулся и согласился:

— Вообще-то правильно. Красотой наслаждаться надо, а если ее по косточкам разбирать, один пшик разглядишь.

Потрепетал зимородок над водой, потрепетал и улетел. Опять вокруг истомное ленивое безмолвие. Хотя и не тянет разговаривать, но Славка намерен завершить значительную беседу. Потому напоминает:

— Ну, говорит он жене: «детишкам на молочишко». И что?

— Какое молочишко?.. А, ты вон о чем... Да нет, не говорит еще, только мечтает. Пока он только идет, домой торопится. Вдруг четверо из-за угла: «Гоп-стоп! Не рыпайся, фрайер». И получку забрали, и то, что от дирекции. Месяц человек хрип гнул, чтобы семью одеть, обусть, прокормить чтобы. А теперь с чем он к родным придет? Те же сволочи, чей весь труд — ножичком поиграть, кровные его денежки либо пропьют, либо прогуляют ни за понюх табаку. — То, о чем говорил, видимо, волновало дядю донельзя. Он произносил фразы торопливо, глотал концы слов, будто спешил, боясь сбиться с мысли. — Мне с этой нечистью в свое время пришлось повозюкаться. Много я тогда всякой швали перевидел. И, веришь, до сих пор радуюсь, что избавлял мир от скверны.

Тут Славка и вставил нешуточный вопрос, который донимал его с того самого момента, когда он точно узнал, что дядя — бывший чекист.

— Дядя Сереж, стал бы я вором, попал тебе на деле, пришлось тебе стрелять. Ты бы стрельнул?

— Пришил бы как собаку. На войне как на войне.

— Какая же это война, если только человека ограбили. Если убили, тогда еще можно сравнить...

— Та же гражданская. Белые, зеленые, серо-буро-малиновые шли против нас, и дрались мы с ними не на жизнь, а на смерть. Ворье, бандюги, всякая другая нечисть тоже против нашей власти. Мало разве случаев, когда на гражданской отец в сына стрелял, брат — в брата?

— Сейчас не война, а жуликов и у капиталистов полно.

— Те, думаешь, их на руках носят?

— Еще скажи! Там такие сыщики. Даже бюро Пинкертон есть.

— Пинкертон — между прочим. Вот полиция со всей современной техникой — другое дело. Оберегают себя буржуи, ничего не скажешь. Средств не жалеют. У нас таких денег пока нет. Но и мы отребью бесчинствовать не дадим. Ты мне говоришь: ограбили человека, какое это отношение к революции имеет? Самое прямое. У пострадавшего мысль появляется: что ж это за власть, если она своих граждан от насилия защитить не может? Обывателю только повод для разговора дай, он из мухи целый зоопарк сделает. Будь я наверху, каждое организованное преступление приравнивал бы к политическому и соответственно карал. Иногда, Пупензон, смертная казнь не жестокость, а благо. Для общества благо. Перевоспитать преступников, конечно, желательно, но с этим мы, к сожалению, частенько запаздываем. А уж если он рецидивистом стал и полжизни в тюрьмах провел, его на путь истинный наставлять накладно. Это уж ты моему опыту поверь. Зато вроде тебя

романтиков он своими байками очарует, запряжет и будет ездить. Одним словом — пахан. Таких паханов надо пачками к стенке ставить. Это — зараза, чума, с ней и бороться надо как с чумой — под корень.

Едва дядя, задумавшись, замолчал, Славка моментально выставил соображение:

— Жестокость не искореняет преступления, она делает преступника изощренней.

— Явно сдугая мысль, — дядя усмехнулся и провел ладонью по своему ежику. — Слышал или прочитал?

— Прочитал, — сознался Славка. — Где — не помню.

— Не карайте, мол, преступничков, организуйте лекции о светлом будущем, в них совесть и пробудится. Так там написано?

— Трудом надо перевоспитывать... И лекциями, конечно.

— Ох и расцвели на советских харчах борцы-теоретики. Такой трактат о воздействии на совесть тебе преподнесут, куда Чезаре Баккариа. В расчет не берут, что иному тюрьма матерью родной стала. По мне, коль гражданин заблудился в жизни, благодарить должен, что ему из лабиринта выйти помогают. А если он сам выходить не желает, если ему сердцещипательные наставления как покойнику микстура? А растление душ малолетних, таких вот как ты, например?

— Что это, все я да я... — обиделся Славка.

— Наглядный пример под руками. Ты ведь небось прежде чем деньги под комод засунуть, не одну сентенцию от новых своих приятелей выслушал? Кстати, что за деньги, обворовали кого или по карманам лазили?

— Ты что?

— Может, двадцать шесть рублей без твоей помощи под комод сгинули? Завернулись в холстину — и нырь, а ты о них и слухом не слыхал. Так, что ли?

Настолько не ждал Славка вопроса, так поглотили его отвлеченные рассуждения, что он покраснел и то не смог. Только часто, часто задышал, все внутри у него стало опускаться и неприятной тяжестью остановилось в низу живота. Отчаянным усилием принудил себя шевельнуться и жалко улынулся, не в силах сосредоточиться, чтобы ответить. А дядя не торопился, лишь смотрел, чуть подрагивая веками. Ни раздражения не было на его лице, ни любопытства, только уголки приопущенных губ выражали то ли брезгливость, то ли презрительную усмешку.

Славке подумалось: настолько он дяде неприятен, что тот говорить с ним принуждает себя через великую силу. И, словно впитав дядино состояние, на какой-то момент самому себе стал тоже неприятен и ощутился как бы со стороны. Подумалось: лучше бы мать. С ней проще. Изошлась бы в крике, похлестала «самоучителем», потом расплакалась, и оказались бы они в положении, когда не знаешь, кто кого жалеет. Он, разумеется, не сказал бы матери правду. Нашел деньги — и все. Хотел на себя истратить. Это плохо, он понимает, но никто не виноват, что у них мало денег, а повезло ему, может, единственный раз в жизни. А что говорить дяде?

Молчание длилось уже долго, и звонкая тишина стала давить Славке на уши. Как дядя узнал о деньгах, от кого? И почему именно он? Зачем ему под комод лазить? Может, только Рок вынюхал? Что мать не знает — наверняка. Она бы не выдержала, на весь дом истерику устроила. Мысли теснились, налезали друг на друга, и из их обилия Славка никак не мог выбрать какую-нибудь подходящую, которой дядя поверил бы. Не найдя правдоподобной лжи, Славка в мудром озарении отчаяния вдруг решил: правду! И сразу стало легче.

— Не сами. Я положил. Мы водку резали.

— Надо понимать, ночами, когда мужики по магазинам развозят? С Сизяком? Он надоумил?

— С одним человеком. Не с Сизяком.

Здесь уж Славка решил стоять насмерть. Пусть дядя делает что хочет, но напарника не узнает. Есть закон: попался сам, не выдавай товарища. Хотя дядя и говорит, что у воров нет ни чести, ни совести, но ведь Славка не вор. У него есть и честь и совесть, все у него есть... Ни о ком у него дядя не выпытает.

Но дядя ничего выпытывать и не стал. Потеребил верхнюю пуговицу рубашки, посопел немного и тяжело спросил:

— И на сколько же вы напотрошили?

— На семьдесят рублей.

— Непонятная цифра. Со скидкой, что ли, торговали?

— Пять рублей.

— Получается — на восемьдесят четыре... И за сколько же заходов?

— За два.

— Недурственно барышничали. Рабочему за такую сумму четыре дня спину гнуть надо, а два малолетних жулика за пару часов обтяпали... Числа помнишь?

Славка назвал обе ночи. Не понимая, зачем это дяде, спросил.

— Чтобы знать, у кого тебе прощенья просить. Деньги вернуть и просить прощенья. Русский человек отходчив, глядишь, обойдется.

— Не буду. — Славка, удерживая слезы, отвернулся и упрямо повторил: — Не буду прощенья просить.

— Будешь, мерзавец, будешь! Умел шкодить, умей ответ держать... — Дядя мелко застучал кулаком по земле и заговорил через сжатые губы: — Он не будет!.. Ты же, дрянь, может, людей под петлю подвел. Живешь за материнской спиной, страна тебе за отцовские заслуги пенсию платит, а ты... Тебе твоя ворованная доля шутя свалилась, а как мужик за рубль спину ломает, ты знаешь? Как вообще честному человеку деньги даются, представленные имеешь?

— Они все жадные. Деревенские молоком торгуют. Рубль литр. Федосья Николаевна вон...

— Сравнил огурец с лаптем. Та действительно корову из жадности держала. А деревенские — от нужды. Для него корова — кормилица. Полагаешь, от великого жира мужики подражаются ночами вино по магазинам развозить? Они бы и поспать не прочь, за день небось вусмерть урабатываются, да семью содержать надо... Я тебя, связанного, к ним доставлю, чтобы ты на коленях прощенья вымолил. Это ты себе на носу заруби и ворованными рублями припечатай! Не будет... Он, видите ли, не будет... Подлец!

Столько негодования было в дядином голосе, столько гнева, что Славка не на шутку перетрусил и ничего не смог ответить. Да и не нужно было отвечать, потому что по тону дядиному, по всему его облику Славка чувствовал, что ни в каком ответе дядя в этот миг не нуждается.

Пока собрались, пока двинулись домой, дядя поуспокоился маленько. Тут Славка и подпустил жалобного леща:

— Дядя Сереж, а может, не надо прощенья просить, может так?

— Как это — так?

— Я тебе честное слово дам, что больше никогда, никогда. Честное пионерское!

— Ну, что впредь никогда, в этом я и не сомневаюсь. А насчет «честного пионерского» — это для меня что-то незнакомое.

— Да ты что? Честное пионерское — самое честное из честных. Честней и нет ничего!

— Не знаю. Не слыхал. Если человек дал слово, это уже само по себе — ручательство честью и ни в каких дополнительных подкреплениях не нуждается. Ни в пионерских, ни в комсомольских, ни тем более партийных, ибо обещание партийца это уже — не слово, а клятва.



Так я расцениваю. Иначе как беспартийному быть? Ему чем слово узаконивать?

— Беспартийные божатся. — Нашелся Славка.

— Так ведь бога нет, — тут же возразил Сергей Андреевич.

После этих слов дядя с племянником хитро переглянулись и засмеялись. Решив, что его дело в шляпе, Славка уж совсем панибратски сказал:

— Клянусь, никогда в жизни...

— Перед людьми поклянешься. Принародно клятва прозвучит надежней, да и запомнится верней.

Все. Больше говорить не о чем. Зашагали не разговаривая. И показался Славке путь до дома долгим-долгим.

Уже войдя во двор, позже даже — когда Славка подходил к калитке своего сада, его остановил дядин вопрос:

— Так все-таки Сизяк или не Сизяк?

— Ты что, из меня предателя хочешь воспитать?

Так вопросом на вопрос ответил Славка, и дядя ничего не сказал. Хлопнул дверью, а Славка и не оглянулся.

\* \* \*

Новость за новостью. Дядя Сережа был у Лобановых. Сизяк пропал.

Почему Женька Лобанов об этом сообщил Славке? Потому, что братец испарился сразу после того, как Сергей Андреевич Строков уединился и долго беседовал с Лобановым-старшим. Даже не после исчез Митька, а во время разговора.

— Они в дальнюю комнату ушли, — Женька приглушил голос, хотя поблизости никого не было. — А окошко там открыто. Митька в кустах затаился. И больше его никто не видел. Батя вышел красный вест, с голоса сорвался: «Где Митька?» А я откуда знаю? Батя совсем сиплым стал. Велит: «Найди!» Дядя твой тоже вышел, что-то сказал и через сад к себе потопал. Я Митьку на чердаке посмотрел, на стадион сгонял, нигде нет. Что-то он, видать, усек и подорвал. Ты его вчера-позавчера нигде не встречал?

— Не-е...

— Вообще-то хорошо, что подорвал. Отец ему такую клизьму закатал бы, месяц на пузе корячился. Такой батька еще не был. Аж глаза опухли. Чего к нам твой дядя приходил, Сизяк ему что-нибудь подложил?

— Не говорил ничего дядя. Не знаю...

Славка отделался полуправдой, но она ему не мешала, потому что он уже испытал прелесть освобождения от позорного секрета. Великую справедливость сурового прощения он познал, когда дядя привез его в Мясниково (обиженные Славкой и Сизяком возчики оказались из Мясниково) и в избе Арсения Ивановича Лаврова произошло объяснение. Славка понимал Сизяка, но не жалел. Тогда у реки, когда дядя спросил насчет денег, первым Славкиным желанием было сделать то, что сделал Митька, — бежать. Бегство откладывало объяснение, на какое-то время отдаляло кару и само по себе было поступком, вселяющим надежду. Скорее всего именно подобное состояние владеет людьми, пускающими в ход оружие в безнадежных ситуациях и тем усугубляющих свою вину.

Но Славка не побежал. Не потому, что сознавал временность и бесполезность действия. Где-то в тайниках существа он внезапно ощутил опустошенную легкость не души, но тела. Мысли были сбивчивыми, тревожными, мозг еще не избавился от сознания опасности, а тело уже наполнилось волнующей силой и жило как бы самостоятельно, независимо от рассудка. А вслед заработала и мысль: «Ну, убегу, а

дальше? Дальше будет тошней, потому что придется возвращаться». Почему-то представилось: увешанная репьями куца собачонка, обтирая брюхом пороги и дрожа обрубком хвоста, вползает на крыльцо.

Женька посмотрел сквозь него и, следуя своим мыслям, сказал: — Если встретишь Митьку, скажи, пускай домой идет. Мать, скажи, убивается. А что отец врежет — перетерпит. Без дома совсем пропадет.

Славка согласно кивнул и поинтересовался:

— В милицию заявили?

— Мать говорит надо, а батя против. Никуда, говорит, не денется. Жрать захочет — явится. Третий день нынче пошел. Где-то ведь каляется и лопают что-то. Если где увидишь, может, случайно...

— Обязательно скажу.

\* \* \*

Господин Случай, послушайте! Откуда Вы, зачем Вы? Существует себе человек и существует. Кошмары его не мучают, вовремя встает, вовремя укладывается спать... Короче говоря, живет себе и в ус не дует. Вдруг — на тебе! Появились Вы, господин Случай, и все полетело вверх тормашками. Не думал человек, не гадал и внезапно стал центром событий. Те, на кого он вчера молился, его славословят, он таит, готов забыть не только обещания свои и клятвы, себя готов забыть, и кто знает, в какую сторону все может пойти. А то и не пойти — обернуться прахом, загреметь безвозвратно ко всем чертям...

Шел Славка по Букановскому переулку. От улицы Советской к улице Колхозной. Давненько он здесь не хаживал — с тех самых пор, как их дружба с Шуркой Винокуровым дала перекосяк. И вдруг нынче, после разговора с Женькой, ни с того ни с сего вспомнил, что живет на белом свете такой Шурка Винокуров, с которым они когда-то были друзьями не разлей водой, решил его проведать. Придя, нарвался на сюрприз: уже полгода как Винокуровы переехали в Москву, а в их квартире поселились какие-то Черемисины. Поцеловал Славка пробой, отправился домой. И надо же, чтобы неожиданная встреча состоялась не только в этот день и час, а именно в эту минуту! Всего шагов десять отделяло Славку от улицы Колхозной, а дальше маршрут транзитный — поворот направо, трамвайная остановка, вагонный буфер, улица Первомайская.

Всего-то десять шагов идти Букановским переулком. Четверть минуты, а то и меньше, если по времени. И пожалуйста, вот он Вы, господин Случай!..

\* \* \*

Из-за поворота навстречу Славке вывернули трое. Первым шагала Венька Богданов, а метра на два сзади милиционер и пожилая дамочка лет тридцати. Дамочка, размахивая руками, норовила дотянуться кулачками до Венькиной спины, а милиционер ей препятствовал.

Славка привык видеть Веньку Богданова одетым в чистенький, отглаженный костюм, при кепке-восьмиклинке и сапогах гармошкой. А тут — кепки нет, волосы растрепаны, левый рукав пиджака держится только на бахrome, брюки грязные... От всегдашнего Веньки если что и осталось, то одна гармошка на сапогах. Ну и дела... «Засыпался Венька, — подумал Славка. — На базаре припух (улица Колхозная, как река в озеро, втекала в базарную площадь). Вот это да...» Непривычное явление ошеломило Славку, и он как остановился посреди тротуара, так и стоял до тех самых пор, пока группка не подошла почти вплотную. Отшагнул лишь тогда, когда милиционер цыкнул незлобиво:

— Эй, шкет, возьми в сторону. Тут тебе не зверинец.

Славка отодвинулся, давая дорогу. Но в этот момент Венька ему чуть подмигнул и незаметно для остальных поманил пальцем. Славка,

конечно, мог сделать вид, что не понял, но преклонение перед Венькиным авторитетом было в нем настолько произвольным, что он, неожиданно для самого себя, сделал шаг вперед и уже открыл было рот, чтобы спросить: «Чего тебе, Веня?» Но спросить не успел, потому что тело его вдруг потеряло опору и он ласточкой полетел под ноги милиционеру. Что было дальше, он не видел, потому что, падая, милиционер крепко стукнул его по носу и из носа потекла кровь. Больше от страха, чем от боли, Славка заорал благим матом и закрыл глаза.

Когда он их через несколько секунд открыл, вокруг уже стояла толпа и тягуче, на одной ноте шумела. Вдруг из толпы, растолкав ее тесноту, вывалилась животастая тетенька и, нагнувшись над Славкой, запричитала:

— Убили... Ребенка убили... Ты жив, милай?.. Хорошо еще, что не до смерти убили... А нос-то у него на боку... Ах ты, матушки... Всю личность изуродовали ребенку... Вот она, милиция-то какая... Ох ты, господи...

Славка хотел было добавить вопля, но в этот момент толпа расступилась, пропуская того милиционера, а за ним еще двух незнакомых. Знакомый подошел к Славке, поставил его на ноги и сказал сочувственно:

— Попал ты, малый, в переplet, ну и ну... А этот-то стервец, вот уж видать, кто стреляный... Скажи на милость, как он ловко все обтыпал. И тебя-то я здорово зашиб.

Другой милиционер, из незнакомых, вдруг пронзительно взглянул на Славку в упор и спросил:

— А может, вы заодно? Может, ты кореша вызволял, а? Ты, Родионов, подожди. В отделение его надо, проверить... Я кого спрашиваю: вы, может, с одной малины? — он положил Славке руку на плечо и легонько повернул к себе. — Чего молчишь, тебя спрашиваю? Бандит — твой кореш, да?

Славка, поняв о чем вопрос, энергично замотал головой.

— Ой, малый, врешь. По глазам вижу — врешь. Ты, Родионов, сам подумай: не случайно все это. Веди-ка в отделение его, там разберутся.

— Ты что, петух, очумел, что ли. Тебе только тащить кого ни попадя. — Животастая тетенька схватила Славку за руку и потянула к себе. — Мальчик чистенький, вон какой лапушка... А тебе городovým при царском режиме — в самый раз.

— Осади, тетка, за режим и привлечь можно. Я ведь при исполнении.

— Ты и исполний, а то нашел, над кем изголяться. Спасибо хоть до смерти мальчика не убили. Мамка что теперь ему скажет... Кровищи-то, кровищи сколько нахлестало...

Славка, чуя защиту, потянулся к ней, стараясь высвободить плечо из ладони милиционера, но тот пальцев не разжал, и Славка приостановился в нерешительности. Ему было больно, страшно и сильнее всего хотелось домой. Он ведь на самом деле никакого отношения к Веньке Богданову не имел. Все, что произошло, произошло помимо его воли. И вдруг — отделение! Начнут допытываться, докопаются, что он с Венькой знаком, даже на посадке видел. Потом с бутылками выплывет... И тогда Славку обязательно арестуют.

— А вы, гражданочка, может, сами из преступного мира? Больно уж идейно заступааетесь...

Эту фразу милиционер произнес на Славкино счастье. После нее поднялось такое, что Славку страж порядка отпустил, потому что гражданка, оказавшаяся активисткой какого-то женотдела, шум подняла несусветный. Симпатии окружающих были, безусловно, на стороне униженных и оскорбленных. Поэтому, едва Славка сделал попытку вы-

браться из центра событий, людская стена безмолвно перед ним раздвинулась, а после его исчезновения так же плотно и безмолвно сомкнулась.

\* \* \*

Вскоре после Славкиного возвращения развернулись основные события.

Ходоком был Валька Сова.

Когда он сообщил, что кодла ждет Славку на хазе, Славка задал самый глупый вопрос, который только мог задать:

— Зачем?

— Придешь — увидишь.

— Никуда я не пойду.

Славка был еще полон недавних переживаний и трепетал от одной мысли, что матери (ее, на счастье, не было дома) придется объяснять, почему опух нос и кровь на рубашке. Ведь мать ни за что не поверит ходовому объяснению — «упал». Она непременно приплетет драку, станет выпытывать: с кем, из-за чего. Истина ей, конечно, и издали не покажется, а предположения посыплются самые нелепые.

Валька Сова Славкиных соображений не знал. Он вообще ничего не знал. Ему было сказано коротко и ясно: «Доставь того малолетку, которого Сизяк на посадку приводил». Поэтому о том, что Славка не пойдет, и речи быть не могло.

— Пойдешь как миленький, куда ты денешься...

И Славка пошел. В самом деле, куда денешься?

Шли долго. Миновали кладбище, Рогожинский ручей. Слева от дороги стелилось ровное поле с бугорками учебных окопчиков, неподалеку высилась небольшая церквушка, которая, казалось, вышагнула за гору и остановилась, не зная, куда подаваться дальше. Когда-то здесь тоже было чье-то кладбище, потом его то ли забросили, то ли куда перенесли, а церковка осталась доживать немеренный свой век. Когда дошли до церковной ограды, Валька сказал Славке: «Постой тут». Сам взбежал на паперть, поднес ладошку козырьком к глазам и долгонько вглядывался в сторону, откуда они явились. После этого покружили около строения и повернули обратно к ручью. Попетляв немного, вышли к деревянной будке. Видимо, когда-то предполагалось, что в будке будет жить охранник посадки, поэтому при строительстве ее оборудовали лавочками и врытым в землю небольшим квадратным столиком. Имела будка дверь, которая плотно не закрывалась, и выбитое окошко. Зимой сторожка всегда была полна снега. Отдыхая во время лыжных прогулок, Славка иногда укрывался здесь от ветра.

По сравнению с зимой будочка не изменилась. Та же полураскрытая дверь, то же крохотное незастекленное окошко. Только и различия, что было вокруг зелено да в ногах деловито ворковала прозрачная вода. Тем не менее Славку что-то испугало. Он почувствовал, что там, внутри будочки, люди, они ждут его прихода, и как встретят — неизвестно. Страх перед грядущим на какой-то миг пересилил все остальные соображения, и Славка рванулся вдоль ручья. Но тут же прирос к месту, остановленный тихим властным голосом:

— Маслину заработать хочешь?

На пороге будки выросла широкоплечая фигура. Парень лет двадцати. В нем, даже на первый взгляд, все было непомерно — рост, плечи, голова, которая казалась еще больше от русых кудреватых волос, падавших на правый глаз тяжелой волной. Было в парне что-то решительное и жуткое, от чего Славка сразу обмяк и потерял способность соображать. Некоторое время он действовал машинально, безотчетно повинувшись чужой команде. Ему велели войти, он вошел, подтолкнули к углу, велели не шевелиться, он замер. Чувствовал себя Славка очень неловко, как будто его раздели и голого поставили на погляд. За сто-

лом сидели трое: Венька Богданов, Толька Савич и тот, чубатый. Валька Сова стоял в дверях. Славку обезволило упоминание о маслине. Он знал, что маслина — пуля, и был уверен, что для людей, которые сидят перед ним, убить человека — раз плюнуть. Зачем его сюда привели, что от него хотят, он не представлял. Видимо, днем в Букановском переулке он сделал что-то не так. Или наоборот — не сделал того, что нужно было сделать. И теперь вот... Что будет теперь, он не мог предположить, и это подстегивало переживания. Жуть усугублялась еще и тем, что в тесноте сторожки голоса казались раскатистыми, зловещими.

— Слышь, сопля, не дрейфь, с тобой люди говорить будут... — Чубатый за руку притянул Славку к себе. — Понимаешь: люди.

— Я понимаю, — Славка напрягся, отгоняя страх.

— Ты Богдана заложил?

— Как... Кому?

— Ментам... Легавам... Заложил?

Славка отчаянно замотал головой.

— Тебя в отделе кололи? Для протокола что говорил? Про Богдана что спрашивали?

Парень задавал вопросы быстро, не давая Славке подумать над ответом. Но то, что он спрашивал, и не требовало обдумывания. В отделении Славка не был, никакого протокола не составляли. Так он и ответил.

— И завтра не велели приходить? И адреса не записали?

Голос парня звучал уже не так требовательно и резко.

А Славка, освоившись и поняв, что к чему, окончательно пришел в себя, и куда страх его девался.

— А я бы сказал?

Где-то в глубине души Славка уже жалел, что сгоряча отрекся от отделения милиции, от протокола. Надо было сказать, что его забрали и стали допрашивать, а он ни в чем не признался. В чем он должен был признаваться, он, правда, не ведал, но не признался, и все тут. И о Веньке Богданове спрашивали, но он... Внезапно Славка вспомнил, что о Веньке милиционер его спрашивал.

— Про Веньку что сказал?

— Ничего не сказал. Подорвал.

— Так просто от ментов не подорвешь, — в голосе Веньки открытое неверие.

— Ну да, ты подорвал, а я, думаешь, хуже бегаю?

Чубатый засмеялся, отпустил Славкину руку и посмотрел на него как-то иначе. Уже не строго, а с веселым удивлением.

— Рекордсмен, видать?

— Не рекордсмен, но бегаю... ничего...

Некоторое время блатные говорили между собой вполголоса, потом вдруг Венька вроде бы подвел итог:

— А что, он и в натуре ничего не сказал. Малолетка — человек свой. Я ему только мигнул, он сразу понял, что к чему. Верно?

Славка радостно закивал головой.

— Я ему мигнул, он менту в ноги пал, а я в проходак и — ходу. Необрази малолетка, давил бы я сейчас нары.

Чубатый одобрительно кивнул, а Славка вдруг из отчаянного труса в собственных глазах произвелся в героя и купался в лучах своей храбрости и сообразительности. Ведь все правильно: не попадись он на встречу, сидел бы сейчас Венька как миленький. А насчет того, что сам Славка бросился в ноги менту или было по-другому, — какая разница. Так или иначе, как только Венька позвал его на помощь, он сразу помог.

Славка не сообразил, конечно, что блатные на всякий случай пугают его. Кто знает, может, малолетку отпустили не случайно, может, его «ведут». Узнали, где он живет, и теперь устроят игру. Так пусть

считает, что Богдану помог по собственному почину и поэтому в глазах милиции главный виновник побега — он. И Венька не жалел красок:

— Думал, совсем кранты. Мадама меня засветила. Я тебе, Толяка, говорил: та, которой мы с тобой на Штыковой гоп-стоп устроили. Она меня на базаре сфотографировала. Хитро так. Не орала, ничего, сразу менту стукнула... Я ей говорю: гражданочка, ошиблись вы, я сам из бригадмилов... Хотел уйти, она так на клифте повисла, что я ее только вместе с рукавом стряхнул... Вовремя ты, малолетка, поспел... Верно я говорю: свой ты.

— Конечно, свой!

\* \* \*

Как тут судить Славку? Люди, куда более умудренные жизнью, разнеживаются и линяют под лестью, а что спрашивать с тринадцатилетнего? Забыл Славка обещание, которое дал дяде, забыл о позоре, пережитом в Мясникове, о неизбежной каре, обо всем на свете забыла возвеличенная шестерка, которую неожиданно обласкали валеты. Скажи ему в эту минуту: пойди туда-то и сделай то-то... По самому тернистому пути пойди, самое злонамеренное дело сделай, он, наверное, пошел бы, сделал, ибо душевное его наслаждение было безмерным и безрассудным.

«Какие все же чудесные люди урки, какие они простодушные и чуткие! Не случайно к ним тянутся пацаны, которым дорога вольная жизнь. Вот кто понимает и уважает человека!» Поэтому, когда поднесли чуть не полстакана водки и предложили выпить за блатную жизнь, Славка глотнул без раздумий. В книжках он читал, что впервые выпивающий испытывает комплекс неприятных ощущений: горечь, жжение, дыхание перехватывает... Ничего подобного! Славка выпил и даже закусывать не захотел. Зажевал кусочком колбасы, а от консервов «Судак в томатном соусе» и «Язь в томатном соусе» пренебрежительно отмахнулся. Ему тут же снова налили четверть стакана, и он снова выпил. Занюхал хлебной корочкой и приготовился выслушивать дальнейшие комплименты.

Но компании было уже не до него. Напрасно он дергал Веньку за рукав, пытаясь восстановить утреннюю картину: «Как я эту тетку пихнул на мента, а сам ему в ноги... Он меня за шкуру, а я...» «Законники», которым малолетка уже был не нужен, решили, видимо, развлечься и налили Славке еще. Славка хватанул, ему захотелось есть, но у него не получилось. Колбасы уже не было, а консервы никак не держались на кончике ножа. Тогда Венька посоветовал: «А ты по-собачьи — мордой в банку». Совет показался Славке благим, и он поднес консервы ко рту.

Острые неровные края банки, вспоротой ножом, царапали губы, язык, но есть очень хотелось, и Славка, чавкая уже не по-собачьи, а по-пороссячи, прильнул к закуске. Банка, как и все вокруг, почему-то ходила ходуном, и заглатывать пищу было очень неудобно. Толька, потешаясь, взял одной рукой Славку за затылок, а другой прижал банку к носу. Славка тянул в ноздри тягучую острую жижу и замахал руками, отбиваясь от весельчака. Тот отстранился. Резанув кончик носа, банка скользнула по Славкиной груди, упала на колени. Остатки соуса потекли по брюкам, образовав кроваво-красное разводье. Славка, откашлявшись, посмотрел на пятно, обвел мутным взглядом смеющиеся физиономии и сам бессмысленно засмеялся. Ему было не обидно, ему было невообразимо умирительно и весело. Из туманного сознания выплыла дядина ложь о том, что эти люди не потерпят Правды. Какая ерунда! Такие великолепные ребята!.. Да они все, все понимают. Если не им, то кому же и сказать Правду? С ними никто никогда не говорил по душам. Их все притесняют, все норовят сделать им плохо, вот они и обозлились. А с ними надо откровенно, они тогда все прочувствуют,

и всем будет хорошо. Всем станет хорошо, вот как ему сейчас, и все, как он, будут рады.

Щедрый в своем довольстве, Славка прислонился к чубатому — его звали Большой — и принялся высказывать свои соображения. Тот сперва отстранился, потом повернулся к Славке и начал смотреть на него заинтересованно. Славку это еще больше вдохновило, и он заговорил, по его мнению, совсем убедительно. А когда на него обратили внимание и Венька Богдан, и Толька Сова, Славка окончательно понял, что не ошибся в этих замечательных людях. Вон как понимающе они смотрят на него, как впитывают истину, и, конечно же, созрели для того, чтобы с этой минуты поступать человеколюбиво и правильно. Покоренный собственной велеречивостью, Славка говорил со старательным проникновением и растроганностью:

— Он получку... заработал... дома восемь... десять дома ртов... А ему: отдай! Пацаны голодные... Жена вусмерть... Вы же не вредители... Костя-капитан... Беломорканал... Правда же, ребята... — ни мгновения не сомневаясь, что высказался убедительно и последовательно, Славка положил руку на рукав Большого, икнул и добрался до гвоздя своего откровения. — Вы сейчас... в милицию... Скажите: все! Даем слово!.. Все простят... Меня мужики... простили... Все... Я слово... слово...

Дальнейшему развитию Славкиных увещеваний помешала короткая оплеуха, которую отвесил ему Большой. Славка, сидевший на полу, перевернулся через голову и, взбрыкнув в воздухе ногами, почему-то оказался на четвереньках. Он даже не успел понять, что произошло, как вскочивший Богдан ударил его пинком под дых и зловеще сказал:

— Ах ты лахудра... На канал закатать хочешь... Курвенюк легавый! Валька, иди поговори с сексотом!

Валька подскочил и стал бить Славку ногами и кулаками одновременно. Славка попытался подняться, но не смог. Его вырвало, в голове все смешалось, и он обеспамятел. Лишь на какой-то миг вернулось сознание. Сквозь приоткрытые веки он увидел перекошенные лица, которые были все объединены открытыми ртами. Видимо, из них вылетали какие-то звуки, но Славка не слышал. Разверстые рты в его восприятии вдруг начали срастаться и образовали одну необъятную пасть. И явственно, не на слух, а как бы осязаемо воспроизвелись дядины слова: «Шакалы. Из-за угла». Славка дико закричал и провалился в никуда.

Очнулся он в темноте и прохладе. Чуть трогал лицо ветерок, а над глазами висело далекое, все в звездных пробоях небо. Нестерпимо раздирало тело и наособицу — голову. Никогда ничего подобного у него с головой не творилось. Внутри все было стянуто тугим жгутом и, ограниченное тесной связкой, пульсировало, отдаваясь в висках короткими мучительными прострелами. Стараясь утишить боль, Славка стал тереться головой о росную траву. Движения словно бы расслабляли болезненные пути, возвращали к действительности. Постепенно, далеко не в подробностях, а весьма приблизительно Славка восстановил события с того самого момента, когда выпил первую порцию водки. Смутно припомнил, что говорил, через боль усмехнулся своей вере в великое воздействие истины, и на все воспоминания наложил дядин вещей сказ насчет возможности и невозможности говорить таким людям Правду. Снова перед глазами возникли разверстые рты и снова образовали единую пасть. Но ни жути, ни омерзения не вызвало повторное видение. Будто возникло оно не перед Славкой, а перед кем-то посторонним, никакого отношения к Славке не имеющим. Возникло, кануло в небытие и больше никогда, ни при каких обстоятельствах не повторится. Это уже Славка знал наверняка. Он закрыл глаза. Как будто вместе с влагой земли и бездонностью неба пришло очищение от липкой гадости.

В собственной квартире Славка, разумеется, показаться не мог. Хотя поруганный правдолюб себя не видел, но по боли в голове, в теле представлял. Прежде всего требовалось привести в порядок. Он подошел к ручью, разделся и залез в воду.

Нарушителем слова Славка себя может не чувствовать: он не обещал дяде, что перестанет встречаться со своими новыми знакомыми. Обещал только не прикасаться к чужому. Он и не прикасался. Наоборот даже: уговаривал других отказаться от запретной жизни. Так Славка себе все объяснил, и такое объяснение вроде бы устраивало. В то же время он понимал, что сложилось так худо, что хуже — некуда. Полухмельной, избитый, рубашка разорвана... В общем, вид еще тот.

Поэтому все-таки не домой, а к дяде...

Открыла бабушка, встревоженно спросила:

— С Маргаритой случилось что?

— Ничего с ней не случилось. Ты мне постели тихонечко, дядю не буди.

— Что все-таки стряслось?

— Что, что... Разбудишь дядю. Завтра расскажу.

Славка сообразил, что складывается лучше не придумавшись — со слепу бабушка ничего не заметит, утром дядя уйдет на работу, а к вечеру... Неискушенный Славка не учел другого обстоятельства. Бабушка вдруг несколько раз усиленно потянула носом и осевшим голосом сказала:

— Пьяный... Разит, как от трактира... Дожила...

Славка тут же отвернулся и запоздало прикрыл рот ладошкой. Надо же так опростоволоситься! Неуклюже соврал:

— Ничего не пьяный. Оделокон... тройной...

— Амбре... Да ты не отворачивайся, не отворачивайся! — И бабушка, покладистая, надежная бабушка вдруг тонким голоском закричала:

— Сережа! Сергей! Иди, полюбуйся!

— Я слышу, мать, с самого начала все слышу. Ну-ка, одеколонец, шагай сюда.

Дверь открылась, и Славку, как кутенка, за загривок втащили в дядины владения. Когда туда же бочком полезла бабушка, дядя чуть потеснил ее и сердито сказал:

— Ты потачками свое дело сделала. А теперь мы уж без тебя обойдемся. У нас мужские разговоры.

Закрыв дверь на крючок. Бабушка забарабанила по филенке, заявила свои права на внука и потребовала немедленно ее впустить. Но дядя не обратил на хулиганские действия никакого внимания, разжег керосиновую «пятилинейку» и оглядел племянничка. Кивнул удовлетворенно:

— Хорош. Ничего не скажешь. Позировщик для натюрморта «Рябчик в томатном соусе». И под какой же Полтавой нашего шведа пощипали?

— На посадке.

— Ясно. Кстати, может, босяк явился опохмелиться? Может, у него душа горит? У меня хранится НЗ. Сам я, как ты знаешь, не употребляю, а для дорогого гостя...

— Не надо издеваться, мне и без того тошно.

— От поступка или состояние такое?

— От всего вместе.

— Единственное, что тебя еще хранит на волне, — это умение держать слово.

— Слово я не нарушил.

— Наоборот даже. Закрепил и поднял на недосягаемую высоту. На такую, что его и не видно.



— Не нарушал я слова, — упрямо сказал Славка. — Все было по-другому.

В это время за перегородкой раздались всхлипы, и дядя крикнул в пространство:

— Мать, отойди от двери. Всего все равно не поймешь, а расстраиваться раньше надо было.

— Я-то ему копеечки от себя отрывала... А он-то их вон на что тратил...

— Вот, вот, мать, ты его и споила. Теперь иди, кайся. А нам не мешай... — И Славке: — Что ж, давай выкладывай как на духу.

И Славка выложил. Рассказал все подробно. Как пошел к Шурке Винокурову, как встретился с Богданом и чем это кончилось. Дядя не перебивая выслушал, а потом рассудил:

— Вообще-то все на уровне. Плохо одно — водка. — Замолчал. Поводил по столу пальцем, вычеркивая какие-то замысловатые вензеля, и закончил совсем непоследовательно: — А ведь совсем неплохо, что вмешалась водка. По меньшей мере два зайца убиты. Думается, и кус ее теперь запомнится и все, что ему сопутствует.

Здесь Славка осмелел:

— Можно подумать, ты никогда не выпивал.

— Как тебе сказать. Присяжные юмористы острят: телеграфный столб не пьет — у него стаканчики кверху дном. Выпивал в свое время. Обстоятельства порой заставляли. Но, во-первых, начал на войне, уже за двадцать мне было, а потом до положения риз никогда себя не доводил. Выпивать, Пупензон, одно, напиваться — статья особая. Но не в этом суть. Главное — не увлекайся. Вырастешь, сядешь за стол и всегда старайся уловить момент, который отделяет веселье от свинства. А то, что сегодня случилось, давай будем считать проходным и заостряться на нем не станем.

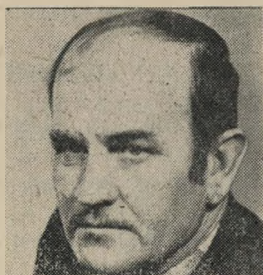
— Как матери-то скажу?

— Это, конечно, вопрос. Что ж, умел шкодить — умей ответ держать. Сейчас чего планы строить? Утро вечера мудреней. Давай-ка спать укладывайся.

Уже засыпая, но соображая совсем сносно, Славка как будто подвел черту под происшедшим:

— А все-таки ты, дядя, был прав насчет можно или не можно говорить со шпаной откровенно. Теперь я это хорошо понял.

— Куда лучше. Жалко, что на своем опыте. Пупензон ты, Пупензон, собственные ошибки простительны, когда идешь нехоженой дорогой. Умные на чужих ошибках учатся. А кто на проторенной тропке своими боками расплачивается, тот попросту дурак...



*КОЗОДОЕВ Владислав Игнатьевич родился в городе Снежное Донецкой области в 1940 году. Автор двух книг стихов. Живет в Барнауле.*

**ВЛАДИСЛАВ КОЗОДОЕВ**

## „И ВНОВЬ О СЧАСТЬЕ РАЗМЫШЛЯЕШЬ...“

### СТАРАЯ МОЛИТВА

Ты, солдатик, молишься ли богу!  
— А зачем молиться мне, скажи!  
Каптенармус в дальнюю дорогу  
всем снабдил солдата понемногу  
для спасенья тела и души.

— Есть о вечном здравии молитва...  
— А у нас есть лекарь полковой.  
Если ослабеешь перед битвой,  
взглядом поведет, как острой бритвой,  
все болячки снимет как рукой.

— Ну так песню попросил бы, что ли...  
— Песня есть, и полк наш голосист.  
Как затянет песню на приволье  
о разлуке, о солдатской доле —  
на деревьях оживает лист.

— Попроси тогда красу-девицу,  
будет богом данная жена...  
— А об этом стоит ли молиться,  
мне б живым с похода возвратиться.  
Пусть об этом молится она.

### ВИДЕНИЕ

Три войны у отца за плечами,  
не один лазарет полевой.  
Но с годами мне кажется чаще,  
словно все это было со мной.

Я в бреду уходил от погони,  
шар земной унося на плечах.  
Я повязки срывал — и к ладоням  
липла кровь, как степной молочай.

Смерть уже в изголовье сопела:  
— Собирайся, солдатик, пора.

Но вошла вдруг в косыночке белой  
в лазаретные двери сестра.

Подошла и на лоб воспаленный  
положила мне руки она.  
И встряхнулись больничные клены,  
зашумели листвою у окна.

И увиделась в поле дорога,  
рожь высокая ходит волной.  
Я стою у родного порога  
нецелованный и молодой.

И открылись к спасению двери.  
Смерть, теперь ты меня не зови.  
Не волнуйтесь, врачи, я поверил  
в неизбывную силу любви.

А почувствую смертную муку,  
упаду ли в степную траву,  
протяни мне, любимая, руку,  
только руку —  
и я оживу.

### В НАГОРНОМ БОРУ

Мне хочется в Нагорный бор,  
где в окружении природы  
вновь привыкали мы с тобой  
друг к другу, лесу и свободе.  
И не был лес к свиданью строг,  
и, принимая в нас участие,  
не он ли вдруг у самых ног  
нам белку выпустил на счастье?  
И мне подумалось на миг,  
что вовсе не случайно это,  
что счастье может нас двоих  
еще согреть последним светом.  
Мне хочется в Нагорный бор,  
укрытый поздними снегами,

где, отрешаясь от забот,  
слова становятся стихами.  
Где все решается легко.  
А белка, покружив над нами,  
исчезнет где-то высоко —  
и станут вновь слова словами.

\* \* \*

Речка Обь, пески да перекаты,  
берега в сплетеньи корневищ,  
я с тобой счастливый и богатый,  
без тебя —  
несчастлив я и нищ.

Как же не любить твои глубины,  
песню разгулявшейся волны,  
если взглядом женщины любимой  
были вы не раз освящены.

Приношу к тебе свои обиды  
и брожу в раздумье у воды,  
чтоб опять на отмели увидеть  
легкие, как изморозь, следы.

Сколько раз за дальнею забобою,  
где сбегают к речке ивняки,  
не меня ль ждала зеленоокая  
и глядела вдаль из-под руки.

Где мои свидетели живые:  
что слышали нежные слова,  
ивы, птицы, зорьки луговые,  
пряная, прибрежная трава!

Неужели волны отплескались,  
отгорели зорьки на Оби!  
Нет, остались, все-таки остались  
вечные свидетели любви!

С ними я счастливый и богатый,  
а без них — несчастлив я и нищ...  
Речка Обь — пески да перекаты,  
берега в сплетеньи корневищ.

## ВЕТЕР

Сорвавшись с гольцов Салаира,  
по древнему тракту промчав,  
уже облетевший полмира  
ко мне он в окно постучал.

И с голосом ветра печальным  
вошли и заполнили дом:  
шум волн у обского причала,  
звон сосен в бору золотом.

И песни мотивчик несложный —  
как шелест травы поутру.  
Прислушаюсь чутко — и все же  
я слов ее не разберу.

О чем в ней, о чем в ней поется! —  
о том, что уходят года,  
что юность уже не вернется,  
любовь не придет никогда.

А может быть, в песенке этой  
поется наоборот:  
и нежность в дороге согреет,  
и юность дорога вернет.

И все достижимо на свете,  
и все еще ждет впереди.  
Ах, ветер, полуночный ветер,  
зачем ты меня разбудил!

\* \* \*

Как жить с нелюбимой —  
не знаю.  
Ведь я же с любимой живу.  
Ей многие вины прощаю.  
Уйдет ненадолго —  
скучаю.  
— Приди поскорее! — зову.

Придет — и просеется солнце  
в мое голубое оконце,  
табачный разветется дым.  
Отрада моя и спасенье,  
с тобою, как в праздник весенний,  
я буду всегда молодым.

И голос —  
не песня, конечно,  
но слушать мне хочется вечно,  
тревогу в душе затая.  
И гладить усталые руки  
до самой последней разлуки,  
не верю в которую я.

## СЛЕДЫ

Все ниже к земле колоски,  
все выше дневное светило.  
И наши следы у реки  
навек затаяны илом.

Кувшинки давно на пруду  
осыпались трепетным светом.  
Я больше к тебе не приду  
ни этим, ни будущим летом.

Как в омуте черном вода,  
пусть память во мне отстоится.  
Я прошлое помню всегда,  
но вечно им жить не годится.

День новый над миром встает,  
затянута даль синевою.  
И новые песни поет  
уже соловей над рекою.

И вьется сиреневый дым  
над речкой, над родиной милой.  
И так хорошо, что следы  
навек затянуты илом.

\* \* \*

Сколько у осени вечных эпитетов:  
хмурая осень, печальная осень,  
осень — подросток в заношенном свитере...  
Но ведь и это сравненье не очень.

Осень — ведь это пожившая женщина.  
Может быть, даже красавица бывшая.  
Вон как рябина шагает торжественно,  
неотгоревшая, неотлюбившая.

Просто уже отстоялась в ней зрелость,  
стали желанья скромнее и глуше.  
И приласкает, да не согреет,  
ну а согреет, то не засушит.

### БАНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Жили-были муж и жена,  
муж и жена — одна сатана.  
Молоды были — ох как любили!  
Но повзрослели и поостыли.

Это случилось ранней весной:  
шли по проспекту девчонки гурьбою,  
женщины с сумками шли не спеша.  
Боже ты мой!

До чего хороша!

Та, что задумалась на перекрестке,  
та, что застыла в газетном киоске,

та, что, как ветер, промчалась в такси.  
Женщины все хороши на Руси.

Ну а жена, ну а что же жена...  
В кухне весь день хлопотала она.  
После присела, взгрустнув, у окна.  
Так ожидала мужа жена.  
А в тишине на восьмом этаже  
разные мысли восходят в душе.  
Где же он бродит средь белого дня,  
может, уже разлюбил он меня!  
Вон, как закаты в туманной дали,  
грустно морщинки у глаз залегли.

Тут и раздался в прихожей звонок —  
муж долгожданный встал на порог.  
Не раздеваясь, жену он обнял.  
— Милая, ты ожидала меня!  
Милая, ты стосковалась по мне!  
Видно, в тот день он увидел в жене:  
ту, что задумалась на перекрестке,  
ту, что застыла в газетном киоске,  
ту, что, как ветер, промчалась в такси...  
Женщины все хороши на Руси.

\* \* \*

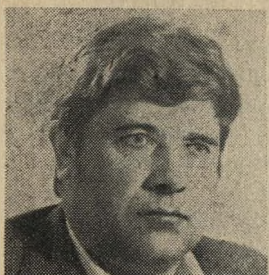
Казалось: все постиг я до конца,  
душа окаменевшая уснула.  
Но только лишь ольховая пыльца  
моих висков таинственно коснулась,  
как вздрогнул я.

И, словно позабыв  
минувших весен горькие мгновенья,  
я попросил повтора у судьбы,  
хотя судьба не любит повторенья.

Не любит, да!

Но каждую весной  
все ту же песню запевают птицы.  
И над водой склоняясь, как над судьбой,  
все так же в омут ивушка глядится.

И пахнут вечной тайною цветы,  
как пахли, может, в первый день творенья.  
И вновь о счастье размышляешь ты,  
которому не нужно повторенья.



*ЛАКТИОНОВ Николай Иванович родился на Алтае в селе Подстенном в 1947 году. Печатался в журнале «Сибирские огни», коллективных сборниках, альманахе «Алтай».*

*Живет в Ребрихе, работает организатором районного радиовещания.*

**Николай ЛАКТИОНОВ**

## „НА ТО НАМ И ПАМЯТЬ ДАНА...“

### ...ВОВРЕМЯ ГЛЯНУЛ!

Оглянулся —

а что позади! —

ничего —

кроме горьких промашек.

Не пахал, не засеивал пашен,  
долго строчку держал взаперти.

Ни побед у меня, ни наград,

ничего — кроме разных изъянов...

Да, недаром я глянул назад,  
хорошо,

что я вовремя глянул!

\* \* \*

*Сказал я цыганке:*

*— Давай  
я тебе погадаю.*

*Вас. Федоров*

Обь шумит у ног моих угрюмо,  
рядом — ты со сказкой черных глаз.  
До чего ж наивная!.. Подумай,  
ну кому гадаешь ты сейчас!!

Я и сам избородил полсвета,  
погулял и пораздумал всласть.  
Никогда не воровал при этом,  
но тебя хотел бы я украсть.

И понес бы, в совершенство веря,  
на руках меж золотых холмов,  
там, где бродят чуткие, как звери,  
табуны арабских скакунов.

Захмелели б мы от поцелуев,  
потеряли б счет своим годам.  
Я тебя, красивую такую,  
никому на свете не отдам.

Так я думал. Но робел чего-то,  
виновато голову клоня...

Для такого дерзкого полета  
не хватает крыльев у меня.

Плещет Обь. И воздух холодает.

Даль тускнеет. Дождик моросит.

Молча я прослушаю гаданье —  
и домой уеду на такси.

\* \* \*

Любопытством мучимый извечным,  
среди обломков рухнувшей скалы  
отыскал я древний наконецник  
никому неведомой стрелы.

Как он здесь, зачем он и откуда,  
радоваться мне или скорбеть!  
Но молчит нечаянное чудо,  
столько тайн хранящее в себе.

Из какого выхвачен колчана,  
чей решил печальный он удел,  
из какого вылетел он стана,  
и к какому стану прилетел!

С кем его в полете породнила  
грозная, батальная судьба:  
с телом ли холеным господина,  
с сердцем ли отважного раба!!

\* \* \*

*А. З. Ванину*

Заброшен поселок.

А избы

пойдут на дрова и на слом.

Как быстро,

как все-таки быстро

жилье порастает быльем.

Не знаю,  
легко или трудно,  
зачем, почему и куда  
поселок покинули люди,  
ушли из него навсегда!

Пройдут суетливые годы  
и все, что здесь было при них,  
укроет в объятьях природа,  
в зеленых объятьях своих.

Но кто-то придет и отыщет  
(на то нам и память дана!)  
поселок,  
                    колодец,  
                                    кладбище,  
родные прочтет имена!..

\* \* \*

Мальчуган кораблик свой бумажный  
бережно на воду опустил.  
Дернулся кораблик —  
и отважно  
по теченью быстрому поплыл.

Тяжестью волны неосторожной  
будет смят он в несколько минут...

Но гляди на речку:  
там и тут  
маленькие, шаткие — и все же  
детские кораблики плывут.

\* \* \*

Где медно-красная скала  
парила гордо над округой,  
в гнездовье горного орла  
нашли приют себе пичуги.

Таков уж, видно, их удел,  
птах, с виду дерзко-бесшабашных.  
Но к ним  
                    приблизиться не смел  
никто  
                    из их врагов вчерашних.

\* \* \*

Осень. Над лицами нашими  
листья, готовясь ко сну,  
поздней зарю покрашены.  
Мало их стало в лесу.

Даже и верить не хочется  
в эту нелепость и жуть,  
в то, что когда-нибудь кончится  
наш человеческий путь.

...Так мы смотрели и слушали  
от суматохи вдали,  
может быть, самую лучшую  
тихую сказку земли.

\* \* \*

Вот и первый неожиданный мороз,  
снег скрипучий на листьях опавших.  
Не жалею о вчерашнем до слез,  
никогда не жалею о вчерашнем.

Не зима это грянула, друг,  
грустью белой в глаза задышала —  
просто осень все золото вдруг  
у зимы, у владычицы выюг,  
на серебро  
                    разменяла.

\* \* \*

Опять зима... Все те же:  
тропинка, снежный хруст,  
и чернота валежин,  
и теплый пар из уст,  
и суть, и содержание,  
и даже этот миг...

Зима — переиздание  
одной из лучших книг.

\* \* \*

Как хорошо... В торжественно-угрюмом  
лесу,  
не пробиваемом лучом,  
идти, идти  
и ни о чем не думать.  
▲ можно ли не думать ни о чем!

### МАРТОВСКИЙ СНЕГ

Лучись,  
сверкай,  
искрись окрест,  
слепи глаза  
                    счастливым людям:  
у нас в запасе — Завтра есть,  
а у тебя его не будет.

\* \* \*

Мы — живописцы, ваятели,  
и, возлюбив бытиё,  
изображаем старательно  
озеро, лес и живьюе.

Наши желанья — утопии,  
наши творенья —  
что в них!..  
Это все — жалкие копии  
с оригиналов живых.

\* \* \*

Это было не раз.  
Опустишь на колени  
и слушаю,  
как тихо и ровно  
стучит огромное,  
ничего не подозревающее  
сердце  
Земли.

\* \* \*

А что таится в недрах,  
в глубинных закромах!  
Вулкан на ярость щедрый,  
или родник целебный  
недугам всем на страх!  
Какие дунут ветры  
на парус наших дней!..  
А что таится в недрах  
простой души твоей!

## РАЗГОВОР С КОЛУМБОМ

— Скажи, Колумб, а верно  
глаголят кипы книг:  
действительно,  
ты  
первым  
ступил на материк!

Действительно ли грезил  
морями по ночам!  
Как честный генуэзец  
ты должен отвечать.

— Отвечу, но едва ли  
все выскажу в словах.  
И до меня бывали  
на этих берегах.

— Но ты же открыватель —  
так мы твердим века.  
— Нет, я — завоеватель,  
приверженец штыка.

Как честный генуэзец  
и труженик морей  
скажу:  
мечтал я Крезом  
прожить остаток дней.

Те времена крутые,  
сам понимаешь ты...

— А мы тебе иные  
придумали черты.

\* \* \*

А на вопрос: каков есть я!  
Из самых добрых чувств, быть может,  
но отвечали мне друзья  
пресовершеннейшею ложью.

Враги же все до одного,  
мои утроив погрешенья,  
подталкивали к очищению,  
совсем не ведая того.

\* \* \*

Вот прозрело человечество  
[есть же все-таки предел!],  
возмутилось человечество:  
— Ну и наломали дел!

Ведь от самого младенчества  
столько крови пролилось!  
Удивилось человечество.

Только этим и спаслось.

## РАЗГОВОР С ОРЛОМ

Как бы стать тебе под стать —  
мне крылатым быть охота!  
Хорошо ведь испытать  
ощущение полета!

И орел на землю бросил  
взгляд,  
достойный уваженья.  
— Мой полет — всего лишь способ  
моего передвиженья.

Марк ЮДАЛЕВИЧ

## БАРНАУЛ\*

### ГОРОД КОНТРАСТОВ

Городом контрастов оставался Барнаул и в области культуры. Количество людей, так или иначе приобщенных к ней, здесь было невелико. Да и среди них обретались и стяжатели, и не берущие в руки книгу узколобые специалисты, и разного рода сидельцы за карточными столами, и друзья бутылки...

Но несмотря на это, история может поведать об уникальных взлетах в культурной жизни, в сущности, небольшого горного города. Эти взлеты достигнуты веянием времени и усилиями энтузиастов, которыми всегда мог гордиться Барнаул.

Немалую роль в жизни любого города играют учебные заведения. В старом Барнауле они прошли сложный путь, но в итоге имели серьезные достижения. Прежде всего, горнозаводская школа. Такие школы впервые появились на Урале в 1721 году. Инициатором их создания был В. Н. Татищев. Находясь в должности управляющего казенными горными заводами на Урале, он добился открытия школ на Уктусском, Кунгурском и Алапаевском заводах. В 1724 году отворились двери Екатеринбургской школы.

На Алтае проблема укомплектования заводов специалистами горного дела стояла особенно остро. И. Тыжнов в книге «Из истории горнозаводского населения на Алтае» сообщает, что верхний слой администрации формировался главным образом из саксонских мастеров. Так, ближайшими помощниками Бэера были Ульрих, Христиани и Гросс и другие, большей частью иноземные, мастера.

Однако добывать иностранных инженеров становилось все труднее. Контракты с ними заключались на пожизненную работу. И не каждый решался обрести в далекой Сибири новую родину.

Управляющий царским Кабинетом Олсуфьев в 1761 году предложил, во-первых, заключать контракты с иностранными инженерами на 6 лет и на месте добиваться их продления, во-вторых, готовить и своих специалистов. Для этого «выбрать из кадетских корпусов не богатых, но доброго состояния дворян, довольно обученных немецкому, латинскому языкам, арифметике, геометрии, тригонометрии, отдать их в

команду колывано-воскресенского горного начальства для обучения горному и плавильному искусству, через год произвести в горные обер-офицеры, а затем на два года послать в Саксонию».

Мера оказалась разумной. Именно из таких наборов вышли видные знатоки горного дела Чулков, Бровцын и другие.

Гораздо раньше этого на Алтае появились горнозаводские школы. П. Е. Семьянов\* считал, что первые школы на Алтае были открыты в 1739 году по приказу Прокофия Демидова, одного из представителей третьего поколения знаменитых заводчиков.

Но, кроме свидетельства Семьянова об этой школе, никаких данных не сохранилось. А они бы должны промелькнуть в каких-либо сведениях о плавильных писарях, приемщиках припасов, конторских служащих — заводских людях различных, требующих грамоты, профессий. Тем более, что грамотных людей в Барнауле того времени было немного. Никто из архивистов и историков до сих пор не обнаружил архив Демидовых, на который ссылается Семьянов\*\*.

Существуют и другие точки зрения о времени открытия первой барнаульской горнозаводской школы. Крупнейший краевед С. И. Гуляев называет 1747 год. В пятитомной «Истории Сибири» появление школ на Алтае относят к пятидесятым годам. «В 1753 году, — сказано в этом труде, — в Барнауле при Канцелярии горного начальства была открыта по типу уральских комбинированная словесная и арифметическая школа с горнозаводской специализацией». К сожалению, и эта дата не подкреплена прямыми архивными сви-

\* П. Е. Семьянов — барнаульский общественный деятель, участник событий 1905 года в нашем городе. В 1920-е годы создал единственную в своем роде артель «Краевед», занимавшуюся изучением Барнаула и Алтая.

\*\* В «Истории Алтая», созданной учеными Алтайского гос. университета под редакцией профессора А. П. Бородавкина, сказано о записях Семьянова: «...в отношении школ на Алтае они представляют безусловную ценность». Но это категорическое заявление, к сожалению, ничем не аргументировано.

\* Начало в № 1 за 1986 г.



детельствами. Возможно, школа возникла и ранее.

Однако к пятидесятым и также более поздним годам относятся различные документы о работе барнаульской школы — сведения об учителях, списки учащихся, различные отчеты.

Учение в школе длилось пять или шесть лет. Но не было особенно плодотворным из-за бессмысленной зубрежки, трудоемкого буквослагательного метода и других беспомощных и консервативных приемов обучения.

Много лучшего оставлял желать и состав педагогов. Главным образом это были лица духовного сословия — священники, а иногда и дьячки, а также грамотен из унтер-офицерских чинов.

По окончании школы лучших учеников отправляли к знающим горным специалистам, в том числе к И. И. Ползунову.

Число учащихся в барнаульской словесно-арифметической школе непрерывно росло. Значение этой школы в истории нашего города исключительно велико, потому что в ней обучались дети всех сословий, в том числе мастеровых и солдат.

Подобные школы, чаще всего с меньшим количеством учеников, были в Змеиногорске, Бийске, Сузуне, Павловске, Локте, Алейске и в других местах при заводах и рудниках.

Позже, в 1836 году, испытывая нужду в руководителях низшего звена и грамотных людях, Кабинет заторопился открыть школы при каждом заводе и руднике, всего 14 горнозаводских школ. В этих школах обучалось 1275 детей.

Несмотря на примитивные педагогические методы, эти школы в одном отношении даже опередили свое время. Обучение в них соединялось с производительным трудом. Многие учащиеся проходили заводскую практику, и это давало им право получить при окончании первый служебный чин, отличающий их от рядовых служителей.

### ГОРНОЕ УЧИЛИЩЕ

Не уменьшилась нужда и в специалистах более высокой квалификации. Правда, как говорилось ранее, в то время уже существовало Центральное Екатеринбургское горное училище, и в 1773 году открылось высшее горное училище в Петербурге. Но даже если прибавить к этому подготовку специалистов за границей, о чем рассказывалось в начале этой главы, все равно заводы испытывали в них острый недостаток.

Поэтому в 1779 году главному командиру Кольвано-Воскресенских заводов Меллеру было предписано учредить заводское благородное училище для детей местных офицеров и чиновников, чтобы обучать их «разным частям горных наук». Тогда же для училища на заводской счет оборудовали «рудный кабинет». Из разных мест Алтая и страны туда доставляли образцы горных пород и руд. Из Академии художеств в Барнаул направили инструментального мастера «для надлежа-

щей исправности математических инструментов».

С большим размахом Меллер составил смету для училища, запрашивая разрешения ассигновать на него 15695 рублей.

Смета не была утверждена. Приемник Меллера Гавриил Качка получил разрешение истратить на нужды училища 2000 рублей.

По мысли все того же управляющего Кабинетом Олсуфьева, преподавать в училище должны были заводские инженеры. Но занятые своими непосредственными делами на заводе или в Канцелярии, к тому же нередко подзабывшие теоретические основы наук горные офицеры отказывались от педагогической деятельности.

Этим, видимо, и объясняется задержка в открытии училища. Занятия начались только в 1885 году. Первыми преподавателями были коллежский асессор Мартов, архивариус Шрамм и пастор Габриэль. Каждый педагог преподавал несколько предметов. Например, Мартов вел математические дисциплины, физику, географию, историю и грамматику.

Программы училища отличались разнообразием и широтой. В нем еще в XVIII веке преподавались математика, физика, химия, минералогия, механика, география, специальные горные науки, рисование, черчение, русский, а также французский и немецкий языки.

Позже, когда начальником горного округа стал П. К. Фролов, общеобразовательная подготовка была еще расширена. Просветитель по натуре, Фролов добился того, что помимо указанных предметов в училище ввели латинский язык, логику, риторiku и основы архитектуры\*.

С годами улучшился педагогический состав училища. В нем в разное время работали три будущих русских академика. Наиболее известен из них как раз В. В. Петров, преподававший здесь с 1788 по 1791 год. Подобно Ползунову он сделал открытия мирового класса. Только относятся они не к механике, а к электричеству. В. В. Петров считается одним из первых русских исследователей в области электротехники. Самая значительная его работа — достижение эффекта электрической дуги. Талантливый физик предсказал возможности применения электрической дуги для освещения, электросварки, восстановления металлов и других целей. Но ему принадлежит и много других трудов. Он

\* В 80-х годах XIX века Екатерина II в припадке либерализма распорядилась создать в России всесословную образовательную школу. Так возникли двухклассные малые и четырехклассные главные народные училища. (Напомним, что понятие классов не совпадало с теперешним.) В 1793 году в Барнауле открыли главное народное училище. Такое училище по штату полагалось в губернских городах, а наш город был центром Кольванской губернии. В этом училище обучались 60 детей, в том числе 7 девочек. Но в 1897 году в связи с ликвидацией Кольванской губернии главное народное училище в Барнауле закрыли.

исследовал химические действия тока, электропроводность различных веществ, изучал явление люминесценции и электрического разряда в вакууме.

Его научные поиски отличались своей необычностью и остроумием. Он создал несколько простейших и ценных приборов для изучения электрических явлений, предложил покрывать изоляцией электропроводники.

Крупный ученый почти всегда является прекрасным популяризатором. И В. В. Петрова помимо научных отличали педагогические наклонности. Он окончил петербургскую учительскую семинарию и после работы в Барнауле продолжал педагогическую деятельность в столице.

Петров создал первый в нашем городе физический кабинет. Он ставил физические опыты и в заводских условиях.

Не удовлетворяясь имеющимися в то время учебниками, писал к ним дополнения, составлял задачи.

Самовольно и с немалым риском для своего служебного положения заменял уроки катехизиса и священной истории алгеброй и геометрией.

Дошедший до нас отчет преподавателя Петрова главному командиру заводов свидетельствует о том, что он хорошо знал своих питомцев, умел найти к ним индивидуальный подход. По инициативе В. В. Петрова в училище ввели публичные экзамены. Это говорит о его высокой требовательности.

Учитывая педагогическую одаренность Петрова, ему поручили «наблюдение порядка в новом способе преподавания» в барнаульской словесно-арифметической школе. В этой школе он подмечал наиболее одаренных детей из народа и добивался перевода их в горное училище. Из этих юношей вышли впоследствии замечательные новаторы производства, теплотехники Залесов, Вяткин, Смирнов, механик Лаулин.

Именно Петров добился переименования благородного заводского училища в барнаульское горное училище.

Другим выдающимся ученым из числа педагогов училища был академик Василий Васильевич Радлов. Интересы этого человека отличались разносторонностью. Это был тюрколог, этнограф, археолог, фольклорист, полиглот, в свое время изучавший помимо европейских арабский, персидский, маньчжурский, турецкий, монгольский и китайский языки.

Окончив университет в Берлине и получив в Йенском университете степень доктора философии, Радлов в 1857 году приезжает в Россию и находит здесь вторую родину. Среди 150 научных трудов академика наиболее известны «Сравнительная грамматика северных тюркских языков» и «Образцы народной литературы тюркских племен». Последний труд вышел в 10 томах.

Интерес к тюркоязычным народам Сибири и Центральной Азии и привел Радлова в 1859 году в Барнаул. Здесь он преподавал немецкий и латинский языки в горном училище.

Во время летних каникул путешество-

ет по Алтаю, а также киргизским степям, Тобольской и Енисейской губерниям, Монголии и Туркестану. Берет с собой и некоторых своих учеников. На Алтае одновременно с другими исследователями ведет раскопки курганов. Поэтому его считают пионером в изучении археологического прошлого нашего края.

Нетрудно понять, какие глубокие познания мог дать своим ученикам знаток сравнительного языкознания Василий Васильевич Радлов, как обогащало знакомство с этим редкостным эрудитом, человеком, бывавшим и в европейских странах, и в самых отдаленных уголках Азии.

В первой половине XIX века рисование в горном училище преподавал Михаил Иванович Мягков, выпускник петербургской Академии художеств. С 1829 года и до конца жизни он в течение 23 лет служил «учителем рисовального класса» в Барнаульском горном училище.

Подобно многим местным интеллигентам того времени почти каждое лето путешествовал по Алтаю. Писал пейзажи, портреты, картины из жизни алтайцев, создавал исторические полотна. В 1840 году избран действительным членом Академии художеств по части исторической и портретной живописи.

Преподавали в училище и другие способные педагоги и отличающиеся высокой культурой заводские инженеры. Среди них выделялся Василий Иванович Тистров, дед жены и соратника В. И. Ленина Надежды Константиновны Крупской.

Центральный государственный исторический архив сохранил сведения о В. И. Тистрове. В 1821 году он окончил петербургский горный корпус. Награжден Малой Золотой и Большой Серебряной медалями. Получил звание шихтмейстера. В аттестате 23-летнего офицера отмечены особые успехи в изучении поэзии, мифологии, архитектуры.

На алтайских заводах Тистов прослужил 24 года. Послужной список его велик — руководил чертежной, был управляющим Павловским заводом и Салаирским рудником. Там нашел месторождения рассыпного золота. В результате этой находки был открыт второй Егорьевский золотосносный прииск.

Учитывая образованность В. И. Тистрова, его использовали как музейного работника и как педагога. В горном училище он по мере необходимости заменял недостающих педагогов, преподавал различные предметы — историю, географию, черчение, рисование, горное дело.

Конечно, из послужного списка даже самых лучших учителей, вынужденных вести по несколько предметов, видно, что педагогов в училище почти всегда не хватало. Подвизались здесь и слабые учителя, и даже случайные люди.

В 1836 году горное училище подверглось реформе. Его переименовали в окружное. Из курса изъяли многие общеобразовательные предметы. Создали два отделения: заводское — для подготовки заводских уставщиков и горное — для подготовки рудничных уставщиков.

После ухода Фролова начальство пло-

хо следило за зданием. В классных комнатах не было вентиляции. Здание плохо отапливалось, находившийся внизу музей оказался заброшенным. Сырой и затхлый воздух музея, пропитанный запахом разлагающихся чучел, проникал наверх, где жили подростки. По свидетельству медиков, многие учащиеся страдали малокровием, катаром дыхательных путей, головными болями.

Училище существовало до 1879 года.

### РЫЦАРИ ВРАЧЕВАНИЯ

На протяжении всей дореволюционной истории здравоохранение в Сибири даже в самой малой степени не отвечало нуждам населения. Достаточно сказать, что перед первой мировой войной в Западной Сибири один врач приходился в среднем на 17 тысяч человек\*.

Однако сибирское и особенно алтайское здравоохранение в прошлом примечательно тем, что среди медицинских работников и тогда встречалось немало выдающихся специалистов. Их отличало развитое чувство долга, самоотверженность, серьезная профессиональная подготовка, а иногда и высокая общая культура.

На Алтае первые медицинские учреждения появились еще при Демидове. Это подтверждает подписанный императрицей Анной документ от 24 декабря 1735 года. Он относится только к Кольвано-Воскресенским заводам и имеет весьма длинное название: «Генеральный регламент о госпиталях и о должностях определенных при них дохтуров и прочих медицинского чина служителей, также комиссаров\*\*», писарей, мастеровых работных и прочих к оным принадлежащих людей».

Спустя 6 лет, в 1741 году, в Барнауле был учрежден центральный заводской госпиталь.

Правда, никаких сведений о «дохтурах» и другом медицинском персонале при нем не сохранилось. В этом госпитале можно было отлежаться в случае тяжелого заболевания или после зверской экзекуции.

Когда заводы и рудники перешли в ведение царского Кабинета, Бзер получил предписание взять с собой на Алтай врача, а также двух лекарских учеников из «екатеринбургских школьничков», где в то время уже существовало медицинское училище. Так, единственным врачом в округе стал лекарь Цедеркопф.

Озабоченный стремлением выжать с алтайских заводов как можно большую прибыль, царский Кабинет скупился на самые необходимые ассигнования. Жалованье Цедеркопфу приказано было платить

из денег, которые разрешалось истратить на медикаменты. А деньги на медикаменты и госпитали брались отнюдь не из заводских сумм. Источником здесь были разного рода штрафы с мастеровых людей и вычеты с чиновников за содержание их под домашним арестом. Сюда приплюсовывались и средства, которые обязаны были вносить чиновники при повышении их в чинах.

Тяжелые условия труда и жизни, массовые «поветрия» — эпидемические заболевания, вызывали большую смертность. Андрей Бзер был суровым и властным начальником с реакционными монархическими взглядами. Но и его, вероятно, по-человечески тревожило такое положение. К тому же заводы и рудники теряли работных людей, нехватка которых и без того ощущалась. Поэтому генерал осаждал Кабинет тревожными письмами.

В результате настойчивых сигналов медицинская коллегия учредила на заводах должность штаб-лекаря, и на Алтай в 1751 году был направлен доктор Абрам Эшке с тремя учениками. Эшке оказался энергичным настойчивым медиком. Он организовал сбор лекарственных растений, изучал заболеваемость в горном округе и даже создал научный труд «Краткое извещие о Кольвани и околележащих местах, о свирепствующих там болезнях между людьми и скотом, напоследок о растущих в некоторых местах Сибири травах и минералах».

Абрам Эшке применял передовые для своего времени методы лечения, относился к своим больным с глубоким, свойственным настоящему медику сочувствием. Пытался создать медицинскую школу. Но при нем она не сделала ни одного выпуска.

### 1. Ножевщиков

Еще более глубокий след в развитии медицины на Алтае оставил сменивший Эшке на посту главного лекаря заводов Никита Григорьевич Ножевщиков. В юности судьба сводила этого человека с самым Ломоносовым. Вместе с Михаилом Васильевичем Ножевщиков учился в славяно-греко-латинской академии. После нее окончил московскую госпитальную школу. Некоторое время занимался педагогической деятельностью, в том числе пять лет в госпитальной школе Петербурга. Врач, по отзывам современников, «отменного знания» Ножевщиков тоже не только лечил людей, но изучал характер заболеваний на Алтае. В 1762 году он направил в медицинскую коллегию научный труд «О болезнях, встречающихся среди людей в Кольвано-Воскресенском округе и Иртышской линии». В этом труде впервые исследована сибирская язва как опасная болезнь.

Конечно, Ножевщиков столкнулся на Алтае с нехваткой медицинского персонала. Может быть, на характер его деятельности влиял пример Ломоносова. Заботясь о развитии науки, великий ученый настоял на открытии Московского университета. Масштабы деятельности главного лекаря

\* Для сравнения стоит привести некоторые цифры. Сейчас на Алтае работает 9650 врачей. Население края составляет 2758500 человек.

\*\* В современном значении комиссар — лицо, облеченное особыми и значительными полномочиями. Здесь же имеется в виду, скорее всего, человек, ведающий хозяйственной частью госпиталя, или следящий за порядком пристав.

Кольвано-Воскресенских заводов были неизмеримо меньшими. Но его недаром называют рыцарем врачевания. Заботясь о развитии медицины в отдаленном, еще слабо обжитом крае, он поступил по-ломосовски: добился интенсивной деятельности первой в Сибири медицинской школы.

По ходатайству Ножевщикова Канцелярия испросила в Петербурге медицинские книги, учебники на латинском языке, только что переведенную на русский «Анатомию» Гейстера и другие специальные пособия.

Медицинская школа в Барнауле работала с 1758 года и до конца XVIII века, готовя врачей для Сибири «от Урала до Охотска».

Среди почти 60 ее выпускников были видные деятели медицины и естествознания: Тимофей Андреев, Андрей Залесов и гордость школы — Петр Шангин.

После отъезда Н. Г. Ножевщикова в Петербург медицинскую службу на заводах 28 лет возглавлял Яков Кизинг. Этот человек не отличался широтой научных интересов, но имя его получило известность. Кизинг лечил И. И. Ползунова, и сейчас его непременно вспоминают в художественных произведениях и научных статьях о великом механике\*.

Вообще госпитали на алтайских заводах считались в конце XVIII и начале XIX веков привилегированными лечебными учреждениями. По отзывам русских и зарубежных ученых, барнаульский госпиталь был самым квалифицированным лечебным учреждением в Сибири.

Однако медицинская помощь в госпитале, даже для работников барнаульского завода, была не безвозмездной. За больничную койку и медикаменты пациенты платили немалые по тем временам деньги. Это оказывалось доступным далеко не всем. Заболеваемость и смертность от эпидемий дизентерии, скарлатины, оспы, дифтерии и других болезней неуклонно росли.

## 2. Шангин

Тем самоотверженнее была деятельность энтузиастов.

Я уже упоминал выпускника медицинской школы П. И. Шангина.

Шангин родился в 1741 году в селе Белооярском, близ Барнаула. После барнаульской медицинской школы пополнил образование в Московском университете. Работал в Москве в генеральном госпитале. В 1770 году вернулся в Барнаул и четыре года отдал местному госпиталю, затем был назначен рудничным лекарем в Змеиногорск.

Шангин отличался порывистостью характера, жадностью к самым различным познаниям. Знакомство и дружба со старшим Фроловым изменили его судьбу. Под влиянием Козьмы Дмитриевича он увлекся горным делом и, оставив медицинскую практику, стал маркшейдером. Параллель-

но с этим идет увлечение геологией и минералогией, работой по исследованию Алтая.

По пехоженным тропам с группой молодых энтузиастов пробирается Шангин в глубь бассейнов различных рек. Наблюдения одного из своих наиболее удачных путешествий он опубликовал в труде «Дневные записки г. обергиттенфервалтера\* Петра Шангина, сделанные им по описанию рек Ини, Чарыша, Коксуна, Катуня, Большого Хаир-Кумина и Бухтармы со всеми владающими в них речками».

«Дневные записки» — иначе говоря дневник исследователя.

Самую большую ценность среди топографических описаний и находок Шангина представляют собой десятки исследованных им горных пород. Он обнаружил граниты, мраморы, порфиры, яшмы, агаты, которые использовались для непревзойденных изделий Кольванской шлифовальной фабрики.

В 1795 году Шангин избирается членом-корреспондентом Академии наук. Это был первый официально признанный ученый Алтай. С 1799 года он член горного совета Кольвано-Воскресенских заводов.

О сравнительно кратком периоде деятельности Шангина-врача можно судить по его натуре постоянного искателя, чью неутомимость и добросовестность как исследователя высоко ценили современники. Крупной заслугой Шангина в области здравоохранения явилась борьба с таким грозным и распространенным в то время заболеванием, как оспа. Один из первых он начал делать профилактические прививки оспы на Алтае.

## 3. Геблер

Строительство нового госпитального здания в Барнауле началось в 1819 году и продолжалось 26 лет. Этот новый госпиталь имел 7 палат, учебную комнату, поскольку являлся клинической базой для медицинской школы, помещение для хранения одежды, морг, где с внедрением начал патологической анатомии производились вскрытия. Штат состоял из 18—20 человек, в том числе главного лекаря, штаб-лекаря, 6—7 лазаретных служащих, в современном понимании медбратьев и санитаров, 8 цирюльников. Слово цирюльник обычно считается адекватным слову парикмахер, но цирюльники были не просто парикмахерами, они исполняли должности зубодеров, как в то время именовали зубных врачей, и рудомеров, или кровопускателей. Если учесть, что кровопускание считалось одной из действенных форм лечения, то станет понятным — роль цирюльника была немаловажной.

Одной из наиболее колоритных фигур в алтайском здравоохранении был Фридрих Геблер\*\*.

\* Горный офицерский чин.

\*\* Потомки Ф. В. Геблера проживают сейчас в Томске. Среди них есть врачи, инженеры, научные работники высших учебных заведений.

\* Упоминается Кизинг и в романе П. Бородинки «Иван Ползунов».

Необыкновенна жизнь этого барнаульца. Поначалу все в ней складывается как полагается у молодого человека из благополучной семьи. Успешное окончание медицинского факультета. Блестящая защита диссертации, в которой наряду с освещением специальных вопросов высказаны глубокие обобщающие мысли: «Познание причин болезни — вот цель каждого лечащего врача», «Цифры, если не управляют миром, то показывают, как мир управляется». Звание доктора медицины. Частная врачебная практика.

И вдруг... Но прежде нужно сказать, что все это происходит не в России, а в Германии — университеты в Йене, частная практика в Грейце и Дрездене. Однако я не зря назвал Геблера барнаульцем. Именно здесь, а не в Цойленроде, где он родился, есть улица его имени.

А все потому, что вдруг жизнь делает крутой поворот. Геблер приезжает в Петербург, а оттуда отправляется в загадочную, неведомую Сибирь, именно — в Барнаул, на должность начальника госпиталя. Здесь молодой доктор вскоре женится на дочери офицера Александры Степановны Зубаревой, а позже, будучи инспектором медицинской части\* Колывано-Воскресенского округа, принимает русское подданство.

Должность инспектора [медицинской части] позволяет часто бывать в поездках. Но странный доктор занимается не одной проверкой медицинских учреждений. Он изучает и описывает самые различные уголки края. И научные его увлечения касаются географии, этнографии, зоологии, энтомологии...

Как энтомолог он положил начало изучению сибирских насекомых. В 1817 году, через семь лет по прибытии в Барнаул, Геблер издает труд «Более редкие насекомые Сибири». Многие виды этих редких насекомых впоследствии были названы «геблеровскими». Деятельность естествоиспытателя не прошла мимо ботаники. Его именем названы пятнадцать растений, из числа сотен, которые он отыскал и исследовал. Занимался Фридрих Вильгельмович и изучением пещер, останков вымерших животных, собрал большую коллекцию минералов, делал барометрические и термометрические наблюдения.

Не угасающее с годами стремление путешествовать, «улавливать» тайны природы повело его к вершинам Алтайских гор. Он впервые дал бальнеологическую характеристику теплым Рахмановским ключам, описал Катунские Альпы. У истоков Катунки, на горе Белухе, открыл Катунский ледник, названный впоследствии ледником Геблера.

Академия наук издала труд Геблера «Замечания о Катунских горах, состав-

ляющих хребет в русском Алтае». Этот труд удостоен Демидовской премии\*.

Фридрих Геблер был членом-корреспондентом Российской Академии наук, членом Московского общества испытателей природы, действительным членом Московского общества сельского хозяйства, Русского Географического общества, ряда иностранных научных обществ.

Врач и ученый умел четко организовать работу и учил тому же других. Он настаивал на ежедневных осмотрах тяжелобольных, изучении истоков болезней, применении действенных методов лечения.

Стараясь обеспечить население необходимыми лекарствами, сам составлял требования барнаульской аптеки, для которой медикаменты выписывались из Петербурга. Расширял при аптеке так называемый «аптекарский огород», где выращивал лекарственные растения. Ежегодно организовывал сбор таких растений.

По отзывам современников, доктор Геблер «в подаянии помощи болящим был истинно самоотвержен». Это сказалось в 1829 году, когда среди горнозаводских людей началась эпидемия холеры. Инспектор врачебной части находился на самых опасных очагах заражения.

Фридрих Вильгельмович Геблер проработал в Барнауле 40 лет. Здесь он и скончался в 1850 году в возрасте 67 лет.

#### ПЕРВАЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ\*\*

Книги, если верить работам П. И. Семьянова, появились в Барнауле еще в демидовские времена. Они якобы были присланы сюда из Невьянска по распоряжению Прокофия Акифьевича Демидова. Далее, по мере роста школьного образования, росло и количество книг, необходимых для занятий.

В то же время с расширением завода вставали новые и новые технические проблемы, все острее чувствовалась необходимость в специальной литературе для инженеров и техников.

Создание первой в российской империи барнаульской казенной научно-технической библиотеки связано с именем Андрея Ивановича Порошина, к личности которого я не раз обращался в этой работе. В 1761 году по его рапорту сенат указал выделить из екатеринбургской горной биб-

\* Демидовская премия учреждена одним из членов семьи Демидовых.

\*\* Работа барнаульской научно-технической казенной библиотеки настолько мало исследована, что эта библиотека даже не упоминается в Сибирской энциклопедии. Там первой публичной библиотекой называют собрание книг С. И. Гуляева. Доступ в эту частную библиотеку был открыт в 1862 году.

Данная глава основана, главным образом, на архивных материалах и рукописи заведующей кафедрой библиотковедения Барнаульского института культуры Г. Г. Мальцевой «История технических библиотек на Алтае», работе П. Пичура «Из истории технических библиотек на Алтае».

\* Указом медицинской коллегии в 1797 году госпитали, лазареты, аптеки были переданы в ведение губернской врачебной управы, вначале — Тобольской, а с образованием Томской губернии — Томской. Для общего руководства медицинскими учреждениями округа введена должность инспектора медицинской части.

лиотеки «дубликатов книг математических и протчих, следующих до горного искусства, как на русском, так и иностранном языке».

Одновременно книги систематически доставлялись из фондов столичных учреждений, подведомственных царскому Кабинету, из книжных лавок Петербурга, Москвы, Омска. Их обычно привозили офицеры, сопровождавшие обозы с серебром. Наряду с различными вещами книги приобретались и за границей.

В 1763—64-х годах поступало много литературы, представляющей большую ценность для знатоков плавильного дела, гидротехники, механики. В их числе сочинения великого Ломоносова, известного профессора Шлаттера и других.

К началу XIX века книжный фонд барнаульской библиотеки, которую именовали еще и казенной, был по тем временам довольно значительным. В статье П. Вильчуря «Из истории технических библиотек на Алтае» приводится показательный пример. В фонде библиотеки нашего города в 1809 году насчитывалось 609 книг по физике и минералогии, а в крупнейшем научном центре страны — Московском университете — книг подобной тематики было 707. В том же 1809 году барнаульская казенная библиотека выросла еще и за счет заводской периферии.

В то время в заводском округе библиотеки были не в одном Барнауле, но и на других заводах, в рудничных поселках. Книгохранилища, библиотечная работа с книгой там оставляли желать много лучшего. В должности библиотекарей часто оказывались малограмотные люди.

Учитывая все это, Канцелярия заводов вынесла решение ликвидировать маленькие библиотеки, передав их фонды в Барнаул. Из одного только Змеиногорска было привезено более 300 книг. Литературу свезли из Томска, Сузуна, Павловска, Кольвани, Локтя. На периферии библиотекам оставили лишь самые необходимые издания.

Некоторые книги из первой барнаульской библиотеки до сих пор сохранились. Более 50 из них находятся в фондах Алтайского краеведческого музея. Среди них рукописный учебник арифметики братьев Гуляевых. Этот учебник начинается характерными для того времени сентенциями: «Что есть арифметика? Арифметика есть счисление». Другая рукописная книга, «Устав о лесах», вероятно, единственный экземпляр из сохранившихся в Советском Союзе.

Есть здесь книга, на которую я ссылался в этом труде. Сочинение Иоганна Шлаттера по рудному делу. Возможно, как раз этот экземпляр обстоятельно изучал Иван Ползунов. Заглавие книги занимает весь титульный лист. Начинается оно так: «Обстоятельное наставление рудному делу, состоящее из четырех частей, в котором описаны рудокопные места, жилы и способы для прииску оных, тако ж учреждение новых рудников, потребные к рудному производству машины, разобранье, толчение и промывание руд...»

Сохранились также цитированные ра-

нее сочинения Палласа, книги «Горного журнала», атлас Гмелина.

Бесценен экземпляр книги Карла Ледебурра. К ней приложено письмо Ледебурра П. К. Фролову, на книге дарственная надпись для читателей казенной библиотеки.

Упомяну еще одну книгу — «Действующий травник и лечебник». Им, вероятно, пользовались ученики медицинской школы и врачи госпиталя. Специалисты считают, что он не утерял значения до сих пор, хотя и был издан в 1720 году.

По инициативе П. К. Фролова вся литература библиотеки была систематизирована.

В 1834 году, уже после ухода Фролова с поста начальника заводов, в наш город была выписана большая партия литературы на немецком и французском языках. В 1848 году среди поставщиков книг зарегистрирован лейпцигский книготорговец Леопольд Фосс, в 1850 — владельцы книжных магазинов Эгерс и Рейсле из Берлина.

Книги поступали от Кабинета, департамента горных и соляных дел и из самых различных источников. Отмечено даже поступление от Кавказского отделения Русского Географического общества.

Фонд пополнялся и за счет частных, как тогда называли, пожертвований. В Алтайском краевом архиве хранится пожертвованный от времени «Регистр книг, полученных от разных лиц». Он относится к 1838 году. В регистре записано 57 книг различных названий.

Библиотека располагала многими периодическими изданиями, в том числе и журналами на иностранных языках.

Фонд ее в 1835 году составил около 9500 томов. Конечно, по современным масштабам это немного, но по тогдашним — солидное книгохранилище.

К этому году относится ценный документ: «Росписи книг, находящихся под расписками за 1835 год».

Из этой росписи можно узнать, что на руки читателям за год выдано 522 книги. Такая обращаемость книг, составляющая около 5 процентов, теперь считалась бы очень малой. Сейчас в библиотеках нашего города она составляет не менее 170 процентов.

И все-таки среди читателей библиотеки были наряду с Ползуновым, Фроловым, Геслером, изобретателем Чернищевым писарь Васильев, переплетчик Нагибин, подлекарь Поморцев, аптекари, канцеляристы, лаборанты. Только никто из рабочих людей не числился в этом списке.

Зато примечательно, что книги выдавались самого разнообразного содержания: «Наилучший способ плавить и выковывать железо», «Новая поваренная книга», «Странствия Телсема, сына Одиссея», «Творения великомудрого Платона», «Моральная карманная книга для молодых людей», «Жизнь и приключения Робинзона Крузо»...

И к чести тогдашних библиотекарей, следует отметить — они работали со своим фондом. Руководство заводов обязывало горных офицеров, «ежели кто в тео-

рии и практике недостаточен», заниматься по книгам, отводя для этого специальные часы. Библиотека, не удовлетворяя этим, устраивала нечто подобное современным дням информации.

Существовало на Алтае и нечто вроде межбиблиотечного абонеента. В Алтайском архиве хранится даже «Проект правила о посылке книг и журналов барнаульской библиотекой по другим заводам и главным рудникам Колывано-Воскресенского округа для удовлетворения потребностей в чтении служащих в заводах и рудничных чиновников».

Других библиотек в Барнауле в то время не было, если не считать частных собраний у горных офицеров. Поэтому Барнаульская казенная библиотека, применяя самые передовые по тем временам методы обслуживания читателей, сыграла немалую роль в развитии культуры на Алтае, в совершенствовании специалистов горного дела.

### ЗАВОРОЖЕННЫЕ АЛТАЕМ

В заметках путешественников, в архивных документах XVIII века мелькают сведения об интересе барнаульской интеллигенции к искусству. Этот интерес распространялся и на живопись. Можно предположить, что в квартирах у многих горных офицеров были картины. Позже, в начале XIX века, известны некоторые собрания живописи, в частности, картинная галерея П. К. Фролова, в которой были даже произведения Рубенса и Рембрандта. В этом собрании нашли место и ценные иконы, деревянные и медного литья, старопечатные книги и рукописи.

Однако в XVIII веке в Барнауле и на всем Алтае не было художников, если не считать иконописцев, создававших лики святых для церквей и отдельных заказчиков.

Но заводы и рудники нуждались в профессиональных художниках. Они были нужны для преподавания рисования и черчения в барнаульском горном училище, а также в горнозаводских школах. Помимо того, никогда не бывавшие здесь царственные хозяева Алтая, да и высшие чиновники Кабинета хотели хотя бы на рисунках видеть этот отдаленный край и все сделанное в нем руками и сноровкой рабочих людей, ищущей инженерной мыслью. И для преподавания, а также для «снятия видов» Кабинет направлял сюда «мастеров живописных дел». Так, в 1801 году в Сибирь для создания заводских видов, «начиная с Пермских и далее по порядку», был послан художник Василий Петрович Петров.

В Алтайском краевом архиве среди других документов, касающихся деятельности Петрова, хранится «Предписание», в котором указано, что художнику надлежит «снять не только внешние виды заводов... но изображения самой внутренности во время действия любопытнейших из оных». То же самое касалось «достоинейших из рудников».

В. П. Петрову тогда исполнился 31 год. В отличие от многих живописцев он учился не в Академии художеств, а в школе при Императорской Театральной дирекции. Учителем его был один из первых в России городских пейзажистов Ф. Я. Алексеев.

Лучшие полотна Петрова — «Вид Екатеринбурга», «Вид мызы Соймонова», «Итальянский пейзаж с рекой и стадом» — отличались яркостью и богатством красок. Но Сибирь, и в особенности Алтай, стали совершенно новыми страницами в его творчестве.

Поселившись в Барнауле и работая здесь преподавателем горнозаводской школы, он совершал путешествия на Бухтарму, в бассейн Чарыша, Коксы, Катунь и во многие другие места.

Велик список людей искусства, которых заворожил Алтай, став истоком их вдохновения. К ним принадлежал и Василий Петров. Он не только был одним из первых русских художников, рисовавших заводы с природы, но серия его рисунков — своеобразная живописная энциклопедия Алтая того времени. В десятках картин, зарисовок, этюдов он запечатлел рабочих людей, горные выработки, национальные алтайские типы, дома, часовни, церкви, домашних животных...

«Почти неизобразимые», — как охарактеризовал их Петров, Алтайские горы окончательно пленили живописца. В письме к своему другу А. Строганову он утверждал, что «... виды Алтайские едва ли в чем уступят Альпийским или Швейцарским, а дикостью и ужасною странностью превзойдут оные...»

И все-таки Петров не раз пытался воссоздать эти «неподражаемые для кисти искусства» пейзажи. Более двухсот работ художника хранится в Русском музее в Ленинграде, в архиве Алтайского краевого музея. Среди них немало топографически точных зарисовок: «Риддерский рудник», «Вид ключа», «Убинский хребет» и другие. Из алтайских пейзажей особо выделяется «Вид на Алтае».

Для барнаульцев особый интерес представляет картина Петрова «Панорама Барнаула. Вид с горы». Помимо художественной, эта картина имеет документальную ценность. На ней изображены прямые, в основном одноэтажной застройки улицы, возвышающиеся над домами три церкви.

Почти десять лет проработал Василий Петрович в Сибири и более всего в Барнауле и на Алтае. Сделав ощутимый шаг от декоративности и условностей классицизма к правдивой и реалистической живописи, художник значительно вырос. Однако жизнь его странно и непонятно оборвалась. 14 марта 1810 года Петров покончил самоубийством.

Причины его смерти до конца не выяснены. В «Истории Алтая» говорится: «В. П. Петров, очевидно, оклеветанный и измученный, лишил себя жизни». Что означает это «очевидно»? Кем оклеветан и чем измучен был одаренный художник? Об этом ничего не сказано.

Факты говорят о другом. В 1806 году В. П. Петров был избран действительным членом Петербургской Академии художеств. В 1809 году пришел указ Кабинета о награждении художника немалой наградой — тысячью рублями.

Может быть, не всем нравилось, что, создавая реалистические произведения, в которых изображен адский труд на заводах и рудниках, художник делал совсем не то, чего от него ждали при царском дворе.

Хотя это всего лишь догадки, ничем не подтвержденные.

### ОПЕРНЫЙ ДОМ

Определенную роль в жизни нашего города играл и любительский театр. Ссылаясь на ценный архивный документ «Ведомости о казенном строении Барнаульской горной конторы», алтайский историк и литератор В. Гришаев указывает время постройки театрального дома — 1786 год. Это, конечно, не исключает, а даже предполагает то, что любительская труппа существовала и ранее.

В «Ведомостях о казенном строении...» за 1786 год дается описание театрального здания. Дом деревянный, состоял он из фойе, зрительного зала и сцены с «убиральной горенкой» при ней. В. Гришаев, учитывая размеры зрительного зала, полагает, что в нем «было никак не менее 100—110 мест».

В «Ведомости» за 1780 год есть сведения о назначении театрального дома. Правда, написано об этом весьма туманно: «Во оном производится временно разного звания молодым людям обучения или разговору от светских историй для чего оный дом только и состоит».

Здесь интересны три момента: в театр открыт доступ «разного звания молодым людям», здание предназначено только для него, в нем ставятся не духовные пьесы, а «светские истории».

Весьма значительные подробности есть и в другом документе — «Дело о краже вещей из барнаульского оперного дома». Самый заголовок свидетельствует о том, что театр был музыкальный, оперный. Пойманный вор показал, что он кинулся в первую очередь искать деньги в кассе, не найдя их, украл одежду. Это говорит о том, что спектакли были платные.

Арестовавший вора сержант горного батальона Афанасий Волков сразу узнал принадлежности реквизита, так как сам «во оном доме был актером». В формуляре Волкова сказано, что он грамотен, знает арифметику и умеет рисовать.

Отсюда можно заключить, из кого набирались «актеры» театра.

Театры существовали в то время в ряде крупных городов Сибири, в том числе в Омске, Иркутске и Тобольске. Тобольчане организовали театр при архиерейской школе. В нем ставились пьесы духовного содержания. Сочиняли эти дидактические драмы и комедии преподаватели школы и вместе с учащимися ставили их на сцене.

Вполне возможно, что и барнаульцы ставили пьесы собственного сочинения. Драматургия тогда была не богата.

Из репертуара барнаульского любительского театра предположительно известно только одно название: комическая опера Эджидио Дуни «Немецкая башмачница». Известие это ценно тем, что подтверждает музыкальные возможности театра. Недаром многие путешественники отмечали, что барнаульская молодежь из офицерских и чиновничьих семей знала и любила музыку. Везде успевающий П. К. Фролов создал в Барнауле оркестр и хор.

Интересен относящийся, правда, к гораздо более позднему времени, а именно к середине 50-х годов XIX века, отзыв о барнаульском театре Петра Петровича Семенова, в будущем почетного члена Академии наук.

Но следует поначалу сказать, чему наш город обязан длительным пребыванием в нем П. П. Семенова.

В Барнаул тогда еще магистр ботаники Семенов прибыл в 1856 году. Молодой ученый ехал в Сибирь с твердым намерением проникнуть на Тянь-Шань. Однако в те годы вельможи Николая I старались перешеголять друг друга в реакционности, и министр иностранных дел запретил путешествия ученых за пределы своей страны.

Помог Семенову омский генерал-губернатор Гасфордт. Он хотя и отличался самодурством и нелепым прожектерством, вроде планов введения новой религии среди казахов — не православной, не магометанской, а, как острили омичи, «гасфордтовской», однако был человеком образованным и поддержал намерение Семенова.

Прибыв летом 1856 года в Барнаул, Семенов выехал отсюда в Змеиногорск и Локтевский завод, затем в Семипалатинск. Из Семипалатинска он предпринял первое путешествие на Тянь-Шань. Зимой 1856/57 года путешественник провел в Барнауле, откуда последовала новая поездка на Тянь-Шань.

Таким образом, П. П. Семенов имел возможность ознакомиться не только с Алтаем, но и с барнаульским обществом. С этим связаны и его заметки о театре.

«Жили они, — говорит Семенов о барнаульцах, — весело и даже роскошно, но в их пирах не было той грубости, которой отличались оргии членов главного управления Западной Сибири в Омске».

Эстетические наклонности горных инженеров Алтайского горного округа проявлялись не только в убранстве их комнат и изящной одежде их дам, но и в знакомстве как с научной, так и с художественной литературой, наконец, в процветании барнаульского любительского театра, который имел даже свое собственное здание. Многие из горных офицеров, постоянно принимая участие в любительских спектаклях, выработали из себя тонких образованных артистов, между которыми в моей памяти остались горный инженер Самойлов, брат знаменитого актера Са-



мойлова\*, а в драматических ролях — молодой горный инженер Давидович-Нащинский. В женских же ролях две из жен офицеров были тоже очень выдающимися артистками. Одним словом, Барнаул в то время был, бесспорно, самым культурным уголком Сибири, и я прозвал его Сибирскими Афинами, оставляя прозвание Спарты за Омском».

И в другом месте:

\*«...Зимний сезон был оживлен любительскими спектаклями в прекрасном здании барнаульского театра. Многие из членов барнаульского общества выделялись своими замечательными сценическими дарованиями. Совершенно первоклассным комиком был горный инженер Самойлов, старший брат знаменитого артиста, даже превосходивший своим природным сценическим талантом своего младшего брата и выделявшийся еще в то время, когда оба они воспитывались в горном корпусе. Вообще оживление и культурность этого прекрасного уголка Сибири, прозванного мной Сибирскими Афинами, делали пребывание в нем в холодное зимнее время сибирских буранов особенно привлекательным...»

Друг Достоевского, семипалатинский прокурор Врангель, добавляет к этим свидетельствам еще одну ценную деталь. Он сообщает, что барнаульская «наездная» труппа летом выезжала в Змеев, куда на дачи переселялось в летние месяцы все главное начальство.

### «НОВЫЙ МАГАЗИН ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ»

Так назвал свою статью, опубликованную в издании Московского общества естествоиспытателей, Фридрих Геблер.

«Новый магазин» — это новый, первый в Западной Сибири музей. Он возник в 1823 году и официально именовался музеем горного дела. Но даже по приведенному выше заглавию статьи можно судить о том, что основатели музея, а это были как раз доктор Геблер и все тот же Петр Козьмич Фролов, мыслили его назначение гораздо шире.

Какими же экспонатами располагал в то время барнаульский музей?

Став начальником округа, Фролов просил инженеров и чиновников заводов и рудников направлять в Барнаул образцы горных пород, орудия труда, инструменты.

\* К династии петербургских актеров Самойловых принадлежали мать, три дочери и сын. Крупнейший из них, Василий Васильевич, 40 лет играл на сцене Александринского театра. Вера Васильевна была одной из любимых актрис И. С. Тургенева. Тургенев написал для нее две комедии — «Где тонко, там и рвется», «Провинциалка».

На Алтае жили Сергей Васильевич Самойлов, горный инженер, о котором упоминает Семенов, и Иван Васильевич — пристав надворных работ Локтевского завода. Иван Васильевич некоторое время учился в Петербургском театральном училище. О нем как актере-любители сведений не сохранилось.

В Петербурге, в кабинетах горного корпуса, он изучал и каслинское фигурное литье, и кровельное железо и сталь. И здесь Петр Козьмич старался представить продукцию своих заводов.

В феврале 1822 года он писал инженеру-теплотехнику Ярославцеву: «Прикажете ученикам вашим, которых вам дано будет 6 человек, построить две модели паровых машин: одну бывшей здесь, устроенной г. Ползуновым (чертеж при сем прилагается), а другую новой конструкции, и также сделать модель водостолбовой машины, чертеж которой можете найти у Демису».

Помимо этих моделей, строились модели Змеиной горы, промывательных сооружений на речке Кораблихе, гидросооружений К. Д. Фролова, модель станка для чеканки монеты на Сузунском заводе.

Всю эту работу под руководством П. Г. Ярославцева и техника Климова делали ученики барнаульского горного училища и горнозаводских школ. Материалы в архивах собирал личный секретарь, а точнее, помощник Фролова инспектор училищ Карпинский.

Член-корреспондент Академии наук Иван Михайлович Ренованц, страстный коллекционер, собрал образцы минералов Германии, Франции, Австрии и, конечно, России. Коллекция Ренованца служила учебным пособием для горного училища и тоже была передана во вновь открытый музей.

Фридрих Геблер подарил музею свою энтомологическую и минералогическую коллекции. Последняя сохранилась до сих пор.

На Барнаульском заводе появилась небывалая профессия. Некий лекарский ученик обрелась при «чучульном ремесле». Для этого в 1821 году его посылали в Москву обучаться набивке чучел.

В музее было много чучел алтайских птиц и животных.

Выписывали сюда, подчас из дальних стран, различные диковины: чучело крокодила-аллигатора, неуклюжего броненосца, хамелеона и других представителей животного мира.

Фролов приказал, чтобы экспонаты музея были занесены в каталог «без указания цены».

В 1826 году в музее побывал Карл Ледебур. В цитированных ранее записках он коснулся модели вододействующей машины Змеиногорского рудника, двигателей Ползунова и других технологических устройств. Рассказал о минералогическом кабинете, этнографическом отделе, чучелах животных и птиц.

Первым «приставом», заведующим музеем был В. И. Тнстров. Музей был любимым детищем Фролова. Он сам нередко сопровождал наиболее знатных посетителей и давал им разъяснения. По его инициативе была заведена книга «Собственноручные подписи особ, почтивших своим посещением барнаульский музей».

Первая запись в этой книге принадлежит Александру Гумбольдту. Натуралист, исследователь Алтайских гор, сделавший ценные выводы об их геологическом строении, Гумбольдт проявил интерес и к Бар-

наульскому сереброплавильному заводу, Риддерским рудникам, Колыванской шлифовальной фабрике. Закономерно его внимание к барнаульскому музею. В своей «собственноручной записи» он объединяет музей с личностью его создателя Фролова и, как тогда было принято, пользуется случаем поблагодарить начальника округа за гостеприимство и интеллектуальное общение. Отзыв написан в третьем лице:

«Александр фон Гумбольдт для слабого доказательства благодарности своей за приятные и поучительные часы благонамереннейшего собеседования, проведенные им в Барнауле в доме его превосходительства господина начальника заводов».

Запись сделана 23 июля 1829 года.

В этой книге, переплетенной в черный ледерин, можно найти и другие известные имена. 11 июля 1876 года в ней под краткой записью на немецком языке расписался знаменитый зоолог Альфред Эдмунд Брем. Здесь есть отзыв крупного исследователя Алтая Сапожников, знатока Центральной Азии Козлова. Любопытно еще одна роспись, датированная 19 мая 1897 года — «А. Демидов, князь Сан-Донато». Анатолий Николаевич — сын посланника во Флоренции. Огромное богатство, начало которому было положено тульским кузнецом Никитой Демидовым, позволило купить княжеский титул, вести светский образ жизни. В 1897 году он ездил в Монгольский Алтай охотиться на диких серн. О своем пребывании на Алтае и в Барнауле Анатолий Демидов написал книгу, изданную в Лондоне на английском языке.

#### БАРНАУЛЬСКИЕ МЕТЕОРОЛОГИ

В Барнауле работала одна из первых в Сибири метеорологических обсерваторий. Еще до ее возникновения находились энтузиасты, которые вели наблюдение за состоянием погоды. Одним из них был друг Ползунова Эрик Лаксман. Крупный естествоиспытатель помимо других исследований стремился проникнуть в тайны атмосферных явлений.

Конечно, в его распоряжении не было метеорографа, но он сам делал простейшие приборы и даже распространял их среди любителей естествознания. В шестидесяти годах XVIII века, когда Лаксман жил в нашем городе, барнаульцы могли с удивлением наблюдать на крыше его дома невиданный прибор. Это был флюгер, который свои показания передавал в комнату. В 1784 году ученый построил недалеко от Иркутска стекольный завод и изготовлял там термометры, разошедшиеся по всей Сибири.

Некоторые приборы, предсказывающие и регистрирующие атмосферные явления, были у Ползунова и у других жителей города.

В начале XIX века, с 1810 по 1813 год, метеорологические наблюдения вел Г. И. Спасский. Я впервые упоминаю здесь имя этого яркого человека, талантливого исследователя Алтая. О нем следует рассказать особо.

Сын священника из Рязанской губернии, Спасский учился в духовной семина-

рии. Однако с ранней юности его влекли научные исследования.

Работая в горном департаменте в Петербурге и в различных городах Сибири, Григорий Иванович упорно пополнял свое образование, много путешествовал, собирал различные материалы о прошлом сибирских народов, их обычаях, нравах, культуре. Его обстоятельные, богатые научными прозрениями и обобщениями статьи обратили на себя внимание. В 1810 году Спасского избирают членом-корреспондентом Академии наук.

Работая в Барнауле, а позже в Змеиногорске, ученый извездил Горную Колывань, Центральный Рудный Алтай, Салаир. Много занимался археологией, собрал обширный материал для горного словаря.

В 1817 году Г. И. Спасского переводят в Петербург, где впоследствии он занимает должность начальника отделения алтайских и Черчинских заводов.

В Петербурге Спасский основывает первое в России краеведческое издание «Сибирский вестник» (позднее «Азиатский вестник»).

Г. И. Спасский создал и первый в России трехтомный «Горный словарь».

В его работах много ценных и до сих пор не потерявших актуальность моментов. Он сообщил, например, что на берегу Чарыша в прожилках кварца имеется горное масло. Вероятно, это и есть популярное теперь мумие.

В нескольких последних главах я попытался рассказать о культурной жизни дореформенного Барнаула. В связи с этим доводилось обращаться к выдающимся личностям, так или иначе связанным с нашим городом. Сведения о них встречаются и в других разделах книги.

Это ученые-путешественники: Вильгельм-де Геннин, Иван Михайлович Ренованц, Иван Филиппович Герман, Петр Паллас, Иоганн Фальк, Петр Петрович Семенов, Александр Гумбольдт.

Это и люди, подолгу жившие в Барнауле, те, кого мы вправе называть земляками. Их было не так много, потому что в то время здесь не существовало ни учебных вузов, ни научно-исследовательских институтов. Их нетрудно перечислить — Иван Иванович Ползунов, отец и сын Фроловы, академик Эрик Лаксман, члены-корреспонденты Академии наук Григорий Иванович Спасский, Фридрих Вильгельмович Геблер, академик живописи Михаил Иванович Мягков, другой талантливый художник Василий Иванович Петров, его однофамилец и тезка, крупнейший электротехник и в будущем академик Василий Владимирович Петров, одаренный ученик России архитектор Яков Николаевич Попов, известный торколог и полиглот академик Василий Васильевич Радлов и некоторые другие.

Да, их было не так много.

Но о них следует сказать несколько слов. Не потому, что они носили высокие ученые звания и такого количества академиков Барнаул не знал за всю свою историю. А, прежде всего потому, что этих

людей отличали редкие нравственные качества. Каждый из них занимался не одной, а несколькими, часто далекими друг от друга науками, и они сумели охватить многие отрасли человеческого познания — горное дело, металлургию, теплотехнику, гидротехнику, механику, электротехнику, минералогию, градостроительство и строительство дорог, ботанику, зоологию, энтомологию, химию, географию, археологию, медицину, метеорологию, языковедение, фольклористику, краеведение, библиографию, плюс к тому камнерезное искусство, архитектуру, живопись...

Благодаря их самоотверженности, их энергии наш город стал родиной многих открытий и изобретений и славился как «Сибирские Афины» своим училищем, медицинской школой, госпиталем, аптекой, библиотекой, театром, музеем, обсерваторией, своим «уголком Петербурга» — Демидовской площадью.

И пусть эти люди слыли неисправимыми чудаками; в свое время, это совершенно очевидно, они составляли особую прослойку, которая притовстояла стяжателям, карьеристам, пробыристам и создавала в городе определенную атмосферу, определенный, как теперь говорят, микроклимат. Несомненно, их неутомимая жажда знаний, их поистине стоящие на грани фантастики трудолюбие и работоспособность, их уникальная энциклопедическая эрудиция вызывали уважение, восхищение и стремление к подражанию.

### «НЕ С ПОЛНОЮ ВЫГОДОЮ...»

К середине XIX века в феодальной России все оощутимее давали себя знать нарастающие капиталистические отношения. Посессионная и вотчинная мануфактуры\* уступали место капиталистической. В 1858 году на предприятиях обрабатывающей промышленности в России было занято 573,3 тысячи рабочих, из них — наемных 462 тысячи, или 80 процентов. Победа капиталистических мануфактур над их феодальными формами объяснялась более высокой производительностью труда.

Однако в горной промышленности по-прежнему господствовал крепостной труд. Этот почти даровой труд исключал заботу о техническом прогрессе. Впрочем, как и во времена Ползунова и Фролова, отдельные инженеры, техники, да и простые мастеровые искали интенсивные способы производства, стремились облегчить участь рабочих людей.

Теперь это было тем более необходимо, что Алтай долгое время работал на сырье, богатом благородными металлами, но это сырье начало истсякать.

В 1830 году известный своими изобретениями бергмейстер П. М. Залесов попросил разрешения на производство опытов, в результате которых можно вдвое

уменьшить угар серебра и значительно сократить потери свинца.

Однако результаты этих опытов неизвестны, хотя они и были разрешены. Видно, как чаще всего делалось с проектами изобретений и открытий на заводах Кабинета, и этот проект положили под сукно.

В конце 1830 года унтер-шихтмейстер В. Е. Речкунов предложил новый рациональный способ золотопромывания. Судьба его проекта также неизвестна.

После П. К. Фролова алтайским округом 10 лет руководил Степан Петрович Татаринов. Это был инженер с серьезным опытом. Выпускник горного корпуса, он пять лет работал в горной академии во Фрейберге, побывал на горнозаводских предприятиях в Саксонии, Баварии и Венгрии. Служил на уральских, а также Нерчинских заводах.

Татаринов стремился добиться улучшения процесса плавки металлов, для чего посылал барнаульских инженеров за границу и на уральские заводы. Ввел новшества, цель которых «устранить трудность при работе для людей, которые должны переносить сильную степень жара», то есть, главным образом, для плавильщиков руд.

Нашли применение и другие начинания Татаринова по совершенствованию технологии литья.

Но он и сам понимал, что все это лишь полумеры, а для основательной перестройки заводского и рудничного производства в его распоряжении не было средств.

В 1877 году появился в Барнауле легендарный среди металлургов человек — Павел Петрович Аносов.

Учащихся петербургского горного корпуса, выпускником которого был и Аносов, всегда интересовали макеты различных рудников и заводов и образцы отечественного и зарубежного литья. Но более всего любого металлурга влекла хранящаяся в одной из комнат коллекция булатов. Здесь были индийские клинки кум-кунды — индийская волна, и персидские из того самого Хорасана, который много лет позже вспомнил в своих стихах Сергей Есенин. На каждом из них проступал свой узор.

Тайна булата, известная в средневековье, считалась навсегда утерянной. Ее безуспешно искал даже великий Майкл Фарадей, открывший многие фундаментальные законы физики. Павел Аносов открыл эту тайну. Она оказалась внутри сплава. Инженер доказал, что механические качества металла зависят от его микроструктуры, в частности, узоры на булате отражают его кристаллическое строение. Его труд «О булатах» был переведен на европейские языки. Его булат без единой зазубрины выдерживал удары доброй сабли, газовая ткань, брошенная на клинок, едва коснувшись его, распадалась на двое.

В наш город на пост начальника округа Аносов прибыл из Златоуста, где командовал Златоустовским горным округом в течение 12 лет. Он был в чине генерал-майора, мировую известность получили его труды «Описание нового способа за-

\* Предприятия с использованием ручного труда, но с обязательным разделением труда. В посессионных и вотчинных мануфактурах работали крепостные.

калки стали», «О приготовлении литой стали». Профессор чистой математики Лобачевский прислал ему в свое время диплом почетного члена-корреспондента Казанского университета. Такой же диплом он получил и из Харьковского университета.

Изобретения ученого применялись и на Алтае. И здесь он увидел свои золотопромывательные машины и даже в августе 1850 года сообщил в Кабинет: «Устроенная по проекту моему машина действовала до сего времени не с полной выгодой, за сделанными ошибками при устройстве».

Талантливый ученый и огромного опыта руководитель Аносов понимал, что и все алтайские заводы действуют «не сполною выгодою». Да и послали-то его сюда для того, чтобы, как сказано в официальных документах, «упрочить состояние серебряных и свинцовых рудников».

Казалось, для этого у Павла Петровича были все данные — эрудиция ученого, смелость новатора, талант организатора производства. Во всех его начинаниях был ошутим почерк серьезного руководителя, а не временщика и карьериста, каких немало повидаль Алтай. Он начал с изучения положения приписных и мастеровых людей. Вступился за крестьян, у которых пытались отрезать часть земли в пользу войсковых казаков. По этому поводу писал: «Еще не приступлено к нарезке земли, но предвидеть можно, что она принесет важный вред заводам: ибо с уменьшением земли крестьяне лишены будут средств и оплачивать подати безнедоимочно, как это было до сего времени, и выполнять заводские работы».

Начальник заводов понимал, что окончательное разорение крестьян пагубно отразится на заводских делах.

Умение мыслить перспективно видно и в стремлении оснастить заводы более современной техникой. Для этого Аносов в первую очередь занялся производством железа. Он отмечал, что «железное производство» на Урале значительно выше, чем на Алтае. А между тем на родине ползуновского двигателя и первой в России фроловской железной дороги не было в заводском и рудничном производстве ни паровых машин, ни рельсовых дорог. Чтобы внедрить все это, нужно было железо.

Вплотную занялся Павел Петрович и еще одной кардинальной проблемой. Он стремился увеличить процент выхода металла из руд. Одновременно под его руководством усиливается разведка новых месторождений. Созванный Аносовым Горный совет решил в 1850 году «нарядить сверх обыкновенных разведочных партий две: одну в Киргизскую степь по направлению к Тарбогайскому кряжу, а другую — в Кокчетавский и Акмолинский округа».

Однако все эти мероприятия, как понимал сам Аносов, тоже были лишь частью дела. Оно нуждалось в коренной перестройке. Даже человек, во многом опередивший свое время в науке, не мог опередить его в организации производства, не мог отменить законы феодализма.

## «ОСВОБОЖДЕНИЕ» КРЕСТЬЯН В ЦАРСКОЙ ВОТЧИНЕ

Крестьянская реформа имела глубокие социальные причины. Россия вступила на путь капитализма. Товарообмен и внутри страны и с европейскими государствами принимал все более широкий размах. Как ни стремились помещики сохранить привычные и выгодные им формы хозяйствования, они были не в силах этого сделать.

Толчком для проведения реформы явилось поражение в Крымской войне 1853—56 годов, которое во многом объяснялось технико-экономической отсталостью России. Русская армия была вооружена, главным образом, кремневыми гладкоствольными ружьями, а англичане и французы — нарезными винтовками. Устаревшие парусные корабли русского флота значительно уступали военным судам противника.

Война еще раз показала, что крепостнический режим является сильным тормозом развития страны.

С другой стороны, все усиливалось революционное движение. Герцен в «Колоколе» страстно ратовал за отмену крепостного права. Чернышевский призывал крестьян добиться освобождения революционным путем. После Крымской войны произошло более двух тысяч крестьянских «бунтов».

«Крестьянские «бунты», — писал В. И. Ленин, — возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу»\*.

Раскрыв причины, побудившие царя провести реформу 1861 года, Ленин с классической простотой и ясностью показал ее суть.

«Пресловутое «освобождение», — писал он, — было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними».

Ильич показал, что, освобождая крестьян, у них отрезали большое количество земли, переселяли их на «песочек», «а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены»\*\*.

На тех же принципах бессовестной эксплуатации и обмана «освободили» приписных и рабочих людей в Алтайском горном округе. Манифест об отмене крепостного права в России был, как известно, дан 19 февраля 1861 года. 8 марта Александр II подписал указ о распространении на приписных крестьян и мастеровых прав «свободных сельских обывателей».

Но так как заводы и рудники нуждались в рабочей силе, освобождение проводилось постепенно. «Нижние рабочие чины», а их было 23672 человека, освобождались в течение двух, а приписные крестьяне, которых насчитывалось более ста

\* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

\*\* Там же.

сорока пяти с половиной тысяч, — в течение трех лет.

При этом вначале освобождали тех, кто проработал на заводах 20 лет и малолеток, потом тех, кто проработал 15 лет. Делая это, первый помещик — царь — прикрывался гуманной фразеологией, однако по сути и здесь преследовались интересы заводов.

Вообще же все «освобождение» было нацелено на то, чтобы закрепить мастеровых на заводах по найму. Земля на Алтае оставалась собственностью царского Кабинета. 30 процентов мастеровых, как не «имевшие оседлости», то есть не имевшие ранее своего хозяйства, не обрабатывавшие землю, лишались права на получение надела. Остальные получали небольшие приусадебные наделы и не превышающие десятины покосы, за что платили оброк Кабинету и казне.

Все крестьяне, живущие в личных царских владениях, — бывшие приписные, свободные от приписки к заводам, переселенцы — обязаны были ежегодно платить по 6 рублей с каждой наделенной землей мужской души. 4 рубля из этих 6 шло в пользу Кабинета, 2 — государству.

Но это еще далеко не все. Здесь только еще начинались те беззакония и хитрости, те увертки, которыми царь обеспечивал свои предприятия рабочей силой.

Мастеровым, занимавшимся на заводах, давалась земля в аренду на 5 лет. Если рабочий оставался и дальше на заводе, аренду продолжали еще на 5 лет. Мастеровым, покинувшим завод, землю в аренду не давали. Вдобавок к этому, мастеровых, проработавших на заводе 10 лет, освобождали от военной службы. Все это, конечно, относилось к рабочим, имеющим определенную квалификацию.

Такими мерами Кабинет пытался сохранить и на дальнейшее свои горнорудные предприятия в Алтайском округе и выколачивать из них прибыль.

### ЗЫРЯНОВО И ФРЕЙБЕРГ

Первые два-три года горнозаводские предприятия Алтайского округа работали на дореформенном уровне. Барнаульский завод даже плавил серебра больше, чем в 1861 году. Это объяснялось тем, что заводское начальство перед реформой специально создало запасы руды и угля.

И в дальнейшем были попытки поднять выплавку серебра. Но очень скоро она начала снижаться. Правящие заводами и рудниками верные слуги царского Кабинета не могли перестроиться на новый лад. Для этого им нужно было научиться иначе мыслить, иначе работать.

В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, характеризуя промышленность Северного Урала после реформы, отмечал:

«Итак, самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная экс-

плуатация природных богатств края, монополии, стесненные конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала».

Этот анализ целиком относится и к Алтаю.

Начиная с 1869 года выплавка серебра в Алтайском округе упала на 30 процентов. В 1881 году алтайские заводы, дававшие до 1 миллиона рублей прибыли, дали 170 тысяч убытка.

Можно ли было при других методах хозяйствования изменить положение дел на заводах и рудниках? Несомненно, можно. Комиссия, которую направил на Алтай Кабинет, изучила постановку дел на кабинетских предприятиях. Один из ее членов в докладе Кабинету сравнил разработку фрейбергских руд в Германии и Зырянских на Алтае. Зырянские руды с доставкой в Барнаул стоили 44—45 копеек пуд, фрейбергские — 50 копеек\*. По содержанию серебра зырянские руды были богаче. Плата рабочим в Германии была в три раза выше, чем на алтайских заводах. Но во Фрейберге получали прибыль, а в Барнауле — убыток.

Комиссия убедительно доказала, что на Алтае встала необходимость ввести обогащение руды, работать не на древесном, а на каменном угле, строить дороги, сокращать управленческий аппарат, искоренить казнокрадство.

Необходимо было улучшить и технологию производства.

На все это кабинетское начальство оказалось неспособным. В технологии получения серебра произошли лишь самые незначительные изменения. В одном из процессов плавки применили каменноугольный кокс. Водяные колеса заменили локобилями и турбиной.

Конечно, нужна была более радикальная реконструкция. Алтайские руды — полиметаллические, но кабинетские предприятия извлекали из них только серебро и золото. Другие металлы пропадали. То же золото шло на покупку за границей свинца и цинка.

Вступил в силу еще один фактор, приблизивший неотвратимый финал. На положение крупной промышленности и сельскохозяйственного производства часто влияет конъюнктура мирового рынка. В известном рассказе И. Бабеля «Как это делалось в Одессе» богатч Тартаковский пишет Бене Крику: «Неужели ты не знаешь, что в этом году в Аргентине такой урожай, что хоть завались, и мы сидим с нашей пшеницей без почина?».

Конкурентом алтайских заводов выступала не Аргентина, а Мексика, да и некоторые районы США. Там были открыты

\* В переводе на русские деньги.

\*\* Коксовая промышленность в России впервые появилась в Алтайском горном округе. В 1829 году после серии опытов, проведенных под руководством инженера Е. А. Третьякова, из березовского каменного угля был получен кокс. Томский и Гурьевский заводы выплавлили чугун на коксе.

богатые месторождения серебра. В связи с этим на мировом рынке оно сильно подешевело.

Если в 1861 году пуд серебра в Лондоне стоил 357,6 рубля, то в 1865 — 284, а в 1900 — 165,6 рубля. Себестоимость пуда серебра в Барнауле в 80-х годах дошла до 1000—1200 рублей. Дешевле было купить его в Лондоне, чем везти с Алтая.

В итоге в 1893 году закрыли павловский, локтевский и главный — барнаульский — заводы.

В 1897 году были закрыты все сереброплавильные заводы Алтая. Из крупных предприятий Кабинета в округе остались только Гурьевский завод, производящий чугуны и железо, и Колыванская шлифовальная фабрика.

Здесь уместно привести еще одно высказывание В. И. Ленина из цитированной выше работы «Развитие капитализма в России»:

«В основе «организации труда» на Урале издавно лежало крепостное право, которое и до сих пор, до самого конца XIX века, дает о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта. Во времена оны крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе. В XVIII веке железо было одной из главных статей отпуски России; железа вывозилось в 1782 г. ок. 3,8 млн. пуд., в 1800—1815 гг. — 2—1½ млн. пуд., в 1815—1838 гг. — ок. 1½ млн. пуд. Еще «в 20-х годах XIX века Россия получила чугуна в 1½ раза более Франции, в 4½ раза более Пруссии, в 3 раза более Бельгии». Но то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма».

И опять все сказанное целиком приложимо к Алтаю. И Алтай во «времена оны» производил, только не железа — серебра, во много раз больше, чем вся Европа. И Алтай процветал за счет крепостного труда. И те же крепостнические порядки послужили причиной его упадка.

Однако закрытие заводов не привело к упадку экономической жизни города. К этому времени начали входить в силу другие отрасли промышленности Барнаула, в основном занимающиеся обработкой продукции сельского хозяйства. По суммарной стоимости своих изделий эти отрасли в два раза превосходили когда-то господствующий в городе сереброплавильный завод.

#### ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БАРНАУЛА ПОСЛЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

Тем не менее и после реформы положение изменилось, хотя ограничения для промышленности на Алтае все еще существовали. Кабинет охотнее давал разрешения на строительство промышленных предприятий дворянам из числа чиновников и военных, чем купцам и мещанам. Последние, ища применение своим капиталам и инициативе, вступали в компании с дворянами.

Так или иначе промышленные предприятия появлялись одно за другим. В 1864 году художник Пранг при содействии двух своих братьев — влиятельных горных инженеров — получил дозволение построить содовый завод. Завод стоял за городом, недалеко от устья впадающей в Барнаулку реки Пивоварки. Число рабочих доходило до 57, по тем временам количество немалое. Предприятие было хорошо оборудовано. Энергию давала паровая машина.

Долгое время содовый завод оставался единственным обладателем такой энергетики, так как запрещение царского Кабинета иметь «огнедействующие силы», или, как тогда писалось, строить заводы с «огненным действием», оставалось в силе. Кабинет повторял это запрещение три раза в различные годы. В 1828 году в такой редакции: «...на земле ведомства заводского запрещается кому-либо устраивать лесопильные мельницы, винокуренные и другие заводы, требующие огненного действия». Паровые двигатели разрешено было устанавливать лишь в 90-е годы.

На Барнаулке запрещали использовать и водяные двигатели, считая, что это может нарушить необходимый для царского сереброплавильного завода водный баланс\*.

На заводе Пранга работало пять печей — три содоплавильные и две обжигательные. Производились глауберова соль и сода. Это было первое в России предприятие такого профиля.

Об этом заводе знал даже великий химик Д. И. Менделеев. Ученый упомянул его в своем классическом труде «Основы химии». Эту книгу профессор Петербургского университета Менделеев писал для своих студентов. Он не нашел ни одного пособия, которое счел бы возможным рекомендовать, и решил создать такое пособие сам. В книге освещаются не только основы химии, но и практическое ее применение. О барнаульском предприятии там сказано: «Мы слышали об одном заводе близ Барнаула, где получают соду из горькой соли, и, говорят, что сода этого завода отличается весьма хорошими качествами и что завод действует успешно. Цена соды в Барнауле, как нам сказали, — 1 р. 20 коп. за пуд. Если бы в Европейской России можно было достичь этой цены, то можно предсказать наверняка громадное потребление соды...»

В 1869 году коллежский асессор Функ открыл в городе мастерскую по выделке охотничьей дрови. В мастерской работали только 10 человек, но производительность ее была немалой: от 7 до 10 тысяч пудов дрови в год. Коллежский асессор оказался

\* Вообще в Сибири, там, где и не было запрета, передовая энергетика внедрялась медленнее. По данным П. А. Орлова, в его изданном в 1895 году «Указателе фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений», лишь 20 предприятий Сибири были оснащены паровым двигателем и системой машин.

оборотистым и инициативным. Он добывал соль, имел собственные пароходы.

Еще большей предприимчивостью отличался барнаульский чиновник Платонов. Хотя запрет на винокуренное производство оставался в силе, он добился разрешения построить винокуренный завод\*. Открыл его неподалеку от Бийска.

Здесь же промышленник построил стекольный завод. Завел золотые прииски. Под Барнаулом, в селе Зудилове, работала платоновская мельница. Чтобы увеличить оборотный капитал, Платонов вступил в компанию. Одной из его компаньенок оказалась весьма деловая женщина — чиновничья жена Судовская. При ее помощи Платонов наладил и винную торговлю, энергично спаивал население.

Так проявляли себя приспособляющиеся к новым условиям дворяне.

И тем не менее во всей стране после отмены крепостного права нарождалась новая буржуазия. Она формировалась из купечества, мещанства, деревенского кулачества. Крестьянская реформа открыла для развития капитализма самые широкие возможности: дала дешевую рабочую силу, которая стала объектом самой беспощадной эксплуатации.

Нарождающаяся буржуазия, как всякий молодой класс, размахом, смелостью, рискованностью, изобретательностью значительно превосходила уходящее с исторической сцены дворянство. И обладала еще присущей накопителю бульдожьей хваткой, была неразборчива в способах наживы, не пренебрегала ни мошенничеством, ни обманом, ни уголовным преступлением.

С беспардонным обманом связано развитие шубного производства на Алтае. Один из наших незаурядных земляков Степан Иванович Гуляев, чиновник по должности и ученый по призванию, пытаясь изготвить дешевые чернила, синтезировал отвар ивовой коры с раствором хромовокислого калия и получил устойчивую, красивого оттенка черную краску.

До этого овчину повсеместно обрабатывали на закваске овсяной и пшеничной муки, дубили экстрактами из древесного корья. Изделия получались желтого цвета. Находящаяся в Гавре французская фирма «Дубокс» вырабатывала натуральный черный краситель «Кампеш», но он был очень дорог и в Россию не ввозился.

Краситель нашего земляка не уступал «Кампешу».

Будучи высокопорядочным и, как большинство таких людей, доверчивым человеком, Степан Иванович в 1866 году подарил свой секрет барнаульскому шубнику Лапину. При этом он взял с него слово производить дешевую продукцию, не наживаться на новом красителе.

Местные шубы — «барнаулки», полушубки и борчатки — завоевали Сибирь, проникли и в Центральную Россию. Лапин

\* Винокуренное производство давало огромные доходы. Тобольский «винокуренный генерал» А. Поклевский-Козелл оставил после своей смерти 4,5 миллиона рублей. На Алтае оно было официально разрешено лишь в 90-е годы.

«забыл» данное ученому чудаку обещание и очень быстро разбогател.

Существует легенда: якобы возмущенный Гуляев явился к заводчику и стал укорять его в обмане и бессовестном стяжательстве. Но Лапин возразил, что он всегда держит слово и готов хоть сейчас не только продать по дешевой цене, но даже подарить «своему благодетелю» полушубок или борчатку. «Я не о себе говорю!» — возмутился ученый. Шубник и здесь не растерялся. «Обещание касалось только вас, — возразил он. — А вы, видать, меня не поняли».

Помимо полушубков и борчаток существовала еще дамская шуба «барнаулка». Она имеет свою историю. Барнаульский мещанин шубник С. И. Самолетов приобрел несколько гуляевских овчин и сшил по своей модели красивую шубу. Длина шубы до колен, воротник узкий, она сильно заталена, без карманов. Правая пола, низ юбки и воротник опушены мехом амурского сурка. В тон шубе рекомендуется меховая муфта и шапочка.

Первую дамскую «барнаулку» купил для своей жены приказчик купца Смирнова. Смирнов перекупил у него шубу за большие деньги для своей дочери. Слава «барнаулок» быстро росла. Дошло до того, что несколько шуб заказал царский двор.

Торговая палата направила шубы на парижскую выставку 1899 года. Там «барнаулка» была удостоена диплома первой степени.

Барнаульские шубники процветали. К концу XIX века в городе работало 13 овчинно-шубных заводов. Пошивом шуб занимались и отдельные скорняки. По количеству занятых в них рабочих и стоимости выпущенной продукции овчинно-шубные предприятия шли на первом месте. К 1900 году в них было занято 262 человека, а продукции они давали почти на 124 тысячи рублей.

Наряду с шубами Барнаул славился и своими валенками, или, по-сибирски, лимами.

Пимокатное, как, впрочем, и шубное, производство развивалось в виде кустарных промыслов. Истоки его нужно отнести к 60-м годам XIX века, хотя отдельные промысловики трудились и раньше.

Пимокаты-кустари работали семьями, как правило, без наемной рабочей силы. Шерсть они приобретали у перекупщиков, им же продавали валенки и очень часто попадали к ним в экономическую зависимость.

Лишь наиболее предприимчивым и удачливым удавалось не только сводить концы с концами, но и кое-что прикапливать. Такие выбивались в заводчики. К концу XIX века в Барнауле насчитывалось 17 пимокатных заводов.

Самый крупный из них принадлежал купцу Полякову. Построен в 1885 году. У Полякова работали 90 человек. По тем временам, и особенно для Барнаула, это было большое производство. Вслед за ним появился второй по мощности завод Бухалова. В нем трудились 45 рабочих.

Барнаул производил 100 тысяч пар ва-

ленок в год. А весь Алтай — до 250 тысяч пар. Были они разнообразными по колдке и по окраске. Кстати, в пимокатном производстве тоже применялись краски Гуляева.

К 1900 году в промышленности Барнаула было занято 57 предприятий. Годовая стоимость их продукции составляла около 637 тысяч рублей. Из 700 рабочих примерно 400 трудились в обрабатывающей промышленности.

#### БАРНАУЛ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Барнаул с годами менялся. Улеглась черная угольная пыль, стал исчезать режущий обувь плавильный сок — шлак. Рассеялся ядовитый дым старинного завода.

Подводы с углем и рудой сменялись подводами с хлебом, маслом, кожами, шерстью, косилками, плугами, жатками. Ядовитые дымы — удушливыми кислыми запахами непросушенных кож, свечных заводов и салотопен.

Впрочем, был и другой, гнилостный и дразнящий, запах — запах наживы. Город наводнили агенты, скупщики, перекупщики, прасолы. В ходу стали такие, ранее почти и неупотребляемые барнаульцами слова, как вексель, вклад, текущий счет, баланс.

В городе один за другим начали появляться банки. В 1894 году открылось отделение Сибирского торгового банка. Нескоро позднее — отделение Русско-Азиатского и Государственного русского банка для внешней торговли, а также Нижегородского и Ярославско-Костромского земельных банков. Всего 5 банковских контор.

Барнаульские купцы, которые раньше, как о них говорили, «не ходили дальше простых дробей», стали изучать экономику, обмозговывать и практически осуществлять различные комбинации и махинации.

Наиболее предприимчивые из них, хотя и родной их язык оставлял желать лучшего, принялись изучать и немецкий, и английский, и датский, чтобы «способнее» было общаться с иностранцами.

Характеризуя новый Барнаул, Г. Н. Потанин отметил, что он из горного города «превратился в склад хлеба, масла и сельскохозяйственных машин. Обозы с углем и рудой исчезли, а пристани завалены мешками, жнеями, сенокосилками и плугами».

В Барнауле происходили те превращения, которые позднее регистрирует Сибирский торгово-промышленный календарь: «Из мирного и безмятежного «уголка Петербурга» с повадкой неспешащего в делах аристократа Барнаул становится весьма крупным торговым центром, живым и бойким коммерсантом».

Конечно, изменился и архитектурный облик города. Эти изменения не относятся к общей его планировке. Новые генеральные планы 1865, 1877 годов и более поздние сохранили все те же прямые улицы и прямоугольные кварталы. Город рос за счет увеличения количества таких кварта-

лов. Однако, несмотря на устойчивость планировки, Барнаул стал другим. Так бывает в стихах: размер строки остается старым, но ее новая устремленность, ее новый ритм придает ей иное звучание.

Если в XVIII веке и начале XIX века барнаульские градостроители применялись к природным условиям, то этого нельзя сказать о более поздних хозяевах города. Барнаул отвернулся от реки и решительно зашагал в северо-западном направлении.

Старый центр города — Соборная и Демидовская площади, соединенные Петропавловской улицей, — уступил место новому центру. Главными улицами Барнаула становятся Московский (ныне Ленинский) проспект, улицы Иркутская (ныне Пушкинская), Большая Тобольская (сейчас Льва Толстого). На этих улицах вырастают сохранившиеся до сих пор магазины, целые пассажи, банки, торговые дома.

Купцы и промышленники не строят для себя зданий в духе классицизма. Просторные, толстостенные, с гармоничными пропорциями, удаленные друг от друга на порядочное расстояние строения не отвечают их запросам. Кабинетские земли дороги, заполучить их нелегко, и практичные дельцы стремятся использовать эти земли с максимальной выгодой для себя\*.

Типичным в этом смысле можно считать дом купца Аверина на углу Гоголевской и Красноармейского проспекта, который старожилы Барнаула прозвали небоскребом. Здесь приобретенный купцом подрядчиком Авериным кусок земли используется не на сто и даже не на двести процентов. Дом устремлен вверх, но Аверину этого мало. Здание уходит еще и во двор. Там, в глубине тесного двора, высятся второй его корпус, разумеется, соединенный с первым. Не будет же купец тратить на лишнюю наружную стену!

Но дом, даже «доходный», как их тогда называли, нужен купцу не только для выколачивания дохода. Он видит в нем нечто большее. Крупный бытописатель купечества П. Д. Боборыкин в романе «Китай-город», действие которого происходит в 70-х годах прошлого века, передает ощущение хваткого коммерсанта Палтусова: «Тянет его в этот дом, точно он — живое существо. Не кирпичом ему хочется владеть, не алчность разжигает его, а чувство силы, упор, о который он сразу обопрется. Нет ходу, влияния, нельзя прояснить того, что сознаешь в себе, что выразишь целым рядом дел, без капитала или такой вот кирпичной глыбы».

«Кирпичные глыбы» стали появляться в Барнауле. Заявил о себе даже так называемый «кирпичный стиль». Фасады домов этого стиля по сословной принадлежности большинства заказчиков именовали еще и «купеческой кладкой».

Для купеческой кладки употреблялся фигурный кирпич, его укладывали различными способами, стараясь сделать фасады

\* До 1876 года Барнаул собственных земель не имел. В 1876 году город получил от Кабинета 471 десятину, в 1897 году — 7375 десятин земли.



возможно более приметными, выделить дома на фоне окружающих строений.

В кирпичном стиле построены в нашем городе некоторые купеческие особняки. В частности, на улицах Интернациональной и Горького.

Городская буржуазия жила различно. Одни семьи кондово и старомодно, другие — на новый лад, часто с излишней, разорительной роскошью.

Вообще в городе еще интенсивнее, чем раньше, растет количество кирпичных зданий. Определенную роль здесь играет и боязнь пожаров, которые были частыми в Барнауле. В начале XX века каменных домов стало 280.

Некоторые из них сохранились. Например, знакомое барнаульцам здание краевого совета по туризму на Пушкинской улице, в прошлом детский Маринский приют, построенный в 1860—80-е годы.

Здание краевой филармонии по улице Ползунова. У него большая история. Оно возведено на месте построенной еще при П. К. Фролове каменной гауптвахты, даже использован ее фундамент. Гауптвахта сгорела в 1865 году. Кабинет не позволял ничего строить на этом месте. Известный просветитель В. К. Штильке собрал, главным образом, за счет пожертвований населения средства для строительства Народного Дома и получил на это специальное разрешение. Автором проекта Народного Дома был крупный русский архитектор Ропет. Торжественное его открытие состоялось 17 декабря 1900 года.

С этим зданием, являющимся архитектурным памятником, связаны многие революционные события в жизни Барнаула. С 1931 года здесь разместился городской, а с 1936 — краевой театр драмы.

Но из многих каменных зданий того времени лишь отдельные представляют архитектурную ценность. Нетрудно заметить, что нуворшией не привлекает спокойная, строгая красота. Не так-то просто почувствовать чистоту линий, оценить величавую прелесть правильных геометрических композиций. В светлый век наживы они стремились создать нечто броское, бьющее в глаза. На помощь приходит эклектика. В одном доме подчас можно увидеть и элементы праздничной живописности древнерусского зодчества, и устремленную вверх готику, и вычурность, декоративную пышность барокко, и черты византийского стиля.

Специалисты считают, что эклектизм внес свою лепту в развитие архитектуры, явился подготовительной ступенью для перехода к стилю модерн. Вероятно, это верное мнение. Но все-таки, глядя на иные постройки второй половины XIX века в Барнауле, нельзя не вспомнить пушкинские слова: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань».

Таково, например, здание краевого Дома пионеров, в котором до революции помещалось духовное училище, а в годы Советской власти — долгое время первая образцовая школа. В этом здании культурная архитектура смешана с гражданской, есть элементы барокко и старинного

русского зодчества. Особенно странно выглядят на его крыше башни с острыми шпильями. Во всем здесь видна не оригинальность замысла, а стремление к ней, что не красит произведение искусства.

Но каменные дома в Барнауле составляли все-таки лишь небольшую часть строений. В основном город оставался деревянным. Из-за опустошительных пожаров до нас дошли только деревянные дома конца века. Некоторые из них интересны в архитектурном отношении. Это дома русского стиля, основанного на богатых традициях древнерусской архитектуры.

К концу XIX века относится здание на улице Анатолия между Социалистическим и Красноармейским проспектами (Анатолия, 104). Это жилой дом. Двухъярусный купол со шпилем на двухскатной крыше, объемные фронтоны, балконы и лоджии делают дом приметным. Этому способствует и ажурная пропильная резьба.

Пропильная резьба украшает многие деревянные дома Барнаула. О ней подробно рассказано в книге поэта и краеведа Александра Родионова «Чистодеревщики». Страницы этой книги звучат как гимн этому виду народного искусства.

«Лучшие образцы пропиловки как раз и говорят о том, — пишет А. Родионов, — что резчики конца XIX, начала XX века, и барнаульские в том числе, были вхожи в святая святых русского народного орнамента. Им были знакомы кресты, треугольники, ромбы, серни ромбов, вписанные друг в друга, розетки, солнцеподобные знаки, сердечковые фигуры, спиралевидные завитки различной сложности — от простой линии на конце завитка до развитого растительного побега».

Как отмечается в книге «Памятники архитектуры Барнаула», наиболее совершенными образцами пропильной резьбы украшено здание на углу улицы Короленко и Красноармейского проспекта. В этом здании помещалась первая в Барнауле частная женская гимназия Будкевич. Здание построено довольно затейливо. Издали виден его купол. Над входными дверями — выносные фронтоны, над окнами — карнизы.

Долгое время дом занимал институт усовершенствования учителей. Сейчас в нем находится краевое правление общества автолюбителей.

Под горой, на Большой Олонской улице, в том ее месте, где начинается Социалистический проспект, стоит еще одно своеобразное деревянное здание. Несколько десятилетий в нем помещается аптека, одно время на верхнем этаже располагалось и краевое аптекоуправление. Издалека виден его выдающийся вперед треугольный фронтон, который переходит в башенку. Башенка как бы завершает выступающие из основного строения сени и балконы над ними. Все здание украшает богатая резьба.

Следует отметить и дом на улице Ползунова, 48, в котором в прошлом веке помещалась чертежная Алтайского горного округа, а сейчас находится институт Росгипрозем. Это типично административ-

ное здание с огромными окнами и просторными комнатами, привлекает со вкусом украшенными карнизами, наличниками, фронтонами.

Для барнаульцев это здание дорого тем, что в нем в 1917—1918 годах находился первый городской Совет рабочих и солдатских депутатов.

Здания, о которых шла речь, являлись в то время украшением города. Но преобладали в Барнауле не они. Преобладали все те же клетские избы и пятистенники, а то и бараки, лачуги, землянки. В новых кварталах экономические соображения заставляли строить дома, тесно примыкающие друг к другу, с узкими проездами во дворы.

В нашем городе происходил тот процесс, который характеризовал Карл Маркс в «Капитале». Новостройки буржуазии «быстро вытесняют бедноту во все худшие и все более переполненные трущобы».

В этих барнаульских трущобах теснились и многие предприятия, в том числе такие, каким не место среди жилых домов — свечные, салотопные, пимокатные, кожевенные, шубные. Помещения для мастерских, маленьких заводов были сырыми, холодными и душными, с низкими потолками. Об их санитарном состоянии дает представление случай, происшедший на заводе Пичулиных, где изготовлялась самая различная продукция — от салных свечей до пряников и мясных котлет. Во дворе завода стояла такая грязь, что туда невозможно было въехать на телеге. Случайные посетители не выдерживали смеси тошнотворных запахов.

Все рабочие этого завода вместе с хозяином в июле 1893 года умерли в течение двух дней от болезни, которую медики даже не удосужились установить. Наследники все на заводе оставили в прежнем положении. Только сами переселились подалее от него.

Новые «отцы города» совершенно не заботились о его благоустройстве. В Барнауле не было ни одной дороги с твердым покрытием. Летом песчаные улицы клубились пылью и поражали ужасающей грязью, настолько устойчивой, что даже, как свидетельствовал старый барнаулец писатель Глеб Пушкарев, некоторые горожане, сообщая кому-либо свой адрес, к обычным данным добавляли уточнение: «Против лужи».

Мосты через Барнаулку и те не принадлежали городу, а составляли частную собственность. Канатчик Голдырев, возмущившись тем, что горожане, проходя через принадлежащий ему мост, не вносят соответствующей платы, запер этот мост на цепь и замок.

Город, стоящий на великой реке, был отрезан от нее. Берега загромодили многочисленные торговые грузы, скотобойни, мельница, лесопильный завод и другие предприятия.

Несмотря на то, что расходный бюджет Барнаула быстро рос, на благоустройство отводился такой малый процент, что улицы не мостились, тротуаров к общему протяжению улиц было только семь процентов. В городе почти не было деревьев, если не считать аллен на Московском проспекте. Но и вместе с ней длина бульваров и улиц, на которых были высажены деревья, составляла одну версту.

Барнаул почти не знал электричества. В 1895 году редкие керосиновые фонари осветили центральные улицы. Окраины же оставались прочно погруженными во тьму. Воду горожане брали из рек и колодцев, канализации тоже не существовало.

Транспорт в Барнауле был только конный. Сын купца Морозова приобрел автомобиль, но гласные городской думы предложили запретить ему ездить в черте города, так как лошади непривычны к автомобилям и возможны несчастные случаи.

Алексей ПРОЗОРОВ

## В ПОИСКАХ СИНЕЙ ПТИЦЫ

У Зари Павловны Жолобовой и ее помощников — младшего научного сотрудника Петра Саввича Курочки и лаборантки Ларисы Отрубянной — рабочий день, как правило, начинается с разбора почты. География поступающей корреспонденции, без преувеличения можно сказать, — вся наша страна. Пишут письма и шлют телеграммы жители Прибалтики и Подмоскovie, Украины и Поволжья, Белоруссии и Урала, Кавказа и Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока.

Даже выдавшие виды работники 20-го отделения связи города Барнаула (а это отделение обслуживает научно-исследовательский институт садоводства Сибири имени М. А. Лисавенко, у которого обширнейшие связи с научно-исследовательскими центрами по садоводству в нашей стране и за рубежом, с руководителями и специалистами садоводческих колхозов и совхозов, с многотысячной армией садоводов-любителей) не припоминают случая, чтобы одному адресату ежедневно приходилось доставлять свыше двухсот писем и телеграмм.

И еще на одну очень важную деталь нельзя не обратить внимания. Обычно люди, узнав о какой-либо новости, спешат выразить свое отношение к событию, как говорится, по горячим следам. Затем происходит определенное время и интерес к нему спадает — другие события и заботы заслоняют собой прежние. Здесь же наоборот. Когда в марте 1985 года журнал «Наука и жизнь» напечатал статью Зари Павловны о работе коллектива института по введению жимолости в культуру, на первых порах писем-откликов поступало не так уж и много — не больше двух десятков в день. Но по мере более детального знакомства с новшеством интерес ученых, руководителей и специалистов хозяйств, садоводов-любителей к работам сибирских ученых-садоводов растет день ото дня.

...В тесном кабинете, где впритык один к одному стоят три небольших письменных столика да книжный шкаф, идет разбор очередной утренней почты. Наблюдая за работой Зари Павловны, Петра Саввича и Ларисы, за тем, с каким вниманием и заинтересованностью они обсуждают каждое письмо, я ловлю себя на мысли о том, что вот здесь, в этой тесной, скромно обставленной комнатке-кабинете, звучат голоса со всех концов нашей Родины. Узнав о новом шаге ученых на пути к

дальнейшему познанию природы, советские люди выражают им свою искреннюю признательность, благодарят за труд и тут же изъявляют свою готовность оказать помощь в испытании вновь выведенных сортов, просят прислать саженцы, на худой конец, семена, чтобы проверить, как будет вести себя новая культура на холодном севере и жарком юге, в горах и на степных просторах.

Я говорю об этом Заре Павловне. И, видимо, попадаю в унисон ее мыслям. Она, не задумываясь, подхватывает:

— А знаете, народная мудрость гласит: «У благородства одна мера: бескорыстие». — И, потрогав письма, продолжает: — Читаешь их, и перед тобой во всем величии предстает благородство наших людей, стремление сделать свою землю еще лучше, еще прекраснее. Не знаю, как относятся к этому другие, а у меня от сознания, что твоя работа нужна, прибавляются силы, хочется работать и работать, чтобы только принести своему народу пользу.

Приписать своему народу, своей стране пользу...

Для абсолютного большинства советских людей это не абстрактное понятие. В нем сконцентрирован весь смысл жизни, их активная жизненная позиция. А воспитывается такая позиция самой природой нашего общественного строя.

...В школе ее любимыми уроками были естествознание, потом ботаника, зоология, общая биология и... литература. Правда, и по другим предметам девочка ниже «хорошо» не получала. Зато по любимым — сплошные «отлично».

В Бийском сельскохозяйственном техникуме (был до войны такой техникум в г. Бийске), куда она поступила после семилетки на плодовоощное отделение, ей снова повезло на учителей. С особой теплотой Заря Павловна вспоминает преподавателя ботаники Александру Илларионовну Выдрину — педагога и специалиста редчайшей души. Это она заприметила в Заре Павловне тягу к исследовательской работе и настояла на том, чтобы Жолобова непременно продолжала учебу.

Сейчас легко сказать: продолжать учебу. А тогда? Шел 1942 год. Страна собирала все силы на разгром ненавистного врага. Мама одна с младшим братишкой в руках.

Ее приняли в плодовоощной институт имени И. В. Мичурнина, который был эва-

куирован в Горно-Алтайск, без вступительных экзаменов как специалиста, окончившего техникум с отличием.

...Осенью в 1943 году в освобожденный Советской Армией Мичуринск перебазировался в родные стены их плодовоощной институт. Ничто — ни холод, ни голод, ни разруха — не могли сломить силу и упорство студентов и преподавателей. В аудиториях, где зимой стены были покрыты сплошной коркой наледи, а в общежитии, где печурка-буржуйка была единственным очагом тепла, на которой можно было вскипятить чай да испечь лепешки из мерзлого картофеля, шла каждодневная работа. Считалось величайшим позором, изменой делу нашей победы над врагом, если студент имеет «хвост», а о пропуске лекций, семинарских занятий, отлынивания от работ в учебном хозяйстве института и речи не могло быть.

С дипломом агронома-плодоовощевода в первый послевоенный год Заря Павловна прибыла по распределению в совхоз «17 МЮД» на Владимирщине. Еще в институте она твердо усвоила, что ни один оригинал в мире не добивался сколько-нибудь заметных успехов в селекции плодовых и ягодных культур без образцово организованного плодпитомника. Мичурин, Смирненко, Пашкевич, да и ученики Ивана Владимировича — преподаватели института Яковлев и Будаговский, лекции которых она слушала, — в своих трудах и на практике утверждали, что питомниководство — основа, база, с помощью которой возможно ускоренное размножение и продвижение в новые районы наиболее перспективных, высокоурожайных сортов плодовых и ягодных культур.

В совхозе «17 МЮД» такой питомник был создан еще до войны. Он обеспечивал посадочным материалом не только колхозы и совхозы Владимирской области, но и снабжал ими хозяйства соседних областей северного Нечерноземья.

В течение пяти лет, работая агрономом-садоводом, Заря Павловна на практике знакомилась с организацией, агротехникой и экологией выращивания саженцев. Именно здесь, в совхозе, она почувствовала, что может мечтать о большем, что ее призвание не только растить сады, но и создавать новые сорта.

Задора, кипучей энергии у молодого специалиста хватало на все. По совместительству она взялась вести курс пловодства во Владимирской школе садоводов, да так увлеклась преподавательской деятельностью, что решила поступить на агропедфак Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

И поступила.

А окончив курсы, не раздумывая, решила ехать только на родину, только в Сибирь. Видимо, редко кому из нас, живущих на земле, удается безболезненно справиться с вечным зовом родной земли. Как ни восхитительны по весне в бело-розовом кипении вишневые сады на Владимирщине, как ни величавы краски средне-русской полосы России по осени, с сибирским раздольем их не сравнить.

— Мне снова повезло, — улыбаясь го-

ворит Заря Павловна. — В Тюмени, в моем родном городе, требовался в среднюю сельскохозяйственную школу по подготовке председателей колхозов преподаватель по мелнорации, селекции и плодководству...

Жизнь, практика по Ленину — первая и основная точка зрения теории познания. Работая преподавателем в средней сельскохозяйственной школе, где учились умудренные жизненным опытом будущие руководители колхозов (многие из них прошли всю войну), Заря Павловна не могла не заметить, с какой практичной цепкостью схватывают они, можно сказать, на лету, программный материал. И не только схватывают, а тут же «примеряют» услышанное и вычитанное к своему хозяйству. Повседневное общение с практиками помогло сделать ей и второй, логически следовавший из первого, вывод: в сущности она еще только начинает жизнь и знаний жизни, живой практики не так уж густо.

Это «открытие» самое себя стало тем побудительным толчком, который привел ее в аспирантуру: сначала она училась заочно, а через год перевелась на очное отделение во ВНИАЛМИ.

...Защита диссертации состоялась лишь в 1961 году в Тимирязевке, когда Заря Павловна уже работала секретарем Ключевского райкома партии по сельскому хозяйству.

До избрания секретарем райкома она, помню учебы в аспирантуре, прошла хорошую практику, работая старшим научным сотрудником в агролесомелноративной опытной станции на Алтае, оставив о себе добрую память — ползающие лесные полосы в степной Кулунде и плодово-ягодные сады в здешних колхозах и совхозах.

...Беседа в крайком КПСС проходила, как принято теперь писать, в деловой, откровенной обстановке.

— Хочу работать по специальности, — сказала Жолобова и попросила: — помогите мне...

Заря Павловна, работая в крае не первый год, конечно же, не раз встречалась с Михаилом Афанасьевичем на различных совещаниях и конференциях. И ее всегда поражали насыщенные знаниями жизни, увлекающие пафосом, предельно четкими формулировками доклады и выступления Лисавенко. Но так случилось, что личных встреч и бесед у них не было.

И вот она на приеме у академика ВАСХНИЛ, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР. Внешне, будь она заочно не знакома с ним, даже подумать было невозможно, что этот плотно сбитый человек в расстегнутой, идеальной чистоты белой кофеворотке, сидящий за скромным письменным столом, в буквальном смысле этого слова перевернул все наши представления о возможностях сибирской земли. И не только теоретически обосновал, но и практическим многолетним своим трудом доказал, что Сибирь может и должна стать цветущим, плодоносящим садом...

Внимательно, не перебивая, выслушав ее, Михаил Афанасьевич сказал:

— Я одобряю ваши планы. Насколько

мне известно, вы не очень-то пасуете перед авторитетами. А в нашем деле это отнюдь не последнее качество.

С той памятной для Зари Павловны беседы с Михаилом Афанасьевичем минуло уже четверть века. За эту четверть века, по признанию Зари Павловны, ей совместно с коллегами удалось кое-что сделать.

Правда, первый сорт жимолости, выведенный в институте доктором сельскохозяйственных наук Зинаидой Ивановной Лучник в соавторстве с Идой Павловной Калининной (ныне академик ВАСХНИЛ, директор института) и Зарей Павловной, они по общему согласию называли Стартом. Этот сорт действительно стал стартовой площадкой для дальнейших работ по введению диких видов жимолости в культуру.

Забегая вперед, скажу, что второй сорт, переданный в государственное сортоиспытание, Заря Павловна назвала Синеи Птицей. Затем последовали: Голубое Веретено, Лазурная, Золушка...

Параллельно с жимолостью ее группа работает над проблемами введения в культуру и калины красной.

Не лишен интереса тот импульс, который заставил Зарю Павловну обратить внимание на эти дикорастущие кустарники, а затем полностью, без остатка, подчинить жизнь работе с ними.

В памятной беседе с Жолобовой Михаил Афанасьевич как бы мимоходом несколько раз повторил, что среди дикорастущих растений пристального исследователя ждут различные виды жимолости со съедобными плодами, а также калина красная. И указал лишь на один полезный признак жимолости: созревает она на две недели раньше, чем даже самая ранняя садовая культура — земляника.

Для сибиряков это немаловажный фактор. Что касается вкусовых качеств плодов, то тут перед нами стоит непростая задача: «подсластить» их.

И еще один раз упомянул:

— Думаю, что жимолость в недалеком будущем станет первоочередным объектом селекции.

Нет, он не предлагал Заре Павловне немедленно заняться работами по введению этих растений в культуру. Но своего добился: заронил семена для прорастания и заронил, как оказалось, в добрую почву.

Работая старшим научным сотрудником в отделе декоративных культур под руководством Зинаиды Ивановны Лучник, ученого, чьи труды по интродукции деревьев и кустарников в Алтайском крае давно уже стали настольной книгой садоводов и лесоводов страны, Заря Павловна исподволь стала накапливать сведения о жимолости.

И вот что удалось ей установить.

В мире существует свыше двухсот видов жимолости.

В 1786 году, 200 лет назад, исследователь Камчатки С. П. Крашенинников, занимаясь изучением возможностей выращивания сельскохозяйственных культур на этом материке, впервые обратил внимание русского читателя на то, что у местных жителей «в большом употреблении жимо-

лостные черные ягоды». Он отмечал их хороший вкус.

Советский исследователь Г. Н. Зайцев, изучив рукописные каталоги Санкт-Петербургского императорского Ботанического сада, называет следующие годы в озеленении Ленинграда: для жимолости Палласа — 1736, жимолости Турчанинова — 1779, жимолости съедобной — 1849, жимолости алтайской — 1856, жимолости камчатской — 1886, оговариваясь при этом, что даты фактического введения этих растений в озеленение, очевидно, более ранние.

Как ягодное растение жимолость съедобная была испытана в культуре в 1884 году Д. Т. Мауритц в Нерчинске. В результате селекционной работы ей удалось выделить отборные формы этого растения с ягодами кисло-сладкого вкуса.

В наш XX век первым обратил внимание на жимолость И. В. Мичурин. В 1909 году он испытал жимолость съедобную в условиях Европейской России и рекомендовал ее для введения в культуру. А в 1935 году в «Предисловии» к статье Х. Еннсеева И. В. Мичурин вновь упоминает жимолость съедобную в ряду ценнейших ягодных растений и призывает к широкому использованию ее в селекции с целью создания ценных сортов для районов с суровым климатом.

В 1940 году сведения о жимолости съедобной как о ценной культуре появляются в иностранной печати. Высказывается предположение, что холодные и достаточно обеспеченные влагой области Западной Европы пригодны для возделывания этого растения.

С каждым годом, с каждым месяцем на рабочем столе Зари Павловны накапливалось все больше и больше выписок-конспектов о жимолости. Она изучает работы С. А. Волкова, Ф. Н. Тетерева, Т. В. Самойловой, А. В. Болоняева, Н. А. Иванова, А. А. Гудзенко, З. И. Лучник, М. В. Гринер, Т. Т. Трофимова, Г. Н. Зайцева, Н. М. Бочкарниковой, Т. М. Мазуренко, Т. П. Деминой, К. А. Соболевской, Н. Ф. Каченко, Ю. И. Коропачинского, А. В. Северцева, А. Н. Нестерова, Н. А. Авены, В. А. Честной и других авторов. Все они единодушны во мнении: жимолость должна быть введена в культуру.

И потому еще в 1969 году на свой страх и риск они с Зинаидой Ивановной Лучник приступили к выведению и размножению отборных форм жимолости камчатской, стали передавать саженцы на испытание опытным учреждениям и наиболее подготовленным садоводам-любителям, а заведующая биохимической лабораторией станции, кандидат биологических наук Екатерина Евгеньевна Шишкина уже вела изучение биохимического состава плодов.

Было установлено, что по вкусовым качествам плоды жимолости алтайской и жимолости Палласа хотя и уступают плодам жимолостей камчатской, Турчанинова, зато они превосходят последние по содержанию биологически активных веществ. Особенно богаты плоды Р-активными веществами у жимолости алтайской.

О своих первых шагах по введению жимолости камчатской в культуру, о разработанной институтом методике ее зеленого черенкования Заря Павловна в 1974 году опубликовала статью в Бюллетене Главного Ботанического сада СССР.

А в 1973 году по ее настойчивой просьбе Министерство сельского хозяйства РСФСР официально включило в план тематических исследований института работы по селекции жимолости и калины.

...Очередь до жимолости алтайской дошла только через три года после включения ее в тематический план. Заря Павловна со своими помощниками исколесила Горный Алтай и Восточный Казахстан. Потребовалось три летних сезона, чтобы лишь в трех пунктах Восточно-Казахстанской области — у деревни Поперечка, что затерялась в 50 километрах к востоку от города Лениногорска, в Берельском лесничестве, да у поселка Катон-Карагай — обнаружить растения, плоды которых по вкусовым качествам подходили бы для селекционной работы.

Выращенные из собранных в Восточном Казахстане семян сеянцы уже в 1976 году были высажены на постоянное место. А в 1981 году, то есть через шесть лет, два сорта жимолости алтайской переданы в госсортоиспытание.

Я поинтересовался: как назвали авторы новые сорта жимолости алтайской, какие у них отличительные особенности?

— Назвали мы их добрыми именами, — говорит Заря Павловна: — Галочка и Салют.

И пояснила, почему так парекли. Оказывается, когда смотришь на плод Галочки, то кажется, что пританцлся галчонок с раскрытым клювиком-плодоножкой и он весь сверкает сизым отливом. А попробуешь на вкус — сладкий, с освежающим ароматом.

У Салюта более крупные удлинненные плоды, даже по сравнению с Галочкой, не то что с дикушами. Хотя и не сильный, а все же в них ощущается привкус горечи. Зато после переработки — горечи как не бывало. Особенно хороши они при купажировании. А по урожаю Салют превосходит все сорта жимолости камчатской.

Вплотную занявшись введением в культуру дикого кустарника жимолости, коллектив ученых НИИ садоводства Сибири им. М. А. Лисавенко стремится решить очень важную народно-хозяйственную проблему — почти на полмесяца раньше обеспечить население страны свежими ягодами, которые богаты так необходимыми человеку витаминами С и Р. Как показывают исследования биохимической лаборатории института, плоды жимолости содержат также магний, фосфор, кальций, железо, целый ряд микроэлементов: марганец, йод, медь и другие.

Но и это еще не все. В плодах жимолости присутствуют сахара, глюкозиды, органические кислоты — целый комплекс биологически активных веществ, благодаря которому они выдвигаются на первый план как незаменимый диетический продукт. До-

бавляю, что по данным медицинской науки сок жимолости вызывает гипертоническое и антирадиационное действие, укрепляет капилляры, защищает наш организм от интоксикаций тяжелыми металлами.

А калина красная? Да, зажигающиеся осенью ее гроздья особенно прекрасны. Но, увы! Они были очень горьки.

Потребовались годы напряженного труда, чтобы, как выразился в свое время Михаил Афанасьевич, «подсластить» и эту красавицу.

И два сорта, выведенных институтом, — Таежный Рубин и Жолобовская — уже дают плоды, которые с удовольствием люди потребляют в свежем виде. Еще три сорта: Ульген, Союзга и Зарница дают прекрасное сырье для переработки. Ученые-селекционеры позаботились и о том, чтобы сохранить в них все целебные свойства. Ведь как никакие другие плоды калина богата витаминами С и Р.

О пользе витамина С мы много слышали и знаем о нем практически все. А вот о витамине Р знают немногие. А это такой компонент, который и укрепляет сосуды, и обладает противогипертоническим действием. А вместе эти витамины в ягодах калины как бы дополняют друг друга — они взаимоусиливающие.

Пектины, вещества, способствующие выделению ионов тяжелых металлов и холестерина, другие микро- и макроэлементы — все это дарит нам калина красная.

Когда ближе знакомишься с тем, над какими проблемами работает Заря Павловна со своими помощниками, удивляться потоку писем, поступающих в ее адрес со всех концов страны, уже не приходится. Работой она загружена сверх предела и зимой, и летом.

Но я соглашусь против истины, если не упомяну, что коммунист-ученый Жолобова вот уже второй десяток лет ведет в институте методологический семинар «Философские проблемы биологии». Видимо, ничто на земле не проходит бесследно: преподавательская, а затем партийная работа сделала свое дело — приучили к системному изучению марксистско-ленинской теории, воспитали потребность делиться полученными знаниями с товарищами.

Есть у Зари Павловны и хобби — испанский язык. Когда училась в аспирантуре, подружилась с аспиранткой из Испании. И через два года Заря Павловна уже смогла прочесть «Дон-Кихота» на родном языке Сервантеса. С тех пор благородный рыцарь и его верный оруженосец — любимые герои Зари Павловны. А испанский язык — верный помощник при знакомстве со специальной и художественной литературой испаноязычных народов.

И еще одна радость и забота у женщины со светлым именем Заря — дочка Наташа, студентка четвертого курса пединститута. За Наташу она волнуется, пожалуй, еще больше, чем когда-то волновалась за себя. Уж такем они все матери на нашей планете — Земля. Заря Павловна — не исключение...

Василий ГРИШАЕВ

## ЗАБЫТОЕ ИМЯ



Очерки, о которых я хочу рассказать, были опубликованы в 1893 году в журнале «Природа и охота», издававшемся в Москве. Журнал этот и тогда читали немногие, а теперь он вовсе забыт, к тому же найти его можно лишь в крупнейших книгохранилищах страны. (На Алтае, например, его нет.) Забытыми оказались и помещенные в нем интересные материалы о нашем крае.

Но как они появились там?

Автором их является сибирский писатель-натуралист прошлого века Александр Александрович Черкасов. Возможно, некоторым читателям это имя ни о чем не говорит, поэтому есть смысл немного рассказать о нем.

Александр Черкасов родился в 1834 году в городе Старая Русса Новгородской губернии в семье горного инженера, страстного охотника. Одиннадцать лет был определен в Горный институт, в Петербург; по окончании его, в 1855 году, направлен по собственному желанию в Забайкалье, в Нерчинский горный округ.

Край отдаленный, снегами повитый, скорбью людскою, слезами облитый, правом гражданским, народом забытый, славою каторги в мире покрытый.

Так писал о нем сам Черкасов. Он провел в этом крае 16 лет — лучшие молодые годы. Служил в основном в золо-

тонскательских партиях и на золотых промыслах, то есть в самых отдаленных и глухих уголках и без того глухого Забайкалья. Об одном из этих уголков, Бальдже, так потом вспоминал:

«Бальджа, Бальджа! Не забуду я тебя до гроба; не забуду и тех вечеров, которыми ты наделяла мою молодость, подавляла ее своей трущобой, лишала не только житейских удовольствий, но наложила ту печать одиночной сосредоточенности, которая осталась во мне едва ли не до сего дня и породила то самосознание отсталости, каковая грызла меня в то время, когда была охота учиться, следить за наукой, не отставать от мира и приносить посильную пользу по специальности».

Единственным утешением, отдыхом, развлечением была охота, любовь к которой он унаследовал от отца.

«Все мое именно, — вспоминает Черкасов, — состояло из двух чемоданов с бельем и платьем, двух ружей с необходимыми принадлежностями и здорового лягаша Каштана. За плечами... никакой удручающей заботы, кроме неизбежной тоски по родине после прощания с обожаемыми мною родителями. Полнейшее одиночество, незнакомый суровый край, лягз кандалов, клейменные лица — все это давало себя знать на каждом шагу, и только силой воли и подавил тоску наболевшего сердца по родине и свялся со всем окружающим, а богатая охота в крае мало-помалу помирнула меня с окружающей обстановкой».

Забайкалье в то время было в полном смысле краем непуганых зверей и птиц, заповедным местом для охотника.

Скитаясь с ружьем по тайге, молодой, любознательный, к тому же простой и общительный горный инженер жадно слушал рассказы товарищей по охоте о повадках зверей и птиц, разные бывальщины; ночуя в крестьянских избах и дымных чумах «инородцев», наблюдал их быт, обычаи. Эти люди, вся жизнь которых была связана с тайгой и характер закален в борьбе с природой, искусные охотники и следопыты, восхищали Черкасова своим мужеством, смекалкой, душевной щедростью, всегдашней готовностью помочь товарищу в беде.

Пришло время, и Черкасов всей душою полюбил этот суровый край, его людей, его природу. А полюбив, захотел рассказать о нем другим.

Так, может быть, упрощенно, представляются мне причины, побудившие

скромного зрителя Култуминского золотого промысла сесть за книгу. Он назвал ее: «Записки охотника Восточной Сибири», правда, в сокращенном виде и без указания автора. А через год они вышли отдельной книгой в Петербурге, в издательстве С. В. Звонарева. Об этом издательстве известно, что без совета и рекомендации Н. А. Некрасова он ничего не предпринимал. Таким образом, можно считать, что литературный дебют забайкальского горного инженера состоялся под покровительством Н. А. Некрасова.

«Записки» Черкасова были опубликованы в 1866 году в некрасовском «Современнике», правда, в сокращенном виде и без указания автора. А через год они вышли отдельной книгой в Петербурге, в издательстве С. В. Звонарева. Об этом издательстве известно, что без совета и рекомендации Н. А. Некрасова он ничего не предпринимал. Таким образом, можно считать, что литературный дебют забайкальского горного инженера состоялся под покровительством Н. А. Некрасова.

Дебют был на редкость удачным. Вот лишь один из отзывов, опубликованный в журнале «Отечественные записки»:

«...Простой, своеобразный и несколько грубоватый, как сама жизнь звериных промышленников (так в Восточной Сибири называют охотников), язык автора производит на читателя весьма приятное впечатление какой-то необычайной свежести, напоминающей и степное раздолье, и влажную прохладу зеленого бора».

«Записки охотника Восточной Сибири» и современники писателя, и позднейшие исследователи его творчества ставят в один ряд с «Записками» С. Т. Аксакова. Его называют даже «сибирским Аксаковым» (краевед Е. Д. Петряев). А виднейший русский охотовед Д. К. Соловьев даже отдает Черкасову предпочтение на том основании, что у Аксакова рассказывается лишь о птицах, а у Черкасова — практически обо всех обитателях тайги, имеющих промысловое значение.

Но эта книга не только о зверях, птицах и способах промысловой охоты на них. Она содержит богатые сведения о прошлом Забайкалья, культуре, быте, обычаях его населения.

Конечно, кое-что в ней за сто с лишним лет устарело, оказалось неверным, но в целом она сохранила научную и даже практическую ценность, не говоря о ценности художественной, словом, выдержала проверку временем.

Известно, что каждая книга — отражение личности автора. Вот как отзывался о Черкасове один из его товарищей:

«Его доброта, отзывчивость ко всему честному, хорошему, ширина воззрений, добродушный и в то же время мягкий юмор делали то, что все, кто бы ни приходил с ним в соприкосновение, становились его друзьями».

Он же приводит такой факт, что торговщики, даже пожилые, работавшие на промыслах под началом Черкасова, называли его отцом. Доброта, трогательная готовность помочь ближнему были в нем с детства. Недаром в институте товарищи дали ему прозвище «мамка».

Духом доброты, сострадания к униженным и оскорбленным веет со страниц этой необычной книги. Она написана в

лучших демократических традициях русской литературы.

Одним из главнейших ее достоинств является великолепный русский язык.

«В лице Черкасова, — отмечает писатель Марк Сергеев, — счастливо сочетались качества тонкого наблюдателя, исследователя с подлинным литературным талантом. В результате, не будучи профессиональным охотником и профессиональным писателем, он дал превосходное произведение, стоящее в одном ряду с «Записками» С. Т. Аксакова».

Убедительным подтверждением сказанных слов является то, что даже теперь, спустя столько лет после выхода, «Записки охотника Восточной Сибири» включены в число основных источников «Словаря современного русского языка».

Книга еще в прошлом веке была переведена на французский и немецкий языки, а в нашей стране она издавалась уже пять раз, причем трижды — в советский период. В настоящее время в Иркутске в серии «Литературные памятники Сибири» готовится шестое издание.

Как видим, Черкасова нельзя назвать забытым писателем. Забытым он оказался только на Алтае, и забытым незаслуженно.

Он был переведен в Алтайский горный округ в конце 1871 года. Около года заведовал Салаирскими рудниками, затем был управляющим Сузунским медеплавильным заводом. В 1883 году вышел в отставку и переселился в Барнаул. Здесь прожил семь лет, из них шесть был горским головой.

В эти годы, и даже несколько раньше, в Сузуне начался второй период его творчества, не менее активный, чем забайкальский. В 1883—1887 годах в журнале «Природа и охота» глава за главой публикуются его обширные воспоминания «Из записок сибирского охотника» — о жизни в Забайкалье. В 1884 году в Петербурге, у известного журналиста и издателя А. С. Суворина, выходит 2-е дополненное издание «Записок охотника Восточной Сибири». В 1887 году в журнале «Природа и охота» появляется его большой очерк «Брем» — о встречах и совместной охоте в окрестностях Барнаула со знаменитым немецким натуралистом Альфредом Бремом, посетившим в 1876 году Алтай. Черкасов подарил ему свою книгу с таким шутовым автографом:

Брем! Муж познаний и науки, когда заснуть не сможешь ты, возьми, брат, эту книгу в руки и сон прервет твои мечты...

Брему книга очень понравилась и, вернувшись в Германию, он много способствовал изданию ее в своей стране.

В 1890 году Черкасов переезжает в Екатеринбург (ныне Свердловск) и здесь продолжает работу над второй частью воспоминаний, посвященных Алтаю. В 1893 году очерки «На Алтае» (в «Краткой литературной энциклопедии» они именуется рассказами) публикуются в ньюльском—ноябрьском номере журнала «Природа и



охота». Общий их объем составляет 312 страниц.

Но дело, разумеется, не в объеме. Выше я довольно подробно рассказывал о художественных и познавательных достоинствах «Записок охотника Восточной Сибири». Возможно, кто-нибудь даже подосадовал: зачем так распространяться о книге, не имеющей отношения к Алтаю?

Делал я это с умыслом. Чтобы вот сейчас сказать, что очерки об Алтае, так же, как и все воспоминания Черкасова, ни в чем не уступают «Запискам охотника Восточной Сибири». Ни по языку, ни по богатству содержания. Такое мнение высказывают те немногие исследователи, которые знакомы с ними (М. Д. Сергеев, Е. Д. Петряев). Я, как читатель, к этому мнению с удовольствием присоединяюсь.

А в забвении они оказались просто потому, что им меньше повезло. Александр Александрович Черкасов скоропостижно скончался 22 января 1895 года. Он не успел издать их отдельной книгой, поэтому они прошли мимо внимания журналов и критики.

Что представляют собою очерки об Алтае?

Сам Черкасов говорит о них так:

«Мои записки — не исторические исследования или ученый трактат, а просто записки наблюдателя, то более или менее полные, то краткие, с пробелами и без цифровых данных. Это личные воспоминания кое о чем мною виденном, слышанном и наблюдаемом, с небольшими справками».

Пожалуй, больше всего внимания в очерках уделено природе Алтая. Послушайте, какая она была у нас 90—100 лет назад.

«Забравшись в один длинный и объемистый колок, это было уже в августе, мы нашли в нем такую массу тетерь, что положительно растерялись не только сами, но и наши собаки, потому что дичь была чуть не на каждом шагу, и от ее взлета «шум шумел», куда мы только ни подходили».

А вот рассказ о подледном лове стерляди в Оби в районе Барнаула.

«Стерлядь останавливается к зиме таким плотным руном и в такой массе, что трудно и вообразить то количество рыбы, которое составляет это руно или, по-рыбачьи, станок. Большой станок выбирается иногда по несколько двей сряду... Бывает, что хороший и умеючи взятый станок дает до 50 и более возов рыбы».

И в другом месте: «Очень больших осетров я на Алтае не видал, но экземпляры в три с половиной и даже в семь пудов встречаются не особенно редко».

Это не «охотничьи рассказы», это правда, но она звучит для нас теперь как сказка. Только сказка эта грустная, не правда ли?

О причинах оскудения наших лесов и рек гадать не приходится. Еще Черкасов с болью и возмущением писал о хищническом истреблении лесов на Алтае, почти поголовном уничтожении дупелей путем браконьерского отлова их сетями, о варварском обычае сбора утиных и тете-

ревиных яиц местным населением, ради чего выжигались целые поля, и птица с ее ненародившимся потомством гибла в неслучном количестве... Намного ли изменилось с тех пор наше отношение к природе? Но это тема особого разговора.

К заслугам Черкасова следует отнести и то, что он одним из первых выступил в защиту природы Сибири от бессмысленного истребления.

Страстный природолюб, он становится подлинным поэтом, когда дело доходит до описания каких-либо явлений природы: смерча на Оби, весеннего разлива или, например, северного сияния, которое довелось ему наблюдать в Барнауле в ночь с 23 на 24 января 1872 года. Послушайте об этом редчайшем в нашем крае явлении, а заодно оцените язык автора.

«...В этот вечер я был с семьей в гостях. По обыкновению, почти все мы играли в карты и не заметили, что делается на улице. Но вот кто-то обратил внимание на то, что в окнах сделалось так светло, что можно было принять за рассвет утра. Конечно, тотчас это явление заметили уже все, и многие невольно посмотрели на часы, думая, что уже поздно, но на них не было и 12 — значит, утро еще далеко!..

Но что же это за свет?.. Откуда и отчего он происходит? Сначала многие подумали, что не пожар ли в городе. Но нет! Совсем не тот свет и заревом не отливает, а напротив, напоминает рассвет утра, но точно с каким-то искусственным синеватым оттенком. Почти все мы тотчас накинули шубы и высочили на улицу, где было уже так светло, что некоторые читали принесенную книгу. Тут, конечно, все уже поняли, что такое явление ничто больше, как грандиозное северное сияние. Долго все гости топтались на месте, ходили по улице, как очарованные, смотрели к северу и кроме общего света, разлившегося по всему небосклону, увидели громадные синевато-белые столбы, расходящиеся с горизонта в виде громадного распущенного глухаринного хвоста. Целый мир звезд точно ступевался и только более крупные из них, гораздо слабее своего обычного блеска, еще мерцали с высоты неба!.. Общая картина такого грандиозного явления природы изображала что-то величественное, непостижимое и вместе с тем удручающе действующее на душу. У многих нервных особ ощущался бессознательный трепет, даже страх и непонятная агитация!.. Многие молчали и только созерцали, а все мы словно еще раз сознали свое ничтожество перед силами великой природы и как бы смиренно приблизились к богу...

С вечера мы отправились около двух часов ночи, и сияние не только не уменьшалось, но едва ли не увеличилось; мы ехали точно днем, но при особом фантастическом освещении...»

Очерки содержат немало интересных сведений об истории заселения Алтая, возникновения и развития горнозаводского производства, а также о некоторых выдающихся людях, в свое время живших в нашем крае. Жителям Алтая, особенно барнаульцам, хорошо известно имя Петра Козьмича Фролова, начальника Кольвано-

Воскресенских заводов в 1817—1830 годах. С его именем связано большое строительство в Барнауле (вспомните «уголок Петербурга»), создание музея и многое другое. Этот передовой просвещенный администратор был, между прочим, грозой казнокрадов и взяточников. У тогдашних чиновников даже поговорка такая бытовала: «Не боюсь ни огня, ни меча, а боюсь Петра Козьмича».

Вот что рассказывал о нем Черкасов один из барнаульских старожилов:

«...Как не помнить такого человека! Вот уж, откровенно говоря, была голова! Одна не бедна, да все знала до дна! Ну и власть у него была полная; это не то, что теперь: один не тянет, другой не везет. Нет, у Фролова все бы из гужей вылезли да повезли без подстежки. Нет, у него бы не стали показывать пальцами да говорить — моя хата с краю, ничего не знаю. Не стали бы задирать голову, как нынешние мировые, да не понимая, в чем состоит настоящая гуманность, поблажать всякому прохвосту — нет!.. Он бы утер замаранное-то в пушку рыльце!.. Фролов был всему голова и ничего без его ведома не делалось. И вот все, что вы видите хорошего, все капитальные постройки, и лазарет, и горное училище и прочее — все дело рук Фролова. А по заводам, по рудникам что он понаделал!.. Это не чета нынешним. Фролов был человек именитый, одно слово — начальник! Правду он говорил, как рассказывал тополевою аллею по песчаному грунту, и когда ему доложили, что в песке тополя не вырастут, посохнут, — врете, говорит, дураки, головешку посажу и та вырастет! И выросли. Вон и теперь стоят по Московскому тракту...»

Ныне этот тракт, как известно, называется Ленинским проспектом. На нем немало старых тополей. Возможно, некоторые из них — фроловские?..

Много места уделено в очерках описание жизни, быта, обычаев алтайцев (тогда их называли калмыками).

«Вообще калмыки, — пишет Черкасов, — народ честный, слово свое держат свято и воровства не знают, это их достоинство и гордость народная!»

И далее:

«Это замечательные стрелки из винтовок; это настоящие зверовщики, которые знают всю тайгу своего округа, знают бытовую характер всякого зверя, обитающего в отрогах поднебесного Алтая, знают, где и как его взять, и не трусят ни перед какой опасностью».

Вместе с тем автор не скрывает своего отрицательного отношения к некоторым сторонам жизни алтайцев, порожденным вековой темнотою и невежеством: пьянству, варварскому обряду жертвоприношения при камлании и не менее варварскому обычаю увозить тяжело больного родича в лес и бросать его там на произвол судьбы. С гневом и возмущением пишет он о том, как грабят этих темных и доверчивых детей природы.

«По своему уединенному положению и незнанию они возмутительно эксплуатируются не только именитым купечеством Кузнецка и Бийска, но многими торгаша-

ми, истыми кулаками и управляемой ими ближайшей властью... Сколько именитых миллионеров Бийска пошло, так сказать, жить с этой несчастной татарвы!..»

Как созвучно это с тем, что написал 20 лет спустя другой выдающийся гуманист — Вячеслав Шишков!

«Весь бы этот тракт (речь идет о Чуйском тракте — В. Г.) серебром можно вымостить да золотом, что загребли-захапали купцы у алтайцев и монголов. Весь бы тракт можно слезами залить, что сочлились из глаз полудиких, с чистой душой кочевников; такой большой обидой и горем наделил их русский неистовый алчный хищник».

В очерках можно найти немало интересных фактов из жизни мастеровых хорошо знакомого Черкасову Сузунского завода.

Вот некоторые из них.

«В Сузунском заводе много десятков тысяч пудов сернистых руд обрабатывают в «пожогах», так, что в это время отделяется большое количество серной кислоты и нередко по всему селению пахнет тухлыми яйцами, а возгонная сера тонким желтоватым налетом садится поблизости пожогов, что в особенности заметно на дождевых лужах. От таких сернистых отделений поблизости завода не живут куры и пропадают вместе с некоторыми злками...»

Куры жить не могли, а мастеровые жили. А вот как они питались:

«Живя в Сузуне, я сотни раз наблюдал за приносимым обедом рабочим людям в заводскую «фабрику» и пришел к тому заключению, что эти труженики кушают не жирно. Нередко весь их обед заключался в бутылке молока или кваса и куске хлеба. Реже приносятся пироги из темного теста с мелкой рыбешкой и еще реже какая-нибудь немудрая похлебка — и это там, в общей «обжорной», где есть соревнование между родными или женами рабочих. Если и появляются щи, то это только один «блезир», как говорят рабочие; или еще характернее по их выражению: «Наши щи хоть кнутом хлещи — пузья не выскочит».

Невеселая картина, что и говорить. Но вывод автор делает такой: «А кто все-таки виновен? Кабак!»

К кабаку у него отношение прямо-таки нетерпимое. В нем он видит причину всех зол в жизни мастеровых, крестьян, алтайцев. Конечно, пьянство — великое зло, спору нет, и все же один ли кабак был виноват в бедствиях угнетенного и эксплуатируемого люда? Достоинно сожаления, что Черкасов не сумел глянуть на это глубже...

Не прошли мимо его внимания и мятарства переселенцев, хлынувших от безземелья в Сибирь.

«Трудно, — пишет он, — кратко выразить то ужасное состояние, когда новоселы приезжали поздно, иногда с последними рейсами, и, не имея возможности устроиться, поневоле гнездились в маленьких душных и наскоро поставленных помещениях, тем более потому, что пароходы и баржи «сбрасывали» их там, где

уже население, вследствие прежних передвижений, было скучено... Так, по отчету Алтайского «объездного» врача за 1881 год представляется, например, такая картина: в избушке новосела в 7 аршин длиною, 6 аршин шириною и 3 аршина высотой (это около 20 квадратных метров — В. Г.) помещалось 14 взрослых и 4 детей!.. Кроме того, тут же должны были найти приют домашняя птица и мелкий скот: телята, ягнята и проч. Поэтому можете себе представить, что это было за гнездо смрада и грязи, где жили люди, прибывшие в Сибирь!..»

Так мог написать лишь человек большой и доброй души, верно? Но чуть дальше читаем у него такие слова о тех же переселенцах:

«Это словно какая-то саранча налетела на привольные пажити Алтая и, точно с голодовки, напустилась на его природные богатства... Там, где поселились «рассейские», дичи почти не стало, где по колкам стояли озерки или пробегали ручейки, образовались сухие лога — «хоть топор колоти», как говорят сибиряки».

Что означает эта вспышка сибирского сепаратизма? Напрашивается вывод, что при всей своей гуманности Черкасов не всегда был способен сойти с позиций своего класса.

Обращает на себя внимание и такая деталь: о чем бы Черкасов ни рассказывал, он сравнивает Алтай с Забайкальем и сравнение это всякий раз не в нашу пользу. И природа у нас беднее, и народ не такой гостеприимный, и все песни на один лад. Утверждает даже, что за двадцать почти лет жизни на Алтае ему «не удалось увидеть не только красивую, но даже и просто миловидную девушку или женщину».

Вряд ли это было так, но, скажите, можно ли обвинять его в том, что он всей душой и сердцем прикипел к краю, где прошла его молодость?..

Вот короткий и неполный пересказ этих забытых очерков. Думаю, со мной согласятся, что, несмотря на отдельные недостатки, они не утратили своей художественной и познавательной ценности.

Нина КЛАДОВА

## СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ 1970—80-х гг. О РАБОЧЕМ КЛАССЕ СИБИРИ  
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

В истории нашей страны есть такие события, над которыми не властно время. Именно к таким событиям относится история борьбы рабочих и крестьян с интервентами и белогвардейцами. Анализ исторических исследований, опубликованных в 1970—80-х гг., убеждает нас в том, что история гражданской войны в Сибири по-прежнему привлекает внимание исследователей. Характеристику основных направлений и результатов изучения интервенции и гражданской войны в Сибири, соотношение преемственности и новаторства в исследовании темы, выявление проблем, нуждающихся в дальнейшем изучении, мы находим в работах И. В. Ворожейкина, И. И. Минца, В. П. Наумова, И. М. Разгона, М. Е. Плотниковой, В. И. Шишкина и др. Из всего многообразия проблем истории гражданской войны в Сибири мы выделим одну: рабочий класс Сибири в годы гражданской войны и интервенции — и определим степень ее изученности. Выбор проблемы для историографического анализа не случаен. Вопрос о роли рабочего класса Сибири в борьбе с белогвардейцами и интервентами имеет свою историю. В 1920—30-е гг. развернулась острая идеологическая борьба с троцкистами и фальсификаторами разного рода, пытавшимися исказить историческую правду о рабочем классе Сибири, принизить значение его борьбы с контрреволюцией. В опубликованных в 1920—30-х гг. исторических исследованиях В. Д. Вегмана, А. Н. Турунова, Я. Кальнина, С. А. Козловой и др. опровергаются утверждения о пассивности рабочих в борьбе с белогвардейцами и интервентами, приводятся неопровержимые доказательства его активной борьбы с контрреволюцией. В исследованиях Н. М. Журавлева, В. А. Кадейкина, М. И. Стишова, опубликованных в 1950—60-х гг., история героической борьбы рабочего класса Сибири подвергается дальнейшему глубокому изучению.

Вместе с тем, определяя состояние изученности истории гражданской войны и интервенции в Сибири к середине 60-х годов, М. Е. Плотникова отмечала, что история борьбы рабочего класса с контрреволюцией оказалась менее всего разработанной.

Произошли ли какие-либо качественные изменения в исследовании проблемы?

Какие новые тенденции в ее освещении намечались?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, проанализируем работы сибирских историков, опубликованные за последние десять—пятнадцать лет.

### 1

Методика исследования этой проблемы опирается на солидный опыт. Закономерности развития сибирского рабочего класса в наиболее общем виде были сформулированы Г. А. Докучаевым и А. С. Московским. Правда, анализ структуры рабочего класса Сибири дан в работах этих историков не в тех хронологических рамках, которые нас интересуют. Но нас в этих исследованиях заинтересовала глубокая теоретическая разработка самого понятия «структура рабочего класса». Мы считаем, что полемика по поводу социальных границ рабочего класса должна привести историков к стремлению уточнить, выявить все отряды рабочего класса Сибири, а это в свою очередь приведет к уточнению численности сибирского рабочего класса в разные хронологические периоды — и в том числе в годы гражданской войны. Дело в том, что данные о численности рабочего класса Сибири к началу гражданской войны, которые приводит В. А. Кадейкин («Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов». Кемерово, 1966), с большим сомнением можно считать достаточно точными.

Во-первых, источники, которыми он пользовался при анализе численности рабочего класса (материалы Всероссийской переписи промышленных заведений 1918 г., материалы о количестве членов профсоюз), объективно не давали ему возможности учесть все категории рабочих.

Во-вторых, В. А. Кадейкин, определяя численность рабочего класса, включает в его состав обслуживающий персонал промышленных предприятий, а это, по нашему твердому убеждению, теоретически неверно.

В-третьих, назвав конкретно численность одного из крупнейших отрядов рабочего класса Сибири — рабочих водного транспорта, он сам отмечает, что численность определена без учета рабочих ре-

монтажных мастерских, верфей, затонов, без учета грузчиков.

Все эти обстоятельства и не позволяя считать приведенные В. А. Кадейкиным данные о численности сибирских рабочих окончательными.

В 1970—80-е гг. Г. А. Докучаев и А. С. Московский продолжили изучение структуры рабочего класса: они исследуют источники и формы пополнения рабочего класса. Г. А. Докучаев, например, обращает внимание на сущность самих понятий «источники пополнения рабочего класса», «формы пополнения рабочего класса» (в кн.: Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970, с. 5—13). Характеризуя общие источники пополнения, он при этом отмечает, что для определенных этапов развития советского рабочего класса существуют свои, специфические, присущие только этому периоду источники пополнения рабочего класса. А. С. Московский дополняет общие выводы, сделанные Г. А. Докучаевым, анализом путей пополнения рабочего класса в период строительства социализма (там же, с. 14—27). Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в теоретическом плане вопрос о структуре рабочего класса сибирскими источниками разрабатывался успешно. Более того, конкретно структура рабочего класса Сибири в различные исторические отрезки изучена довольно обстоятельно. Исключение в общей благополучной картине — отсутствие исследований структуры рабочего класса в годы гражданской войны. Робкую попытку в этом плане сделала К. А. Заболотская, охарактеризовав источники и формы пополнения рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса вообще за годы Советской власти, при этом обратив внимание на изменение в численности шахтерских кадров в годы гражданской войны. (В кн.: Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970, с. 42—47.)

В обобщающем труде сибирских историков «Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. 1917—1937» (Новосибирск, 1982) исчерпывающей характеристики квалификационного состава рабочего класса нет.

Все вышеизложенные аргументы позволяют нам утверждать, что и в 1970—80-е гг. проблема структурных изменений рабочего класса Сибири в годы гражданской войны конкретной и обстоятельной разработки не получила. Мы считаем, что неисследованность этой проблемы неизбежно повлечет за собой большие сложности, с которыми столкнутся историки при изучении форм политической деятельности рабочего класса, анализе складывания военно-политического союза рабочего класса и крестьянства, роли рабочего класса в партизанском движении и других аспектов истории рабочего класса в годы гражданской войны, ибо изучение всех этих проблем во многом зависит от ясного понимания структурных, социальных изменений в рабочем классе.

## 2

Характерной особенностью исследований 1970—80-х гг., касающихся рассматриваемого аспекта проблемы, является то, что от простого, так сказать эмоционального, описания тяжелой жизни рабочих историки переходят к аргументированной характеристике антирабочей политики контрреволюционных режимов. В коллективной монографии Н. Я. Гушина, Ю. В. Журова, Л. И. Боженко «Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917—1937 гг.)» (Новосибирск, 1978) тяжелое положение рабочего класса дается как следствие антирабочей политики сибирской контрреволюции.

В работе А. И. Крушанова «Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке» (Владивосток, 1972) также охарактеризованы основные моменты экономической политики правительства Колчака. Однако влияние этой политики на ухудшение положения рабочего класса Сибири не прослежено: описывается лишь положение рабочих Дальнего Востока.

А. С. Московский усиливает характеристику бедственного положения рабочих описанием последствий вспыхнувших эпидемий тифа и холеры. («Промышленное освоение Сибири в период строительства социализма». Новосибирск, 1975.)

Развернутую обобщенную характеристику положения рабочего класса мы находим в коллективной монографии «Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.)» (Новосибирск, 1982). В работе глубоко аргументирован вывод о том, что насилие — это основной метод воздействия на рабочую массу, применявшийся Временным сибирским правительством.

Все исследователи, характеризуя антирабочую политику сибирской контрреволюции, ухудшение положения рабочего класса, справедливо связывают это с процессом активизации борьбы рабочего класса.

В годы гражданской войны и интервенции ожесточенному вооруженному и идеологическому натиску контрреволюции, дезорганизации экономики рабочий класс противопоставил высокую организованность и дисциплину. Неоспоримые доказательства процесса нарастания борьбы рабочих Сибири мы находим и в литературе 1970—80-х гг.

Гарлица В. В. в статье «Из истории борьбы рабочих Сибири против «демократической» контрреволюции» (в ж.: «История СССР», 1975, № 4) поставил перед собой задачу: документально подтвердить действительное отношение рабочего населения Сибири к Временному сибирскому правительству. Основное внимание он уделяет освещению истории борьбы рабочих профсоюзов Сибири с контрреволюцией летом и осенью 1918 г. Проанализировав резолюции профсоюзных съездов и конференций, В. В. Гарлица пришел к выводу о советской направленности профсоюзного движения. В монографии «Рабочий класс Сибири в период строительства социализ-

ма (1917—1937)» приведены достаточно веские аргументы, убеждающие нас в том, что влияние меньшевиков и эсеров в профсоюзах катастрофически падало.

В принципе все сибирские историки отмечают большой вклад рабочих профсоюзов в дело борьбы с контрреволюцией. Однако в исследовании этой проблемы есть еще «белые пятна». В литературе 1970—80-х гг., как правило, анализируется деятельность отдельных профсоюзов. Например, в работе Б. Д. Головина «Годы огневые обь-иртышских речников» (Кемерово, 1973) дана характеристика деятельности профсоюзов рабочих-водников, отдельные эпизоды борьбы грузчиков, горнорабочих. Но обобщающего исторического исследования, в котором была бы прослежена деятельность профсоюзов комплексно, а именно: определена их роль в организации Красной гвардии, в забастовочном движении, в партизанской борьбе — по-прежнему нет.

## 3

Во всех классовых битвах пролетариат действовал как главная революционная сила. Казалось бы, этот бесспорный тезис не требует доказательств. Между тем, И. Е. Ворожейкин подчеркивает, что «на эту сторону вопроса до сих пор приходится обращать внимание, потому что отдельные историки допускают сомнения в осуществлении пролетариатом роли гегемона... преувеличивая стихийный характер движения масс, преуменьшая значение сознательности и организованности рабочего класса» («Очерк историографии рабочего класса СССР». М., 1975, с. 15).

В тяжелых условиях гражданской борьбы рабочий класс Сибири продолжал борьбу. Это доказано в исторических исследованиях прошлых лет. Новые свидетельства героической борьбы рабочего класса Сибири мы находим в литературе 1970—80-х гг.

Б. Д. Головин в книге «Годы огневые обь-иртышских речников» приводит разнообразный фактический материал, свидетельствующий об организации красногвардейских отрядов речниками, подробно описывает их состав, показывает героическую борьбу речников-красногвардейцев летом—осенью 1918 г. Весьма показателен тот факт, что Б. Д. Головин пытается определить степень организованности действий красногвардейских отрядов. С этой целью он анализирует деятельность ВРК, созданного при Алтайском совете рабочих и солдатских депутатов. В книге Б. Д. Головина мы находим много конкретных исторических фактов, свидетельствующих о героизме красногвардейских отрядов, созданных речниками.

С. В. Николаева и А. Л. Сбитнева, задавшись целью собрать и систематизировать материал, рассказывающий о борьбе железнодорожников Забайкалья за власть Советов, в статье, помещенной в сборнике «50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и интервентов» (Чита, 1972), рассматривают вопрос об организации красногвардейских отрядов на желез-

ной дороге и описывают их героическую борьбу с бандами семеновцев.

В коллективной монографии «Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917—1937)» глава вторая первого раздела называется «Красная гвардия в боях с интервентами и белогвардейцами». Глава написана В. С. Познанским. В этой работе автору удалось осветить проблему всесторонне, обратив при этом особое внимание на ранее не исследованные стороны проблемы. Так, В. С. Познанский, анализируя состав красногвардейских отрядов, приходит к выводу о том, что вся тяжесть борьбы с контрреволюцией летом 1918 г. легла на рабочих, крестьянство практически устранилось от участия в Красной гвардии. В. С. Познанский приводит некоторые сведения о численности красногвардейских отрядов.

Таким образом, следует отметить проявление некоторого интереса у историков к изучению проблемы участия рабочего класса в Красной гвардии. Однако в 1970—80-е гг. историки рассматривали, уточняли лишь отдельные эпизоды этой проблемы. При этом достаточно серьезное обоснование классового состава, численности красногвардейских отрядов в общем по всей Сибири, организованности их действий в литературе 1970—80-х гг. все же не сделано.

Тема борьбы рабочего класса Сибири в годы гражданской войны включает, кроме уже рассмотренных вопросов, еще по крайней мере две очень важные проблемы: роль рабочего класса в большевистском подполье, в забастовочном движении и место рабочего класса в партизанском движении. В 1950—60-е гг. главное внимание историков было сконцентрировано на изучении именно этих проблем. Однако нет в литературе тех лет фундаментальных выводов о степени организованного участия сибирского рабочего класса в вооруженных местных восстаниях, роль рабочих в большевистском подполье можно проследить лишь фрагментарно. В 1970—80-е гг. разработка этих проблем продолжается.

В монографии А. И. Крушанова «Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1920 гг.)» одна из глав освещает деятельность большевистского подполья. Но в этой главе автор приводит лишь факты, свидетельствующие о стачечной борьбе рабочих. Оценки уровня стихийности и сознательности в рабочем движении, доказательства прямой связи большевистского подполья со стачечной борьбой, вооруженными восстаниями рабочих по всей Сибири в книге Крушанова найти не удается.

В уже упомянувшейся книге Н. Я. Гущина, Ю. В. Журова, Л. И. Боженко «Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917—1937)» в качестве очень важной предпосылки складывания этого союза справедливо рассматривается связь городского большевистского подполья и сельского. Авторы приходят к выводу о том, что крестьянство в революционном подполье никогда не выступало как само-

стоятельная, оторванная от пролетариата сила. Но вывод этот звучит, на наш взгляд, несколько декларативно. Для того, чтобы обосновать очевидную связь городского и сельского подполья, следовало доказать наличие по крайней мере двух явлений: 1) рабочие были организаторами сельского подполья; 2) восстания в селах проходили либо под руководством рабочих, либо при их активном участии.

В плане доказательств того факта, что именно рабочие были организаторами сельского подполья, чрезвычайно разнообразный и интересный материал приводится в книге М. И. Ступакова «За правое дело» (Новосибирск, 1977). Автор книги — бывший связной большевистского подполья. Он поставил перед собой задачу: рассказать о малоизвестных и неизвестных борцах за власть Советов в Сибири. Им записано более 400 воспоминаний участников гражданской войны, которые и легли в основу книги. В главе «Героическое подполье» М. И. Ступаков приводит факты, свидетельствующие о том, что именно рабочие были организаторами сельского подполья. Главная ценность книги заключается в том, что в ней действует не рабочий класс Сибири вообще (как это часто бывает в исторических исследованиях), а конкретные личности. Автор не ставил целью исследовать социальный состав большевистского подполья, но, называя имена рабочих-подпольщиков, описывая их деятельность, он подводит нас к невольному выводу о том, что именно рабочие составляли основу большевистского подполья, именно рабочие были костяком многих славных партизанских соединений.

К вопросу об участии рабочих в деятельности большевистского подполья, в вооруженных восстаниях тесно примыкает вопрос о месте рабочего класса в развернувшимся в Сибири партизанском движении.

Во всех исследованиях 1950—60-х гг. обосновывалась руководящая роль рабочего класса в вооруженной борьбе трудящихся Сибири. Историками были проведены исследования удельного веса рабочих в партизанских отрядах. Например, Ю. В. Журов, анализируя источники, пришел к выводу о сравнительно большом удельном весе рабочих в партизанских отрядах Енисейской губернии. (Ю. В. Журов. Социальный состав и социально-политическая платформа енисейских партизан. — «Ученые записки Красноярского педагогического института», вып. I, т. 26. Красноярск, 1967.) М. Е. Плотникова, исследовав роль рабочего класса в партизанском движении на территории Кузбасса, пришла к обоснованному выводу о том, что в Кузбассе рабочий класс бесспорно стоял во главе партизанского движения. (М. Е. Плотникова. О роли рабочего класса в партизанском движении на территории Кузбасса. В кн.: 50 лет г. Кемерову. Кемерово, 1968.) Несмотря на определенные успехи в исследовании указанной проблемы в 1950—60-е гг., у Б. П. Наумова были все же основания утверждать, что «в литературе по истории гражданской войны в Сибири слабо раскрывается учас-

тие рабочих в партизанском движении». (Б. П. Наумов. Летопись героической борьбы. М., 1972, с. 405.) Мы считаем это утверждение справедливым, потому что в исследованиях 1950—60-х гг. анализировался в лучшем случае социальный состав партизанских отрядов отдельных районов, а чаще — просто отдельных партизанских отрядов.

В 1970—80-е гг. проблема ведущей роли рабочего класса в партизанском движении продолжала привлекать внимание историков Сибири. Н. К. Ведяшев, анализируя социальный и партийный состав партизанского движения Северо-Западной Сибири на первом его этапе, приходит к выводу: «Несмотря на то, что рабочих в партизанских отрядах было меньше, чем крестьян, все же они составляли значительный процент и часто стояли во главе групп и отрядов, осуществляя тем самым руководство партизанским движением с момента его возникновения». (В кн.: Из истории Западной Сибири и Омской области. Омск, 1974, с. 69—70.) О. М. Циренова, характеризуя процесс складывания предпосылок партизанского движения в Восточном Забайкалье, показывает нарастание революционной борьбы рабочего класса, тем самым связывая рабоче и партизанское движение. Тем неожиданнее тот вывод, к которому приходит Циренова О. М.: «Центр борьбы с семеновцами и японцами находился в сельской местности... Огромные массы крестьянства и казачества были готовы к восстанию». (О. М. Циренова. Партизанское движение в Восточном Забайкалье (1918—1920 гг.). В кн.: 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и интервентов. Чита, 1972, с. 198.) Как видим, в выводе нет ни слова о рабочем классе.

В книге Н. Я. Гущина, Ю. В. Журова, Л. И. Боженко «Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма» специальный раздел посвящен анализу партизанского движения как формы проявления военно-политического союза рабочего класса и крестьянства. Приведя многочисленные факты вспыхнувших городских восстаний, авторы приходят к выводу о том, что партизанское движение развивается под прямым воздействием революционной борьбы трудящихся города.

Несколько иначе, чем прежде, авторы подходят к обоснованию ведущей роли рабочего класса в партизанском движении. Они справедливо утверждают, что сам по себе факт численного преимущества крестьян в партизанском движении еще не является свидетельством слабости позиций рабочего класса в партизанском движении. «Роль рабочего класса определяется не числом его представителей в партизанском движении, а тем, что последнее находилось под его идейным и организационным влиянием, что это движение в большинстве своих районов развивалось под большевистскими лозунгами» (указ. соч., с. 126). В 1970—80-е гг. литература о партизанском движении пополнилась работами Г. Н. Попова «Партизаны Заманья» (Красноярск, 1974), А. Н. Лифантьева

«Очерки о шиткинских партизанах» (Красноярск, 1974), Б. Г. Логвинова «В борьбе с колчаковщиной (очерки о красноярском большевистском подполье и партизанском движении в Енисейской губернии. 1918—1920 гг.)» (Красноярск, 1980).

Наибольший интерес представляет книга Б. Г. Логвинова, изданная к 60-летию освобождения от колчаковских войск Красноярского края. Автор, обосновывая ведущую роль рабочего класса в партизанском движении, рассказывает о рабочем партизанском отряде Н. М. Капылова. И, характеризуя деятельность одного отряда, Б. Г. Логвинов делает обобщенный вывод о развитии всего партизанского движения под идейным руководством и при непосредственном участии рабочего класса. Цементирующее влияние рабочих в партизанских отрядах он иллюстрирует фактами, свидетельствующими о том, что во главе некоторых отрядов стояли рабочие. Много ли было таких отрядов в Сибири? На этот вопрос Б. Г. Логвинов не отвечает. Да и не являются количественные показатели определяющими — в этом мы полностью согласны с позицией Ю. В. Журова, М. Е. Плотниковой и других историков.

Заканчивая краткий анализ литературы 1970—80-х гг. о рабочем классе Сибири в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, мы приходим к выводу: такие малоизученные проблемы, как состав, численность, концепция рабочего класса Сибири в годы гражданской войны, борьба профсоюзов в условиях контрреволюционных режимов, роль рабочих в большевистском подполье,

в забастовочном движении, место рабочего класса в партизанском движении, и в 1970—80-е гг. до конца исследованы не были. Связано это прежде всего с общим снижением интереса к истории рабочего класса периода гражданской войны, закономерно приведшему к тому, что в 1970—80-е гг. практически ни одна из рассмотренных проблем специально, монографическому анализу не подверглась. Все они даны в контексте и не являются предметом специального изучения.

Особенностью новейшей исторической литературы о рабочем классе Сибири в годы гражданской войны является то, что большинство рассмотренных работ — это небольшие статьи, сообщения, сделанные на различных научных конференциях. Из крупных специальных работ можно назвать лишь исследование Н. Я. Гушина, Ю. В. Журова, Л. И. Боженко «Союз рабочего класса и крестьянства в период построения социализма» и коллективную монографию «Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917—1937)». Безусловно, эти работы восполняют многие пробелы в истории рабочего класса. Что касается последней работы, то она является вообще впервые выполненным обобщающим исследованием по истории сибирского рабочего класса с февральской революции до построения социализма. Но одна, даже крупная монография, не в состоянии воссоздать все сложные процессы, происходящие в рабочем классе Сибири в годы гражданской войны. История борьбы рабочих Сибири с контрреволюцией нуждается в дальнейшем глубоком изучении.



Валентина НОВИЧИХИНА

Рисунки  
Б. МАКСИМЕНКО

**ДОЖДЬ**

Дождь по крышам  
барабанит!  
И по грядкам  
дробью бьет!  
С неба радуга  
спустилась.  
И из речки  
воду пьет.



**РАДУГА**

В небе радуга горит —  
яркая тропинка!  
«Посмотрите, — говорит  
девочка Аринка. —  
Там за речкой, на лугу,  
я достать ее могу!  
По цветной дорожке  
проведу ладошкой!»

**ДРУЖОК**

Я нашла щенка зимой,  
принесла его домой,  
отогрела, приласкала,  
угостила пирожком.  
Назвала щенка  
Дружком.



**ЖЕРЕБЕНОК**

У лошадки есть сынок —  
быстроногий стригунок.  
— Осторожней, —  
просит мама.  
А сынок твердит упрямо:  
— Что за страхи? Иго-го!  
Не боюсь я ничего!



**СЧИТАЛКА**

Стрекоза, стрекоза!  
У пруда растет лоза.  
Я поймаю стрекозу,  
посажу на ту лозу.  
Ты не бойся, стрекоза,  
не ломается лоза!



**ПРОБУЖДЕНИЕ**

Солнце поднимается,  
детям улыбается.

Доченька проснулась,  
сладко потянулась:

по-тя-гу-шеч-ки  
на по-ду-шеч-ке!

**УМЫВАНИЕ**

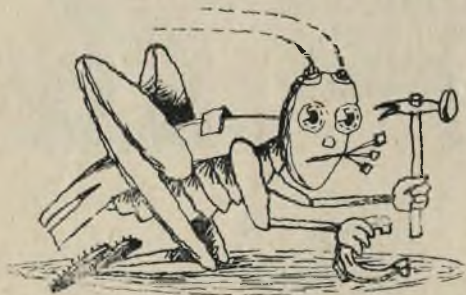
У нашего мальчика  
маленькие пальчики.

У нашего крошки  
нежные ладошки.  
Ой, ладошечки-лады,  
не боимся мы воды!

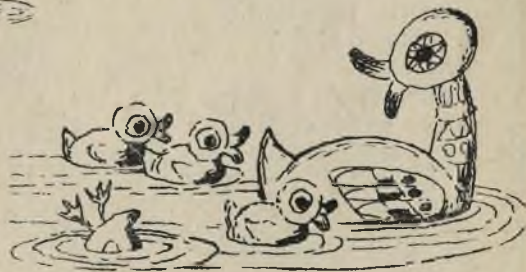
Мы умоем личико  
теплой водичкой,  
вытрем крошку-птенчика  
мягким полотенчиком.

**КУЗНЕЧИКИ**

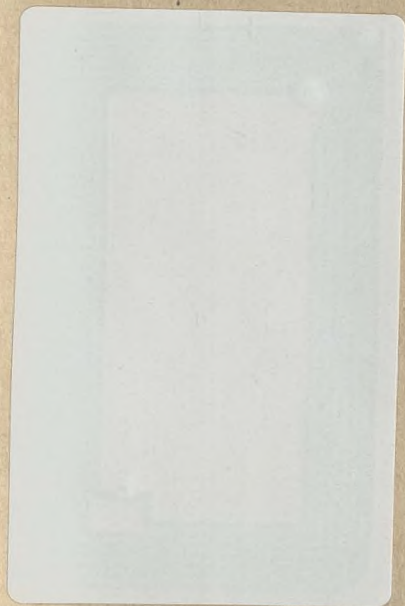
Кузнечики-чики-чики,  
удалые кузнецы!  
Вы подкуйте нам лошадок.  
Мы подержим под уздцы.

**УТЯТА**

Им всего лишь день от роду,  
но такие храбрецы:  
смело лезут с мамой в воду  
и плывут.  
Вот молодцы!

**СВЕРЧОК**

Эй, сверчок-старичок!  
Что ты прячешь в сундучок?  
— Прячу скрипку верную,  
серебряный смычок,  
песенку вечернюю:  
«Свири-свир-вир-чок!»



50 коп.

На первой странице обложки фото С. И. Пирогова